

ИСТОРИЯ

OSTKRAFT

| научное обозрение | www.ostkraft.ru |

| Модест Колеров | Москва | 2020 | №1 |

УДК 94(470) "18/19"
ББК 63.3(2)5
И 90

Редакционная коллегия:
Далибор Денда, Юрий Пуцаев, Кирилл Шевченко.
Ответственный редактор: Модест Колеров

На обложке фото М. Бороздинского

И 90 История. Научное обозрение OSTKRAFT № 1(13).
М. : Модест Колеров, 2020. (www.ostkraft.ru.) 180 с.
ISBN 978-5-905040-51-1

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. А. Колеров.</i> Национализм и социализм в перспективе освободительного движения в России	5
<i>А. В. Ганин.</i> «За мою служебную практику такое свинское отношение было мною встречено впервые»: Окончание письма командующего войсками Киевской области генерала А. М. Драгомирова главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генералу А. И. Деникину от 12 (25) декабря 1919 г.	15
<i>Вудфорд МакКлеллан (Woodford McClellan).</i> Сен Катаяма, Коминтерн и «негритянский вопрос»	20
<i>О. Г. Казак.</i> Роль Коминтерна и Коммунистической партии Чехословакии в формировании украинской национальной идентичности восточнославянского населения Подкарпатской Руси	83
<i>А. В. Мартынов.</i> К вопросу о моральном состоянии коллаборантов на примере 1-й Русской национальной армии	100
<i>Владимир А. Козлов, Марина Козлова.</i> На излете позднего сталинизма: культ бдительности и ритуалы секретности (по материалам Советской военной администрации в Германии, 1945–1949)	107
<i>Марат Шибутов.</i> Политические факторы образовательной миграции из Казахстана	147

***

- Станислав Смагин. Ральф Хартманн. «Честные маклеры».*
Германская внешняя политика и гражданская война в Югославии. Некоторые итоги. СПб. : Гйоль, 2018 167
- Андрей Тесля. Ю. А. Сафронова. Историческая память: введение.* СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019 175

М. А. Колеров

НАЦИОНАЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ В ПЕРСПЕКТИВЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Историческая Россия была счастливо лишена искушений правящего этнического национализма, строя свою идентичность вокруг конфессионального и языкового стержня. Просвещение дало ей два импульса национализма, которые легко легли в эти русла конфессионального и языкового единства: французский и немецкий.

Собственный национализм *политический* в России восходит к образу (общенационального) Отечества, введённому в доминирующий военно-государственный и идеологический лексикон Петром Великим и потому тесно переплетённому им с монархической лояльностью.¹ Он стал основой для имперской идеологии, свободной от этнических сужения и эксплуатации.

Новый, общественный, общегражданский, политический, не монархический импульс для формулирования русского имперского (государственного) национализма дала Французская ре-

---

¹ О развитии образа Отечества в русской и советской исторической политике см. подробно: М. А. Колеров. Историческая семантика «Отечественной войны»: между общенациональным и этническим / партийным (1812–1914–1918–1941) // М. А. Колеров. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М., 2017. Я ссылаюсь здесь лишь на свои исследования, содержащие детализацию, доказательства тезисов и иллюстрации к ним. Эти исследования, конечно, ни в коем случае не дают историографической картины вопроса.

волюция и увенчавший её император Наполеон Бонапарт. В перспективе Французской революции и её императорской эволюции просуществовала вся история русского антисамодержавного освободительного движения вплоть до большевистской революции 1917 года, послереволюционного «термидора» и установления диктатуры Сталина.

Прямо из-под оккупации французского революционного империализма вырос столь же яркий и мировой образец национализма *культурно-языкового* (поначалу вполне антиимпериалистического) — общенемецкий национализм Фихте. Он стал философией и нормой европейского национального освобождения и государственного объединения, практически (почти) не замечая национальных меньшинств, неизбежно попадающих в поле национального объединения (в германском случае это были поляки и евреи, обречённые на ассимиляцию). Во след ему поднялось национальное восстание и объединение Италии. Возрождающиеся и борющиеся за объединение Германия и Италия стали в центр революционного и либерального пафоса в России. При этом Германия стала также образцом и массового успешного социал-демократического движения,² чей германский патриотизм (и даже защищаемая им сама Германская империя как *объединённое национальное государство*) воспринимались в России как *патриотизм прогресса, национализм передовой нормы*.

Благодаря своему социализму, объединённая *национальная* Германия точно так же служила альтернативой государственному национализму русского самодержавия, как служила ею либеральная, но *колониальная* Британская империя, зримо отводившая России удел новой Индии (в то время как Россия хотела быть новой Америкой). В глазах социалистического и либерального освободительного движения в России государственный национализм Российской империи был «тюрьмой народов», то есть *многонациональной* империей на пути стремлений народов к независимости, в первую очередь — на пути ассимиляторской националистической Великой Польши дораздельных масштабов, то есть включая этнографические литовские, белорусские и малороссийские (украинские) и др. территории (которые *даже* в межвоенной

---

² М. А. Колеров, Н. С. Плотников. Русский образ Германии: социал-либеральный аспект // Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999.

Польше XX века давали до 50% населения). Логика националистической борьбы заставляла видеть в русской империи *националистического врага*, каковым она не была. Это тем более было видно по тому, как именно Российская империя остановила ассимиляцию Финляндии её шведским правящим классом и тем самым невольно дала старт для финского националистического проекта Великой Финляндии.

Нет сомнений в том, эти французский и германский образцы национализма изначально равно содержали в себе идеалистические, религиозные, социальные и социалистические принципы общенационального и политического строительства. В России этот социал-либеральный проект религиозного национального освобождения и объединения пал жертвой революции 1905 года и главной его фигурой стал поп Гапон.³

При этом именно германский объединительный и протекционистский *социал-консервативный* национализм⁴ противостоял *либеральной* фритредерской риторике британского империализма. Германский образец воспитывал в России последователей немецкого национал-либерализма (а затем — и национал-большевизма, не выросшего в национал-социализм):⁵ они и либо вели конкурентную имперскую борьбу против Германии, либо пестовали революционную с ней солидарность. А собственная (вполне маргинальная)⁶ попытка строительства либерального *русского имперского национализма* была не только утверждением верховенства имперской государственности, но и почти отрицанием её этнографической сложности как несущественной.⁷

---

³ М. А. Колеров. Сборник «Проблемы идеализма» (1902): история и контекст. М., 2002.

⁴ М. А. Колеров. Фихте, Лист, Витте, Сталин: изолированное государство, протекционизм, первоначальное социалистическое накопление и «социализм в одной стране» // М. А. Колеров. Сталин: от Фихте к Берия.

⁵ М. А. Колеров. «Аще не умрет, не даст плода»: власть и жертва Николая Устрялова // М. А. Колеров. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018.

⁶ Ещё более маргинальной следует признать попытку строительства низовой «национал-демократической» альтернативы, блестяще исследованной в недавних трудах: А. А. Чемакин. Истоки русской национал-демократии: 1896–1914 годы. СПб., 2018; А. А. Чемакин. Русские национал-демократы в эпоху потрясений: 1914 — начало 1920-х годов. СПб., 2018.

⁷ Национализм. Полемика 1909–1917. Сборник статей / Сост. М. А. Колеров. 2-е изд. : М., 2015; М. А. Колеров. «Проблемы Великой России» (Москва,

Этнонациональная и конфессиональная сложность была хорошо видна именно социалистическому и либеральному освободительному движению в России. Политически её пестовали польский, финляндский и еврейский вопросы (украинский не был политически громким), а этнографически он исходил из собственно богатого ссыльно-каторжного опыта русских революционеров. Однако подлинная сложность национального вопроса в монопольном владении социалистического и либерального консенсуса развивалась и рассматривалась в пределах западных образцов: расчленяемых в большинстве проектов будущего мирового устройства Австро-Венгерской и Османской империй на национальные (территориальные) единицы, а также доминионы, протектораты и колонии иных великих держав.

Ради этой национальной сложности должна была умереть и Российская империя как младший союзник *любых* победителей в мировой борьбе.⁸ И защитников большой Исторической России вне её уходящих самодержавия и монархии вообще было ничтожно мало: максимум, что обещал ей социал-либеральный консенсус в России, была слабая федерация (вскоре умершего) *австро-венгерского* образца,⁹ из вдохновений которого выросла расчленительная часть доктрины главного большевистского специалиста по национальному вопросу — Иосифа Сталина. Второй половиной ленинско-сталинского решения *мирового* национального вопроса должна была стать стержневая коммунистическая диктатура над сетью *национальных социалистических государств*.¹⁰

1916) // М. А. Колеров. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М., 2017.

⁸ «Сталинский социализм в одной стране, пришедший на смену марксово-энгелевской и ленинско-троцкистской мировой революции, лишь развил в пользу России сложившийся западный цивилизационный расизм, отводивший ей маргинальную роль, использовал богатое германское наследие строительства великой державы на основе экономического протекционизма изолированного государства, применил в пользу Советской власти индустриально-колониальную технологию "первоначального накопления"» (М. А. Колеров. Социалистический консенсус в России на рубеже 1905 года: тезисы к новой истории // М. А. Колеров. От марксизма к идеализму и церкви. С.13).

⁹ М. А. Колеров. «Национальные проблемы» (1915). Репр. содержания // М. А. Колеров. От марксизма к идеализму и церкви.

¹⁰ М. А. Колеров. Анти-Аншлюс: «национальные государства» СССР против Польши (1920–1940-е гг.) // Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков. Сб.ст. / Науч. ред. А. Ю. Полунов. М., 2017. Новейшие для русской науки данные об управляемом Сталиным в рамках и вне СССР осо-

Британский образец воспитывал либерал-империалистов, для которых конкуренция с Британской империей была исключена (и даже — конкуренция с покровительствуемой ею Османской империей!¹¹). России в мире Британии была отведена судьба колониальной Индии.

С революционной точки зрения, германский образец воспитывал в России надэтнический и революционный этатизм, а британский — революционный поиск слабых мест в его колониальной системе, ведущий к солидарности с будущим Красным Востоком, разрушающим Британскую и Османскую империи. Опыт Австро-Венгрии здесь, в колониальном контексте, звучал как почётная для России версия «европейского» национального расчленения. Но опыт Балкан как *Ближнего Востока*, части Османской империи, не включался в этот «европейский» горизонт. И традиционное культурное и внешнеполитическое покровительство России над балканскими народами не воспринималось русскими революционерами как освободительный исторический капитал и было целиком отнесено к её «восточному» империализму, которому во внутренней политике оппозиционная антисамодержавная публицистика издавна нашла нелиберальное клеймо «татарщины».

Иными образцами национализма стали национально-освободительные движения в Польше и Венгрии. Они изначально были проектами регионального империализма, либо отрицающими право иных народов на национальное самоопределение, либо использующими их инструментально как младших союзников в деле разрушения больших враждебных империй. Но, в частности, Польша получила горячую поддержку великих держав — Британии и Франции — в их империалистической борьбе против самодержавной России. И потому борющаяся против России Польша и её собственные империалистические националистические интересы получили у европейских революционеров имя внеклассового «народа-ре-

---

бом великодержавном «социалистическом национализме» на примере Грузии (Украины и др.) см. в моей публикации: Новые речи Сталина о Грузии, истории и национальностях (1945): Нико Бердзенишвили. Встреча со Сталиным // Исследования по истории русской мысли [15]. Ежегодник за 2019 год. М., 2019.

¹¹ М. А. Колеров. «Великая Россия» и «Ближний Восток» П. Б. Струве: британские вдохновения и разрушение Османской империи и Австро-Венгрии (1908–1916). Приложение: Петр Струве. Международное положение и международная реакция (1908) // М. А. Колеров. Археология русского политического идеализма.

волюционера». Впрочем, польский национал-империалистический проект не был этническим, а выдвигал в основу своего национально-го строительства (против литовского, малороссийского, русинского, белорусского и даже еврейского партикуляризма) конфессиональную и языковую консолидацию как результат ассимиляции.

К 1872 г. в европейской научной среде сложился консенсус о том, что центральным этнографическим принципом идентификации и строительства национальности является языковое самоопределение.¹² Это предопределило политически центральную роль национальной школы в строительстве этноса и, соответственно, административный произвол в школьном деле ради ассимиляции меньшинств. Школьное строительство, простейшее народное просвещение на родном языке стало инструментом не только образования, но и национального освобождения, подготовкой политического фундамента для соединения (обще) национальной и социальной борьбы.

Этнографический исследовательский консенсус, утверждая культурно-языковой, конструктивистский, просветительский фундамент под национальным самоопределением, продиктовал практическим политикам целую программу рукотворного национального строительства как акта самозаконной, принудительной биополитики Просвещения и Модерна, исходящей из того, что человека создаёт его социальная среда. Такое *биополитическое* репрессивное национальное строительство и революционное национальное освобождение получило ясную цель в рациональном достижении рукотворной государственности для *каждой* национальности, начиная с автономии и кончая независимостью.

Апогеем такой рукотворности государствообразующего национализма в России можно признать формулы большевистского идейного и государственного вождя Владимира Ленина. Они проливают достаточно света на неизбывные конфедеративные искушения советской власти в СССР *во всей его истории*, неизменно истреблявшие ресурсы России как его ядра в интересах ново-созданных национальных государств внутри самого СССР и заново утверждённых — вокруг него.¹³ Примечательно, что, приняв

---

¹² М. А. Колеров. Этничность как инструмент: Литва в фокусе демографической борьбы XIX–XX вв. // М. А. Колеров. Сталин: от Фихте к Берия. С.573.

¹³ Об этом специально: М. А. Колеров. Анти-Аншлюс: «национальные государства» СССР против Польши (1920–1940-е гг.)

за ориентир австро-венгерскую практику, Ленин использовал её не для целей сохранения единства России, а для её максимального сокращения до собственно великорусских пределов. С этой точки зрения хорошо известная дискуссия Ленина и Сталина в 1922 году о принципах строительства СССР либо как союза республик (Ленин), либо как системы автономий (Сталин) представляется вымышленно принципиальной: ибо речь шла одинаково об *изобретении национальных государств* разного уровня, практически *одинаково* подчинённых мировой коммунистической программе.

Ещё в 1915 году, посреди идущей мировой войны на уничтожение империй (прежде всего — Российской), в статье «О лозунге Соединённых Штатов Европы» Ленин прямо заявил принципы решения национального вопроса в масштабе мировой революции, напоминающей пафос «мирового правительства» отца либертарианства фон Мизеса. Он начал программу с «победы социализма в одной стране», дающей цепную реакцию по всему миру *в виде социалистических независимых государств*, идущих к новому единству:

«поставленный в связь с революционным низвержением трех реакционнейших монархий Европы, с русской во главе (...) [лозунг] *Соединенные Штаты мира* (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом, — пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического, государства. (..) лозунг *Соединенные Штаты мира* (...) сливается с социализмом»

Контекстом такой формулы для Ленина была его предвоенная статья «О праве наций на самоопределение» (1914), в которой ядром национальности объявлялся, разумеется, язык. Но язык этот догматически превращался в мощнейший фактор социально-экономического, то есть государственного, единства — и именно поэтому становился главным орудием *государственного расчленения во имя всемирного коммунизма*:

«Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. (...) необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий

действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота (...). Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. (...) под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства. (...) неправильно было бы под правом на самоопределение понимать что-либо иное кроме права на отдельное государственное существование».

Заявляя как *максимально прогрессивный* такой сценарий бесконечного национального дробления перед перспективой финального мирового коммунистического объединения, Ленин приветствовал «точное заключительное замечание Каутского, что пестрые в национальном отношении государства (так называемые государства национальностей в отличие от национальных государств [то есть Австро-Венгрия и Россия против Германии, например. — М. К.] являются “всегда государствами, внутреннее сложение которых по тем или другим причинам осталось ненормальным или недоразвитым” (отсталым)». И утверждает «безусловную правильность положения Каутского: национальное государство есть правило и “норма” капитализма, пестрое в национальном отношении государство — отсталость или исключение».

Важно подчеркнуть снова и снова: в этой доктрине — *национальная монолитность* (едва ли не тотальность) — *норма, а национальная сложность — отсталость*. Потому и известные претензии Розы Люксембург к Ленину 1918 года о том, что, безоговорочно поддерживая национальную независимость Польши и Финляндии против классовой борьбы их пролетариата и фактически в пользу диктатуры национальной буржуазии, Ленин изменил принципам, шли мимо предмета (она, конечно, знала об участии большевиков в гражданской войне в Финляндии, но та была *после* признания её независимости). Ведь Ленин задолго до 1918 года «изменял классовым принципам», отстаивая внеклассовые национальные государственности против империй, прежде всего Российской.

Здесь же, в статье 1914 года, Ленин делает важную оговорку, позволяющую ему сфокусировать свою формулу беспредельного национального раздробления вплоть до *мозаики* — именно на обречённых на уничтожение «отсталых» империях, то есть прежде всего — на России. Он особо выводит подразумеваемо *нацио-*

нально единый (после свершившейся ассимиляции) и потому-де гораздо более *готовый для коммунизма, социализированный* Запад из-под дробящего молота освободительного национализма, чтобы остановить общее разрушение на его пороге:

«В Западной, континентальной, Европе эпоха буржуазно-демократических революций охватывает довольно определенный промежуток времени, примерно, с 1789 по 1871 год. Как раз эта эпоха была эпохой национальных движений и создания национальных государств. По окончании этой эпохи Западная Европа превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств, по общему правилу при этом национально-единых государств. Поэтому теперь искать права самоопределения в программах западноевропейских социалистов значит не понимать азбуки марксизма.

В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году. Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах — вот цепь мировых событий нашей эпохи нашего “востока”. (...) Именно потому и только потому, что Россия вместе с соседними странами переживает эту эпоху, нам нужен пункт о праве наций на самоопределение в нашей программе. (...)

Своеобразные условия России, в отношении национального вопроса, как раз противоположны тому, что мы видели в Австрии. Россия — государство с единым национальным центром, великорусским. (...) “инородцы” (составляющие в целом большинство населения — 57%) населяют как раз окраины (...) что в целом ряде случаев живущие по окраинам угнетенные народности имеют своих сородичей по ту сторону границы, пользующихся большей национальной независимостью (достаточно вспомнить хотя бы по западной и южной границе государства — финнов, шведов, поляков, украинцев, румын) (...) Таким образом, именно исторические конкретные особенности национального вопроса в России придают у нас особую насущность признанию права наций на самоопределение в переживаемую эпоху».

И наконец уже вновь в 1915 году в брошюре «Социализм и война (отношение РСДРП к войне)» Ленин суммирует свои исторические экскурсы в прямой лозунг, в котором соединяет уничтожаемый им имперский феодализм, оправдываемый победный буржуазный *этнографический* национализм, необходимые многочисленные социалистические национальные государства, максимально *дробные и очищенные от инонациональных сложностей*,

и ждущий их в будущем объединительный мировой интернационал:

«Социалисты (...) безусловно должны требовать, чтобы с.-д. партии угнетающих стран (так называемых «великих» держав особенно) признавали и отстаивали право угнетенных наций на самоопределение, и именно в политическом смысле слова, т. е. право на политическое отделение. (...) Отстаивание этого права не только не поощряет образование мелких государств, а, напротив, ведет к более свободному, безбоязненному и потому более широкому и повсеместному образованию более выгодных для массы и более соответствующих экономическому развитию крупнейших государств и союзов между государствами. (...) борьба за социалистическую интернациональную революцию против империализма невозможна без признания права наций на самоопределение».

Здесь мы видим предельно ясную для Ленина — как наиболее успешного вождя радикальной социалистической партии в России и в мире —

(1) апологию современной Ленину передовой (социализованной, демократической) капиталистической государственности, построенной *на основе этнического как языкового (не политическоего) национализма*,

(2) требование такого национализма как условиях на пути к (национальному) социализму — как первой стадии

(3) мирового интернационального коммунизма, который, разрастаясь из одного социалистического государства — должен вырасти в Соединённые Штаты мира.

Таким образом, отдавая себе отчёт в бесконечности исторической перспективы этих *Соединённых Штатов мира*, мы должны признать, что в обозримой им самим актуальной перспективе Ленин видел только *социалистические государства*, построенные на основе *этнического национализма*.

Стоит ли называть их «национал-социалистическими» или «национал-большевистскими» — дело не столько вкуса, сколько терминологического бесчувствия. Ибо и национал-социализм, и национал-большевизм — явления исторически конкретные и игра их смыслами — только игра: в части национал-социализма — морально преступная, в части национал-большевизма — скорее анекдотическая.

А. В. Ганин

«ЗА МОЮ СЛУЖЕБНУЮ ПРАКТИКУ ТАКОЕ СВИНСКОЕ ОТНОШЕНИЕ БЫЛО МНОЮ ВСТРЕЧЕНО ВПЕРВЫЕ»:

Окончание письма командующего войсками Киевской области генерала А. М. Драгомирова главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генералу А. И. Деникину от 12 (25) декабря 1919 г.

В 2019 г. автором этих строк было опубликовано начало обширного письма командующего войсками Киевской области генерала А. М. Драгомирова главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) генералу А. И. Деникину от 12 (25) декабря 1919 г.¹ из коллекции генерала П. А. Кусонского в Гуверовском архиве в США. К сожалению, документ обрывался на полуслове, а окончание его известно не было.

После публикации один из коллег, к.и.н. А. А. Чемакин, сообщил, что окончание документа хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета, в коллекции Деникиных. Эта информация подтвердилась, причем, как оказалось, копия окончания документа у меня имелась в наличии. Для полного введения в на-

---

¹ Ганин А. В. «У нас в сущности еще регулярной армии нет...»: Письмо командующего войсками Киевской области генерала А. М. Драгомирова главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генералу А. И. Деникину от 12 (25) декабря 1919 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Т. 14. № 1–2. С. 245–264.

учный оборот этого ценного исторического источника была подготовлена и публикация окончания письма, которая предлагается вниманию читателей.

Причина того, что документ оказался разделен между разными архивами, не ясна. Возможно, это произошло случайно, либо же Деникин оставил в своем личном архиве наиболее резкую часть письма Драгомирова, связанную с критикой в адрес своего ближайшего друга и соратника, начальника штаба главнокомандующего ВСЮР генерала И. П. Романовского. После гибели Романовского в 1920 г. вопрос отношения к нему в армейских верхах особенно волновал Деникина, стремившегося отразить реальную картину событий на страницах своих «Очерков русской Смуты».

В заключительной части письма Драгомиров касается своих служебных перспектив в связи с расформированием войск Киевской области, а также критики штабом главнокомандующего ВСЮР работы штаба Драгомирова. Отношение к своему штабу Драгомиров назвал «свинским». За этими оценками прослеживаются затяжные противоречия в руководстве ВСЮР и острый конфликт между начальником штаба ВСЮР генералом И. П. Романовским и командующим войсками Киевской области генералом А. М. Драгомировым. Такой конфликт неизбежно влиял на эффективность взаимодействия штабов и общие успехи белых, но его анализ еще ждет своего исследователя.

Штаб войск Киевской области был расформирован 16 (29) декабря 1919 г. ввиду оставления белыми этой территории. После этого генерал Драгомиров состоял в распоряжении главнокомандующего ВСЮР.

Документ публикуется по современным правилам правописания при сохранении стилистических особенностей. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Выражаю благодарность к. и. н. Ф. А. Гущину и Т. Г. Чеботаревой за содействие в подготовке публикации.

Уже собирался заканчивать письмо, как получил из Одессы телеграмму от Мельгунова², что штаб Киев[ской] области приказано расформировать. Это решение вполне разделяю. Пока не время создавать областные штабы там, где еще долго может быть фронт действующей армии.

До меня официальное распоряжение еще не дошло. Как только придет, немедленно передам командование своим участком Шиллингу³, а затем перееду в Одессу для ликвидации военных и гражданских учреждений области.

Когда все это закончу, недели через 2 думаю ехать к Вам в Ростов или куда Вы прикажете. Ни на какие крупные посты не рассчитываю. Но без дела быть не хотел бы, а потому прошу располагать мною как признаете необходимым. Если будет у Вас Военный совет, то вполне удовлетворился бы званием члена оного, по назначению. Если совета не будет, то полагаю, что я больше всего мог бы Вам принести пользу в качестве лица, ведающего инспектированием вновь формируемых частей, т. е. не в роли ген[ерала] Киселевского⁴, обратившегося в бюрократа, а в качестве полевого генерала, находящегося постоянно в разъездах для личного содействия в обучении новых частей; в постановке школ и проч[ем]. Опыт в этом у меня был еще на фронте.

Ни на что не напрашиваюсь и посему предпочел бы ничем Вас в этом отношении не стеснять.

На всех должностях буду работать так же, как работал до сих пор.

В заключение два слова о моем штабе. Ген[ерал] Флут⁵ передал мне Ваше мнение о ген[ерале] Вахрушеве⁶ и штабе. Это мнение я считаю глубоко несправедливым и никем не заслуженным. Вахрушев, несмотря на длительную и тяжелую болезнь, которую он перенес в первые недели своего пребывания в Киеве, сделал громадную работу. Штаб был создан буквально из ничего с редкой

² Михаил Эрастович Мельгунов (18.10.1869–24.01.1926) — генерал-лейтенант.

³ Николай Николаевич Шиллинг (16.12.1870 — около 03.05.1946) — генерал-лейтенант, командующий войсками Новороссийской области.

⁴ Николай Михайлович Киселевский (06.01.1866–21.07.1939) — генерал-лейтенант, инспектор формирований ВСЮР.

⁵ Василий Егорович Флут (19.03.1860–03.12.1955) — генерал от инфантерии.

⁶ Михаил Николаевич Вахрушев (05.03.1865–27.11.1934) — генерал-лейтенант, осенью 1919 г. — начальник штаба войск Киевской области.

быстротой и меня обслуживал вполне хорошо. Не слышал никогда и нареканий от войск, с которыми Вахрушев установил самые отзывчивые и сердечные отношения. Это большая похвала, которую немногие штабы могут похвастаться. Отлично работало и снабжение, в особенности если принять во внимание, что в сущности работа шла в боевых линиях, без денег и проч[его].

Если Романовский⁷ недоволен был деталями работы и, совершенно не зная тех условий, в которых мы работали позволял себе делать оценку моему штабу, как «худшему» из всех, то, прежде всего, виноват он сам, ибо более недоброжелательного отношения, чем то, которое было проявлено его штабом к моему, с первых же дней формирования, и быть не могло. За мою служебную практику такое свинское отношение было мною встречено впервые. Не дали ни одного хорошего офицера. Предоставили искать офицеров Ген[ерального] штаба в Киеве, а сами же их всех вызвали в Таганрог. Я удивляюсь, как еще у ген[ерала] Романовского поворачивается язык выносить осуждение тем, кто работали с громадным самоотвержением и величайшим желанием помочь делу.

Обвинение штаба в «паничности» — просто бессовестно с его стороны. Пусть укажет мне другой штаб области или даже армии, который отходил бы 1го октября⁸ из Киева после войск, а 29 ноября⁹ — после штаба 7[-й] дивизии.

Всякой бессовестности и недоброжелательству должна быть мера. Мне совершенно безразлично мнению г[енерала] Романовского, но не могу допустить, чтобы подобные необоснованные обвинения порочили целое учреждение и лиц, ни в чем не повинных, и я буду официально настаивать на беспристрастном обследовании — что сделал штаб за короткое время своего существования.

Если мы так легко будем выносить приговоры деятельности самоотверженным труженикам, работающим не за страх, а из-за бескорыстной любви к Родине, то скоро рискуем остаться с одними негодьями, или людьми, все свое благополучие полагающими на раболепстве перед Романовским.

---

⁷ Иван Павлович Романовский (16.04.1877–05.04.1920) — начальник штаба главнокомандующего ВСЮР.

⁸ Речь идет о событиях 1 (14) октября 1919 г. в Киеве, когда город был на двое суток неожиданно захвачен частями РККА.

⁹ Речь идет о событиях 29 ноября (12 декабря) 1919 г., предшествовавших оставлению белыми Киева, которое произошло 3 (16) декабря 1919 г.

Со стороны моих сотрудников Романовский этого, конечно, никогда не получит, и это единственная причина его пристрастной и неверной оценки работы штаба.

В лице Вахрушева, Шуберского¹⁰, Бреслера¹¹ — Вы имеете самых честных и преданных работников на то дело, которое Вы возглавляете, и я усиленно прошу, чтобы при предстоящем расформировании штаба они остались бы не забытыми.

Прошу извинить меня за резкий тон заключительной части, но я, будучи свидетелем действительно громадной работы штаба, не могу без возмущения слышать о подобной вопиющей несправедливости, проистекающей к тому же из чисто личных счетов, симпатий и антипатий.

Что же касается неуспешности оперативной, то в ней вина только моя. Штаб был только исполнителем и передатчиком моих велений, и я ни в чем решительно упрекнуть его не могу.

При личном свидании доложу многое другое, а пока шлю Вам самый сердечный привет и пожелания здоровья и сил на дальнейшее Ваше подвижничество.

Искренно Вам преданный А. Драгомиров

The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University, USA (Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры, Колумбийский университет, Нью-Йорк, США). Anton & Kseniia Denikin collection. Box 4.

---

¹⁰ Александр Николаевич Шуберский (20.03.1875–11.06.1963) — генерал-майор, осенью 1919 г. — генерал-квартирмейстер штаба войск Киевской области.

¹¹ Владимир Петрович Бреслер (24.06.1874–1945?) — генерал-майор, осенью 1919 г. — начальник снабжения войск Киевской области.

Вудфорд МакКлеллан (Woodford McClellan)

СЕН КАТАЯМА, КОМИНТЕРН И «НЕГРИТЯНСКИЙ ВОПРОС»

Приложения:

№ 1. Official Report, Sen Katayama, Member of the Executive Committee, Comintern Presidium, 22 May 1923. “Action for the Negro Movement Should not be Postponed”;

№ 2. Official Report, Sen Katayama, Member of the Executive Committee, Comintern Presidium, 14 July 1923. “Negro Race as a Factor in the Coming World Social Revolution”¹

14 июля 1923 г. японский коммунист Сен Катаяма в своей служебной записке, призванной привлечь внимание «товарища Радека» и публикуемой далее, писал: «Линчевание негров является самым страшным преступлением американской цивилизации...» Хотя сам он лично никогда не был свидетелем линчевания, но утверждал это со знанием дела.

В Японии чёрных не было. История страны изобиловала насилием, связанным с социальной и экономической дискриминацией, но идея линчевания людей из-за цвета кожи или физиономической

---

¹ МакКлеллан Вудфорд (McClellan Woodford) — почетный профессор (Professor Emeritus) Университета Виргинии (США, г. Шарлотсвилль), автор книги «Revolutionary Exiles: The Russians in the First International and the Paris Commune» (L., 1979). В настоящее время работает над изучением антикоминтерновского неофициального движения. Кипп Майя (Maia A. Kipp) — профессор русского языка, литературы и театра Канзасского университета (Лоуренс, США). Тархова Нонна Сергеевна — доктор исторических наук, археограф (Москва).

характеристики была чужда Японии. Катаяма впервые столкнулся с этим явлением в 1884 г., когда эмигрировал в Калифорнию в возрасте 25 лет, а тринадцать лет до этого в Лос-Анжелесе разъярённая толпа почти в 500 человек подвергла линчеванию приблизительно два с половиной десятка китайцев (точная цифра остаётся неизвестной). Отмечая «неприязнь» калифорнийцев ко всем азиатам, Катаяма понимал, что она распространяется и на японцев.

В 1921 г. приблизительно 75 человек калифорнийцев — членов организации «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ) — ворвались в гостиницу, где размещались 58 японцев, работавших в графстве Станислаус по сельскохозяйственному контракту. Калифорнийцы избili японцев, а затем вывезли их на грузовиках за несколько миль от города и угрожали им расправой, если они посмеют вернуться в город. Комментируя данные события, Катаяма предложил переименовать эту организацию «в стопроцентно-американскую» или «даже лучше — “Вступайте в Ку Клуκ[с] Клан”»². (Основатель ИРМ, Билл Хейвуд, в 1921 г. эмигрировавший в СССР, находился в Москве, где участвовал в учредительном конгрессе Красного Интернационала профсоюзов или Профинтерна).

В юные годы передовые взгляды Катаямы на социальную несправедливость привлекли его к либеральной партии Японии (Jiyūtō), первой политической партии страны. Основанная в 1881 г., либеральная партия Японии отличалась бóльшей гибкостью, чем социалисты. Она не пользовалась широкой поддержкой общества, но в неё влились социалисты, не имевшие собственной партии до самого конца XIX в., а также так называемые «христианские социалисты» — немногие соотечественники, возвращавшиеся из Соединённых Штатов, где они какое-то время работали. Катаяма стал социалистом, и в Америке он вступил в эту партию и считал себя либеральным христианином³.

---

² РГАСПИ. Ф. 521. Оп. 1. Д. 17.

³ Далее с учетом того, что личность Сэн Катаямы мало известна современному читателю, как и изданные более полувека назад его воспоминания, в примечаниях даны (с согласия автора) цитаты из них, позволяющие проиллюстрировать основные положения и выводы статьи. Наряду с воспоминаниями использована краткая летопись жизни Катаямы, составленная сотрудниками Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Института народов Азии АН СССР: *Сэн Катаяма. Воспоминания*. М., 1964; Там же. С. 745–757, летопись. В воспоминаниях не отражена работа Катаямы для Коминтерна (в США и Мексике) и в самом Коминтерне после приезда в СССР. В связи с этим в примечаниях дана соответствующая информация, ставшая доступной после рассекречива-

Перебравшись в 1884 г. Америку, Катаяма, не знавший английского языка, поступил в колледж Гопкинса в Окленде, принадлежавший религиозной общине конгрегационалистов. Позже он вспоминал, что «это была средняя школа, готовившая к поступлению в университет, поэтому большинство учащихся было из состоятельных семей», однако отношения с однокашниками у него не сложились: «насмешки и издевательства не прекращались»⁴. На следующий год при поддержке одного из учителей он перевёлся в Мэривиллский колледж (Maryville College) в восточной части Теннесси, продолжая зарабатывать на жизнь и учебу. Основанный пресвитерианцами в 1819 г., колледж оказался либеральным, что в ту пору было нетипично для американского Юга. В 1861 г. жители города Мэривилл⁵, административного центра графства Блаунт, как и большая часть населения восточной части Теннесси, проголосовали против сецессии. Десегрегированный после гражданской войны колледж принимал и вольных негров, и неимущих белых⁶. Но на практике, по свидетельству Катаямы, который при-

---

ния документов Коминтерна в 1990-е годы и выявленная в научной литературе. (Примечания составлены Н. С. Тарховой).

⁴ Сэн Катаяма. Воспоминания. М., 1964. С. 199. В училище Гопкинса Катаяма поступил в конце 1887 г. До своего приезда в Америку он получил основы образования еще в Японии — на родине закончил церковную школу (тэракоя), поступил в сельскую школу и занимался самообразованием, работал помощников учителя в начальных школах разных поселков, учился в школе классического китайведения в префектуре Окаяма (1879) и учительской семинарии г. Окаяма (1880) (Там же. С. 745–746, летопись).

⁵ Описывая свои первые впечатления от города, Катаяма отмечал: «Я оказался первым японцем в Мэривилле. Жители города спрашивали у меня самые разнообразные вещи, среди вопросов были, например, такие перлы: “С какого времени японцы перестали есть человеческое мясо?”» (Там же. С. 208).

⁶ О Мэривиллском университете и своем обучении в нем Катаяма подробно написал в воспоминаниях. Согласно им, основная цель университета заключалась в том, чтобы «дать высшее образование местной молодежи и содействовать развитию протестанства». Однако университет был создан «на пожертвования меценатов северных штатов и по мысли основателей предназначался для того, чтобы дать возможность получить образование “неграм и нуждающимся белым”». <...> «Формально негры имели право на половину всех мест в университете, фактически же белые узурпировали их права и будто из милости допускали к учебе всего лишь несколько негров». Именно с проживания в Мэривилле у Катаямы проявился интерес к социальным вопросам. В этот период он начал читать журнал «The Christian Union», на страницах которого печатались статьи профессора Ричарда Эли «по специальным вопросам Европы» (в воспоминаниях ошибочно указано — «профессора Или». Ричард Теодор Эли (англ. *Richard Theodore Ely*) был известным экономистом и сооснователем Амери-

водит в пример одного из своих соучеников по классу греческого языка, оказалось, что в колледже лишь кое-как терпели нескольких чёрных студентов и относились с презрением даже к самым талантливым из них. А в 1901 г. штатские власти потребовали, чтобы колледж вернулся к сегрегации.

В своей автобиографии, написанной позже для Коминтерна, Катаяма отмечал, что во время своего двухгодичного пребывания в Мэривиллском колледже он ещё больше узнал о расовом насилии. В самом графстве Блаунт случаев линчевания не было, но в центральных и западных районах Теннесси их было немало в период между 1882 и 1930 гг. Местная и национальная пресса с плохо завуалированным одобрением подробно сообщала об этих зверствах.

Новости об ужасах американской системы смаковались со своей стороны советской печатью⁷, газеты и радиовещание уделяли много внимания линчеваниям и зверствам Ку-Клукс-Клана. Согласно статистическим данным, приводимым в четвёртом томе «Малой Советской энциклопедии» (1929) и основанным на газетных статьях и радиопрограммах, а также на интервью с Джоном Ридом, Катаямой и несколькими проживавшими тогда в Москве чернокожими американцами, в период между 1885 и 1927 гг. «более 4 000» человек оказались жертвами расового насилия. Эта цифра подтверждается данными Национальной Ассоциации Содействия Прогрессу Цветного Населения (НААСР), Инициативы по Равным Правам и других американских источников.

(Мы особо подчёркиваем схожесть советских взглядов на линчевание со взглядами наиболее антикоммунистической неправительственной организации на Западе — Международное соглашение против Третьего Интернационала («Международная Антанга», Лига Обера). Основанная в 1924 г. женеvским адвокатом Теодором Обером в сообществе с несколькими коллегами и швейцарскими банкирами, эта организация протестовала против того, что всё возрастающее число правительств европейских стран устанавливало дипломатические отношения с советским режимом, тем самым узаконивая его. Лига Обера собрала большое количество денег в Европе и США, предназначенных на свержение этого ре-

---

канской экономической ассоциации, преподавал в ведущих университетах Америки (Там же. С. 210 (цитата), 226–227).

⁷ Например, издательством МОПР была издана книга: А. Томас. В стране судов Линча и электрического стула. М., 1932.

жима⁸. Глава Антанты, бывший казначей Голландии М. В. Ф. Треуб, обличал Соединённые Штаты в неприкрытом ханжестве. Он писал, что Соединённые Штаты осуждают советское правительство за концлагеря, однако импортируют товары из европейских колоний и Китая, не заботясь об условиях труда рабочих этих стран, и «принимают как должное обращение с неграми, не имеющее себе равного по жестокости»⁹).

Привлечённый христианством, отстаивавшим права угнетённых, Катаяма два года изучал пресвитерианство в Мэривиллском колледже, после чего перевёлся в Гриннеллский колледж (Grinnell College) в штате Айова¹⁰. Этот вуз, ещё более либеральный, был основан конгрегационалистами, и Катаяма обратился в их веру. Закончив колледж, он поступил в теологическую семинарию в г. Андовере¹¹, штат Массачусетс, а позднее продолжил своё образование в Йельской школе богословия, где в 1895 г. получил учёную степень по «социальным наукам»¹².

В 1896 г. Катаяма вернулся в Японию, где полностью отдается работе профессионального революционера¹³ и издает свою кни-

---

⁸ В русскоязычной научной литературе информация о Теодоре Обере (Théodore Aubert) и деятельности основанной им организации — Международном соглашении против III Интернационала (Entente internationale contre la IIIe Internationale), так называемой Лиге Обера, — действовавшей до 1950 г., крайне ограничена. В настоящее время опубликованы мемуары Ю. И. Лодыженского, генерального секретаря и председателя русской секции Лиги Обера: *Лодыженский Ю. И. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом*. М., 2007; 2013 (2-е изд.).

⁹ *Archives dell'Entente Internationale Anti-Communiste*, Bureau Colonial, Treub to Aubert, February 25, 1931. (Примечание автора статьи. — *W.M.*)

¹⁰ В этом колледже (университете) Катаяма учился на классическом отделении с 1889 по 1892 гг., сначала на первом курсе, через год был зачислен на третий курс, а по окончании получил степень бакалавра искусств (С. Катаяма. Указ. соч. С. 746–747, летопись).

¹¹ В Андовере он проучился с 1892 по 1893 гг. Выбор этого вуза для него был не случайным, в то время в семинарии имелась единственная в США кафедра социальных проблем. По окончании обучения он получил степень магистра искусств, защитив диссертацию по теме «История объединения Германии» (Там же. С. 747, летопись).

¹² С осени 1894 г. по 1895 г. Катаяма учился на теологическом факультете Йельского университета, где преподавались социальные науки, что и определило его выбор. За дипломную работу «Муниципальный вопрос в Европе и Америке» он получил степень бакалавра богословия (Там же. С. 747, летопись).

¹³ В этот период он участвует в издании прогрессивного журнала, ведет политико-просветительную работу среди рабочих, создает Общество содействия организации рабочих профсоюзов, вступает в Научное общество по изучению со-

гу «Путеводитель по Америке». Тогда же он участвует в создании Общества по изучению социализма и Социалистической лиги (январь 1900) и в организации японской социал-демократической партии (май 1901), которую тут же запрещают¹⁴. В июле 1903 г. он публикует книгу «Мой социализм», а в конце года участвует в съезде Социалистической лиги, где введен в состав руководства и избирается представителем японских социалистов на конгресс Интернационала в Амстердаме.

В январе 1904 г. Катаяма вторично въезжает в США, а в феврале при его содействии создается социалистическая партия японцев, проживающих в Сан-Франциско; в марте — присутствует на съезде Социалистической партии Америки в Чикаго, в июле — выступает с антивоенной речью на массовом спортивном празднике в г. Милуоки, организованным американскими социалистами; в августе — выезжает в Амстердам на конгресс Социалистического Интернационала¹⁵. Благодаря его сотрудничеству с этой группой и участию в организации социалистического и рабочего движения на родине он не только получил приглашение на конгресс, но в ходе его был избран заместителем председателя и познакомился с Розой Люксембург, Джоржем Лансбури, Анри Барбюссом, Роджером Болдвиним, Аптоном Синклером и другими известными социалистами и радикалами. Самой драматичной точкой конгресса был момент, когда Катаяма и русский марксист Георгий Плеханов обнялись и публично заявили о своей оппозиции к войне, развязавшейся между Японией и Россией¹⁶.

циальной политики, объединившее либеральную профессуру (Там же. С. 747–748, летопись).

¹⁴ В редактируемой им с 1897 г. газете «Родо сэкай» («Рабочий мир») публикует декларацию, программу и устав социал-демократической партии, за что привлекается к суду. В декабре 1901 г. издается 100-й номер газеты, ставшей органом Социалистической лиги. С апреля 1902 г. под этим именем выходит журнал, который с марта 1903 г. переименовывается в «Сякайсюги» («Социализм») (Там же. С. 748–749, летопись).

¹⁵ 14–20 августа 1904 г. в Амстердаме проходил VI международный конгресс Социалистического Интернационала (II Интернационала). Конгресс рассмотрел вопросы: международные правила социалистической тактики; колониальная политика; всеобщая стачка; социальная политика и страхование рабочих; тресты и безработица (Там же. С. 748–749, летопись).

¹⁶ По окончании конгресса Катаяма совершил поездку в Брюссель, где знакомился с организациями бельгийской рабочей партии — «Народным домом», рабочими кооперативами и пр. (Там же. С. 750, летопись).

В сентябре 1904 г. Катаяма в третий раз возвращается в США, прибывает в Нью-Йорк, затем отправляется в Хьюстон. В течение 1906–1907 гг. он совершает две поездки на родину. Первая — кратковременная (январь—июль 1906), во время которой информирует своих соотечественников социалистов об Амстердамском конгрессе и своей деятельности в США¹⁷. Вторая поездка — в феврале 1907 г., оказалась более длительной. За семь лет пребывания в Японии Катаяма активно участвует в социалистическом и рабочем движении, в пропаганде идей социализма в своей стране¹⁸.

В июне 1914 г. — избран делегатом от японских социалистов на конгресс II Интернационала¹⁹ и в августе четвертый раз въезжает в США, где начинает систематическую работу среди японских рабочих-эмигрантов в Калифорнии по пропаганде идей социализма, поддерживает связи с Социалистической партией Америки²⁰. В декабре 1916 г. — переезжает в Нью-Йорк, где сближается с левым крылом Социалистической партии Америки и с русскими политэмигрантами (Л. Д. Троцким, Н. И. Бухариным, В. В. Володарским, А. М. Колонтай и др.), встречает известие о февральской революции в России, а затем и октябрьских событиях. С этого момента начинается новый период в его жизни, тесно связанный с Советской Россией и Коминтерном.

---

¹⁷ Во время этой поездки он избирается в состав руководящего органа — Совета партии, и содействует разработке манифеста и программы партии (Там же. С. 750, летопись).

¹⁸ В этот период круг его дел разнообразен, в том числе, участие в создании новой социалистической народной партии (июнь 1907), поездки по стране и чтение лекций, редактирование и издание газеты «Сякай симбун» (1908), публикация статей о социализме и отрывков из «Капитала» К. Маркса (1909); он — секретарь Общества содействия введению избирательного права (1910), организатор и руководитель забастовки трамвайщиков (1911); далее — арест, суд и тюремное заключение, освобождение по амнистии (1912), преследования и притеснения японских властей (1913); пишет статью «Репрессии в Японии против социализма» и посылает ее в органы германской социал-демократической партии и бельгийской рабочей партии (март 1914) (Там же. С. 752, летопись).

¹⁹ В период Первой мировой войны (1914–1918) фактически Интернационал не функционировал, была также прекращена деятельность Международного социалистического бюро. В 1915 г. в Циммервальде (Швейцария) представителями левых социал-демократов была проведена конференция, положившая начало Циммервальдскому объединению, на основе которого позже возник Третий интернационал (Коминтерн).

²⁰ С началом мировой войны развертывает антивоенную пропаганду, печатается на страницах «The New York Call», органа Социалистической партии Америки (Там же. С. 752, летопись).

Впоследствии Катаяма напишет: «В США я приезжал четыре раза и прожил там с 1884 по 1921 год, в общей сложности около двадцати пяти лет. За это время я побывал повсюду — на Севере и на Юге, на Западе и на Востоке. Я выполнял самую различную работу, страдал от безработицы и голода, оставался без крова. Студенческие годы оставили приятное воспоминание, а опыт других лет незачем ворошить здесь заново»²¹.

На протяжении всей своей жизни Катаяма неоднократно выражал признательность американским школам и колледжам, а также теории социализма Фердинанда Лассалья²² за их роль в становлении и развитии в нём чувства моральной и социальной справедливости. По его мнению, американские образовательные учреждения, как и жизнь в Калифорнии, помогли ему преодолеть юношеские иллюзии в отношении Соединённых Штатов²³.

---

²¹ С. Катаяма. Указ. соч. С. 655. Существует и другое высказывание Катаямы, приведенное в статье, посвященной 100-летию со дня его рождения: «Я прожил в Америке 26 лет в качестве рабочего и был связан с американским движением. Я вправе поэтому считать американскую партию своей» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 280. Д. 263. Л. 28, личное дело С. Катаямы).

²² На формирование взглядов Катаямы по социальным вопросам, помимо работ профессора Р. Эли и особенно его книги «Social Aspekts of Christianity» (Лондон, 1894), сильное влияние оказало учение Фердинанда Лассалья. Прочитанная им биография Лассалья в журнале «The Atlantik Monthly» окончательно определила его выбор. Позже он писал: «Прочитав биографию, я впервые почувствовал интерес к рабочему вопросу и социалистическому движению. С этого времени я принялся серьезно изучать социальные проблемы, и при том с определенной целью — проводить идеи социализма в жизнь» (С. Катаяма. Указ. соч. С. 227).

²³ Вместе с тем, как он отмечал в воспоминаниях, они дали ему практические навыки, важные для будущей деятельности — научили работать в библиотеках и извлекать пользу из книг, помогли овладеть основами публичного выступления, способствовали формированию жизненной позиции. Позже он писал: «*Во-первых*, я приобрел умение, вошедшее затем в привычку, широко пользоваться библиотекой при изучении всякого рода дисциплин и отдельных проблем. <...> Нередко я шел в библиотеку, не имея ни малейшего понятия о предмете, работал несколько часов, а порою и несколько дней и всегда уходил обогащенный знаниями. Университет воспитал во мне умение и привычку обращаться к книгохранилищу и пользоваться им. Для меня библиотека стала тем же, чем цветущий сад для пчел. Как пчела собирает мед с разных цветов, так и я, придя с одним каким-либо вопросом, черпал знания из множества книг и уходил с этой чудесной ношей». <...> «*Во-вторых*, мне много дал литературный кружок. По субботам, после ужина я обязательно присутствовал на заседаниях литературного студенческого кружка, где учился искусству выступать и дискутировать. <...> Пожалуй, ему я обязан и тем, что теперь умею быстро формулировать свое мнение по различным вопросам». <...> «*В-третьих*, многое дали

В 1919 г. Катаяма вступил в недавно созданную коммунистическую партию Америки, которая, как и Коминтерн — её головная организация, основанная в том же году, относилась к этому импозантному, но несколько застенчивому пожилому японскому господину как к особо почётному члену. Живя в Америке и занимаясь распространением идей коммунизма, Катаяма стал агентом Коминтерна²⁴. В 1921 г. Коминтерн послал его с секретной организационной миссией в Мексику, где он вместе с индийским коммунистом М. Н. Роем содействовал созданию мексиканской коммунистической партии²⁵. Катаяма, как и многие другие, недолюбливал Роя за его

мне наставления ректора университета доктора Гейтса. Они помогли формированию моей жизненной философии. Обычно ректор каждую пятницу выступал в актовом зале с двадцатиминутной речью дидактического характера, посвященной чрезвычайно широкому кругу вопросов. При всей краткости его выступления были очень полезны и содержательны» (См. подробнее: *С. Катаяма*. Указ. соч. С. 216–218).

²⁴ Как указывает А. Хейфец в своем фундаментальном исследовании о деятельности Коминтерна в Латинской Америке (2019): «В январе 1917 г. в Нью-Йорке состоялась встреча приехавшей в США А. Колонтай с Л. Троцким, Н. Бухариным, Г. Чудновским, С. Катаямой, Л. Фрайной, Г. Лоре и др. Именно тогда образовалась группа, формулировавшая политику Коминтерна в Западном полушарии в первые месяцы существования всемирной компартии. В нее вошли участвовавшие в деятельности Социалистической партии Америки японец С. Катаяма, американец итальянского происхождения Л. Фрайна, голландец Н. Рутгерс и латышский большевик К. Янсон. Контакты с этой группой, объединившейся вокруг журнала «The Internationalist», поддерживал и русский большевик М. Бородин (Грузенберг)» (*Хейфец А. С. Коминтерн и Латинская Америка, структуры, решения*. М., 2019. С. 73, прим. 2). Подробная биографическая справка о занимаемых Катаямой должностях в период его работы для Коминтерна см.: *Лазарь Хейфец. Коминтерн в Латинской Америке*. СПб., 2004. С. 145. В этом же издании (2004) о деятельности Панамериканского Бюро (Американского агентства) Коминтерна в Мексике см.: С. 40–61 (глава 2), в том числе, об участии Катаямы — С. 39–40. О событиях 1917–1933 гг. в жизни Катаямы (в США, Мексике и СССР) см. также: *С. Катаяма*. Указ. соч. С. 753–757, летопись.

²⁵ Американское агентство Коминтерна в Мексике (Панамериканское бюро) было образовано решением Малого бюро ИККИ от 29 сентября 1920 г. (в состав вошли С. Катаяма, Л. Фрайна, Я. Янсен), а решением от 12 октября 1920 г. были определены задачи этого агентства. В частности, распространение литературы, содействие созданию коммунистических партий и групп в странах Америки, оказание финансовой помощи партиям, входящим в Коминтерн, издание журнала «Коммунистический Интернационал» на испанском языке в контакте с Лондонским издательством Коминтерна. Постановлением Президиума ИККИ от 10 октября 1921 г. Панамериканское бюро было распущено в связи с изменением «вектора» в работе Коминтерна в сторону поддержки и развития коммунистического движения во всей Южной Америке (*Адибеков Г. М.*,

высокомерие и неоднократно конфликтовал с ним. Тем не менее они оба получили приглашение работать в Москве и оба стали ведущими функционерами в Коминтерне, курировавшими страны Востока²⁶.

Утром 14-го декабря 1921 г.²⁷ Катаяма в сопровождении одного из своих нью-йоркских менторов, Макса Иствуда²⁸, прибыл в Москву с Брестского (впоследствии Белорусского) вокзала. Для Катаямы было большим сюрпризом, что советское правительство уполномочило Троцкого, с которым он познакомился ещё в Нью-Йорке, официально приветствовать его на вокзале. Он был потрясён, когда обнаружил, что среди встречавших были также Радек, Калинин, Зиновьев и Луначарский. Присутствие подразделения Красной Армии и духового оркестра сообщало праздничный дух церемонии, посвящённой вступлению в коммунистическое сообщество важнейшего представителя Азии. Ещё одним свидетельством уважения к нему было то, что Коминтерн поместил его в восьмом номере отеля «Люкс» в самом центре Москвы²⁹.

Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997. С. 30; Хейфец Л. С. Коминтерн и Латинская Америка, структуры, решения. М., 2019. С. 73–148 (глава 2), особенно о деятельности Катаямы в качестве руководителя (С. 101–127)).

²⁶ О деятельности М. Роя в Мексике см.: Лазарь Хейфец. Коминтерн в Латинской Америке. С. 145; Хейфец Л. С. Коминтерн и Латинская Америка, структуры, решения. С. 84–90, особенно о «вознесении Роя на вершину коммунистического Олимпа» (С. 87–88), и др. (С. 103, 113, 114, 117–118).

²⁷ В анкете, заполненной Катаямой при пересечении границы РСФСР, указана дата его прибытия в Россию — 11 декабря 1921 г., «через Ригу — Зелюне». Интересны его ответы на другие вопросы анкеты: Социальное положение — «представитель Коминтерна»; Образование — «окончил университет в Америке»; Представитель или член какой партии — «член Компартии Америки»; Кем командирован и по каким делам — «Вызван И. К. К. И.»; Кто в России вас знает — «Многие»; На каких языках говорите — «Японский, английский и умею читать по-китайски» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 280. Д. 263. Л. 28, личное дело С. Катаямы).

²⁸ В интернете имеется информация, что М. Истмен (Max Forrester Eastman) во время пребывания в Советской России женился на Елене Крыленко, сестре члена Верховного революционного трибунала при ВЦИК — Н. В. Крыленко. Также имя Истмена связано с публикацией им за границей ленинского «Письма к съезду» — «С тех пор, как умер Ленин» (*Since Lenin Died, 1925*). До сих пор точно неизвестно, кто передал ему копию письма Ленина, называют два имени — Н. К. Крупскую и Л. Д. Троцкого.

²⁹ Гостиница «Люкс» находилась на Тверской улице (в 1932–1990 гг. — ул. Горького). В ней в 1920–1930-е гг., был устроен жилой дом для сотрудников Коминтерна. Позднее, после роспуска Коминтерна, здесь находилась гостиница

(Впоследствии Катаяма вспоминал, что Троцкий был единственным оратором, чей мощный голос достигал самых отдалённых уголков Красной площади, и что Ленин, с которым японская группа встречалась три или четыре раза, отлично говорил по-английски.)³⁰

За неустанную работу с японскими, американскими и европейскими социалистами Катаяму выбрали членом Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ), а вскоре он был избран в Президиум ИККИ³¹. И он не замедлил оправдать возложенные на него надежды. По характеру он был человеком скромным, не отличавшимся особым шармом, а потому предпочитал оставаться в тени. В 1922 г. он стал одним из основателей японской коммунистической партии. Ещё через два года Коминтерн отправил его на советский Кавказ, где он должен был ознакомиться с различными нациями и этническими группами. Оттуда он писал, что, окружённый смуглыми людьми, он чувствовал себя как дома, «ничуть не менее, чем в Мексике, где <...> никто не думал и не слышал о социальной дискриминации. Мексико Сити — это самый пролетарский город в мире. Полный контраст <...> Америке, где расовые предрассудки и ненависть сильнее, чем где бы то ни было в мире. Да, я испытал на себе <...> социальную ненависть и предрассудки <...> и дискриминацию за последние [сорок] лет в на-

---

«Центральная»; на первом этаже здания функционировала знаменитая кондитерская быв. купца Филиппова. Впоследствии дочь Катаямы — Ясуко (Ясу), приехавшая к нему в Москву, оставила свои воспоминания об условиях жизни отца в этом доме (*Диванидова Е. П. Дочь японского революционера*. М., 2011. С. 21–26). В личном деле Катаямы имеется уведомление НКВД о разрешении дочери Ясу Катаяма на въезд в СССР, выданное в ноябре 1923 г. (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 280. Д. 263. Л. 23); в книге Е. П. Диванидовой речь идет о 1931 г. (Указ. соч. С. 38).

³⁰ Заслуживают внимания характеристики, данные С. Катаямой в 1925 г. на лидеров советского государства, в том числе и Л. Д. Троцкого («Портреты руководителей русской революции». Из воспоминаний Сэна Катаямы «Три года в России». 1925 г. / Публикация Х. Сакамото (Япония) // Исторический архив, № 6. 2006. С. 169–180).

³¹ До своего избрания в руководящие органы ИККИ Катаяма в составе делегации Коминтерна присутствовал на Конференции трех Интернационалов в Берлине (2–5 апреля 1922) (*С. Катаяма*. Указ. соч. С. 755, летопись). В мае 1922 г. Катаяма был избран в состав ИККИ, а в декабре 1922 г. — в состав Президиума ИККИ. Одновременно он был включен в состав Восточного отдела ИККИ и особой Комиссии, готовившей «окончательный материал» по странам Востока к обсуждению на заседаниях руководящих органов ИККИ и назначен референтом по Восточным странам (*Адибеков Г. М.* и др. Указ. соч. С. 40, 66, 67).

шей дорогой Америке, где я побывал четыре раза и где прожил общим числом двадцать пять лет». Катаяма посетил также нескольких чернокожих абхазцев — потомков рабов, привезённых в 18-м веке на реку Кодори³².

На II конгрессе Коминтерна, состоявшемся летом 1920 г., Ленин принял предложение Джона Рида «осветить положение негров в Америке», что по сути своей представляло собой директиву всем коммунистам привлечь в свои ряды 150 млн чёрных всего мира. У советских коммунистов не было опыта в этой области и, если не считать американской и некоторых европейских компартий, не было его и у других молодых коммунистических партий. У самого Джона Рида, выпускника Гарвардского университета из привилегированной семьи, никаких полезных идей в отношении того, как привлекать к делу чёрных, не было. А приток чёрных американцев и африканцев в Россию ещё не начинался. С появлением Катаямы его стали готовить к роли авторитета не только по «японскому», но и по «негритянскому» вопросу в Америке.

Катаяма, не знавший русского языка, не любил выступать перед публикой, поэтому наверняка остался доволен, когда в ноябре 1922 г. в Москву прибыл американский поэт Клод Маккей³³ — чернокожий родом из Ямайки, активно задействованный большевиками в пропаганде «негритянского вопроса». Они стали соседями по гостинице «Люкс», оба выступали на IV конгрессе Ком-

---

³² РГАСПИ. Ф. 521. Оп. 1. Д. 14. В этом деле собраны написанные по-английски Катаямой различные варианты описания своего жизненного пути. Абхазские негры (кавказские негры) представляют собой небольшую негроидную группу абхазского народа; проживают преимущественно в абхазском селении Аджубжа в устье реки Кодор и окрестных сёлах Абхазии (Члоу, Поквеш, Агдарра, Меркула и др.).

³³ Маккей, Клод (McKay, Claude) (1889-1948), классик вест-индской литературы, уроженец о. Ямайка; переехал в США (1912–1919), где сблизился с М. Гарвей и вошел в группу чернокожих радикалов; переехал в Лондон (1919–1921). В ноябре 1922 г. посетил Советскую Россию, участвовал в работе IV конгресса Коминтерна и встречался с лидерами большевиков. Поддерживая в целом идеи социализма, не стал членом компартии. В 1923 г. вернулся в США, занимался литературным трудом, в 1940 г. стал гражданином США. В конце жизни разочаровался в социалистических идеях. На русском языке было издано несколько его книг, в том числе, «Негры в Америке» (1923) и сборник рассказов «Судом Линча» (1925). Интересная информация о пребывании Маккея в СССР дана в магистерской работе В. Е. Брызгаловой (Санкт-Петербургский государственный университет): Брызгалова В. Е. Советский социализм как идеологический компонент «Гарлемского ренессанса». Диссерт. на соискание степени магистра. СПб, 2016. С. 25–31.

интерна, а через несколько месяцев в СССР вышла в русском переводе работа Маккея «Негры в Америке»³⁴. Катаяма оставался советником по «негритянскому вопросу», даже тогда, когда в 1920-х гг. в Москве появились такие чёрные знаменитости как Отто Хейсвуд, уроженец Суринама, а несколько позже — негритянские коммунисты Джеймс Форд, Джордж Падмор, Ловетт Форт-Вайтман³⁵ и другие известные участники конфликтов между белыми расистами и неграми, требовавшими действительной эмансипации после Гражданской войны в Америке.

Сен Катаяма продолжал сотрудничать с Коминтерном и Профинтерном, а позднее и с МОПРОм, в том числе и по «негритянскому вопросу». Все три организации выбрали его в секционные секретариаты, в чьи задачи входила разработка и формулировка официальной советской позиции по этому вопросу. Первые секционные (региональные) секретариаты были образованы в марте 1926 г. согласно решениям VI расширенного пленума ИККИ и Президиума ИККИ³⁶. Катаяма был избран сначала в секретари-

---

³⁴ *Клод Мак-кэй. Негры в Америке* / Пер. с англ. П. Охрименко. М.; Л., 1923. По данным Брызгаловой, идею написать эту книгу предложил Маккею Л. Д. Троцкий.

³⁵ *Хейсвуд, Отто Е.* (он же Биллинг) (Huiswoud, Otto Eduard) (1893–1961), уроженец Суринама, голландский подданный, американский коммунист, член комиссии по негритянскому вопросу на II конгрессе Коминтерна, функционер исполнительного бюро Профинтерна МПКНР (Международного профсоюзного комитета негритянских рабочих) (Коминтерн и Африка. Документы. СПб., 2003. С. 343). *Форд, Джеймс* (Ford, James W.) (1893–1957) — представлял коммунистическую партию США в ИККИ, был членом Негритянского бюро Восточного секретариата, членом Исполбюро Профинтерна, руководил МПКНР. В 1932, 1936 гг. — кандидат в вице-президенты США. *Падмор, Джордж* (Padmore, George), настоящее имя *Нурс, Малколм Айван Мередит* (Nurse, Malcolm Ivan Meredith) (1903–1959) — американский коммунист, член Рабочей партии (1927), приехал в СССР вместе с У. Фостером, был функционером Коминтерна и Профинтерна. В 1930-х годах жил в СССР. *Форт-Уайтмен, Ловетт* (Fort-Whiteman, Lovett Huey) (1894–1939) — член компартии США (1919). В 1924 г. приехал в СССР, делегат V конгресса Коминтерна (под именем Джеймс Джексон), учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока при Коминтерне. В 1925 г. вернулся в США, участвовал в организации Американского Негритянского трудового конгресса (Чикаго, 1925). В 1928 г. был делегатом VI конгресса Коминтерна и остался в СССР. Впоследствии был репрессирован, умер в лагере на Колыме.

³⁶ 24 марта 1926 г. по решению Президиума ИККИ были образованы 11 секционных секретариатов (позднее — лендерсекретариаты). Их функции сводились к следующему: систематическое изучение и обсуждение политического и экономического положения стран, компартий; подготовка вопроса для всех руководящих органов ИККИ; реализация решений ИККИ и контроль за выполне-

ат для Америки и Канады, в частности в подгруппу для Японии³⁷. В задачи этого секретариата входило — установить имеют ли беспорядки в Америке чисто расовый характер или они усложняются также социальными и политическими проблемами. В июле 1927 г. после укрупнения и сокращения региональных секретариатов Катаяма вошел в состав двух — Британско-Американского и Восточного, действовавших, как и остальные, под руководством Президиума ИККИ и Политсекретариата ИККИ³⁸.

Тесное сотрудничество Катаямы с руководством Коминтерна и страны, вплоть до наплыва чёрных американских звёзд в Москву, а также опыт выступлений на различных форумах в США и Европе, видимо, определили выбор его кандидатуры представлять Советский Союз на всемирном антиимпериалистическом конгрессе, состоявшемся в Брюсселе в феврале 1927 г. Катаяма был избран членом президиума конгресса³⁹. В официальном протоколе конгресса («Das Flammen zeichen vom Palais Egmont», Berlin, 1927) доклад Катаямы числится под названием «Борьба корейского народа против Японии». Однако он упоминает Корею в докладе всего лишь один раз, сосредоточиваясь вместо этого на угрозе фашизма и империализма, в особенности великобританского, во всём мире, и более всего в Китае. Делегаты дружно аплодировали Катаяме, а в опубликованном протоколе его фотография занимала целую страницу. Конгрессом была создана Антиимпериалистическая Лига⁴⁰.

нием этих решений соответствующими секциями (Адибеков Г. М. и др. Указ. соч. С. 105, 106).

³⁷ В состав секретариата вошли М. Н. Рой (отв. секретарь) и члены: О. Куусинен, А. Фергюссон; в подгруппу для Японии — М. Н. Рой (отв. секретарь) и члены: Г. Войтинский, Д. Пеппер, Сэн Катаяма, А. Фергюссон (Там же. С. 106).

³⁸ Составы этих секретариатов были расширены, в Британско-Американском — до 14 чел., в Восточном — до 13 чел. В первый были включены 9 стран, в том числе Япония, Корея и Южная Африка, во второй — 6 стран, включая Китай и Монголию, наряду с арабскими странами (Там же. С. 106, 111).

³⁹ Возможно, что не последнюю роль в этом выборе имело активное участие Катаямы в борьбе с троцкистами. Его статья «Троцкистская оппозиция» была опубликована в международном коммунистическом бюллетене «Inprekogn» (№ 123, 1927) (С. Катаяма. Указ. соч. С. 756, летопись).

⁴⁰ Катаяма активно сотрудничал с созданной Лигой и как представитель Японии присутствовал на втором всемирном антиимпериалистическом конгрессе в 1929 г. во Франкфурте-на-Майне (С. Катаяма. Указ. соч. С. 756, летопись). Свидетельства сотрудничества сохранились в его рабочей переписке, в виде письма с печатью «Международная Лига против империализма» (Париж, 15

После брюссельского конгресса Катаяма вернулся в Москву, где в течение последующих шести лет без всякого шума продолжал заниматься наряду с «японским» вопросом и «негритянским»⁴¹ до самой своей смерти в ноябре 1933 г. (Примечательно, что он до конца жизни так и не отказался от христианства). На похоронах Ленина Катаяма вместе со Сталиным нёс гроб вождя. А через 10 лет Сталин провожал урну с прахом Катаямы до ниши в Кремлёвской стене, где его и похоронили, неподалеку от места захоронения единственных двух американцев — Джона Рида⁴² и Билла Хейвуда⁴³. Катаяма был единственным японцем, которого советская власть удостоила такой чести.

Перевод статьи с английского М. Кипп

октября 1927) и письма на бланке «Лига против империализма» за подписью В. Мюнценберга (Берлин, 19 февраля 1932) (РГАСПИ. Ф. 521. Оп. 1. Д. 70. Л. 3, 18).

⁴¹ На VI конгрессе Коминтерна в 1928 г. Катаяма возглавлял японскую делегацию и выступал по вопросу о китайской революции, по колониальному вопросу (о революционном движении в колониях и полуколониях), по вопросу о положении негров в Америке (о негритянской молодежи). Важен и интересен тот факт, что на VI конгрессе Коминтерна впервые были избраны «персонально» в состав членов ИККИ и его Президиума четверо, не представлявших никакую страну. В их числе были С. Катаяма, О. Куусинен, К. Цеткин и Эмбер-Дро. Столь почетная привилегия оставалась за ними и в последующем, для Катаямы до 1933 г. (*Адибеков Г. М.* и др. Указ. соч. С. 141, 143, 149, 151).

⁴² *Джон Рид* (1887-1920) в 1917 г. приехал в Россию в качестве военного корреспондента, был очевидцем революционных событий, о чем написал в своей книге «Десять дней, которые потрясли мир», предисловие к ней написал В. И. Ленин. Возвратившись в 1918 г. в США, примкнул к левому крылу Социалистической партии и стал одним из его руководителей. Принимал участие в организации Компартии США. В 1919–1920 гг. входил в состав Исполкома Коминтерна. Умер в Москве от тифа, похоронен у Кремлевской стены.

⁴³ *Хейвуд, Уильям (Билл) Дадли* (Haywood, William Dudley) (1869–1928), деятель рабочего движения США, работал горняком, участвовал в забастовках и демонстрациях шахтёров. Вступил в Западную федерацию горняков Америки, стал её секретарём-казначеем (1901); вступил в Социалистическую партию США (1901), примкнул к её левому крылу. Хейвуд — один из основателей (1905) и лидеров организации «Индустриальные рабочие мира». Приветствовал Октябрьскую революцию в России, вступил в Коммунистическую рабочую партию Америки (1919). За свою революционную деятельность неоднократно подвергался репрессиям. Эмигрировал в Советскую Россию (1921), работал в Коминтерне, Профинтерне и МОПРе.

Литературное наследие Катаямы (монографии, статьи, воспоминания) составляет свыше 700 трудов по различным проблемам: о японском и международном движении, по национально-колониальным проблемам, по аграрному вопросу и крестьянскому движению, антивоенные речи)⁴⁴. Помимо этого, им написаны автобиографические очерки о разных периодах своей жизни в Японии, Америке, России, сохранившиеся в его личном фонде (Ф. 521), имеющемся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Часть из них вошла в самостоятельные издания, часть ждет своего издателя. Из опубликованных на русском языке биографических материалов наиболее известны «Моя жизнь» (1926), «Пройденный путь» (1930–1933), «Воспоминания» (1964), «Три года в России» (2006)⁴⁵. Однако деятельность Катаямы в Коминтерне нигде из них не отражена из-за существовавшего табу на освещение деятельности этой закрытой организации.

Большая часть мемуарной и профессиональной публицистики написана Катаямой по-английски (основные воспоминания — по-японски), при этом основные доклады и очерки имеют русский перевод, сделанный в соответствующий период. Интересен тот факт, что, не зная русского языка, Катаяма, в ряде случаев, подписывался под своими работами по-русски, выписывая каждую букву отдельно.

Вниманию читателей предлагаются два документа, написанные Катаямой в 1923 г. в связи с «негритянским» вопросом, бывшим в сфере внимания Коминтерна и активно обсуждавшимся с представителями США и Африки. В связи с тем, что в марте 2019 г. отмечалось 100-летие Коминтерна, представляется актуальным дополнительно осветить менее всех изученный аспект деятельности этой, по выражению историков, «всемирной компартии».

⁴⁴ С. Катаяма. Указ. соч. С. 5–6. От издателей.

⁴⁵ Последние хранятся в Институте социальных исследований им. М. Оохара Университета Хосей (Токио). Частично они были опубликованы по-русски Х. Сакамото в: Исторический архив. № 6. 2006. С. 169–180; № 4. 2007. С. 179–188. Катаяма неоднократно возвращался к описанию своего жизненного пути, прежде чем приступить к большим очеркам и воспоминаниям. Одна из первых автобиографий, написанных им в Москве, имеет заголовок «*My Pašt*» с датой 12 октября 1922 г. (по-английски, с подлинной подписью) (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 280. Д. 263. Л. 26–28, личное дело С. Катаямы).

Вторая причина, побуждающая публиковать данные авторские документы Катаямы, заключается в том, что до сего времени мало кто из исследователей Коминтерна был осведомлен о столь активном участии японского социалиста и коммуниста, представлявшего в Президиуме ИККИ Японию, в продвижении им вопроса о неграх США в круг интересов Коминтерна.

И, наконец, третья причина — частичная и крайне отрывочная публикация отдельных абзацев из этих документов в научном издании, подготовленном Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН, в 2003 г. Речь идет о сборнике «Коминтерн и Африка»⁴⁶, в котором опубликованы 98 архивных документов о деятельности Коминтерна в Южной и Тропической Африке за 1921–1940 гг., из них 8 документов за 1923 г. В том числе: «Из заявления члена Президиума ИККИ Сен Катаямы по негритянскому вопросу», 22 мая 1923 г. (док. № 17) и «Из докладной записки Сен Катаямы К. Радеку», 14 июля 1923 г. (док. № 18)⁴⁷. Оба документа опубликованы в извлечении (не полностью), при этом отсутствуют какие-либо отточия и примечания, объясняющие выбор конкретного отрезка текста, предусмотренные общими для всех «Правилами публикации исторических источников» (М., 1990). Объем первого документа (№ 17) в начальном виде — 3,5 машинописных листа, из них опубликована только 1/3 часть; объем второго документа — 10 листов, из них опубликован только последний абзац. При публикации «записок» Катаямы были опущены те места, которые подробно описывают ситуацию с неграми в США и не относятся к Африке.

Записки Катаямы являются частью корпуса служебной документации ИККИ, отложившейся в ходе развернувшейся в Коминтерне дискуссии о созыве всемирного Негритянского конгресса (конференции) в Москве, в связи с чем они должны рассматриваться в совокупности с подобными материалами, некоторые из которых опубликованы в сборнике «Коминтерн и Африка»⁴⁸. Дискуссия о созыве конгресса (конференции) с целью, как следует из публикуемых документов, объединить под его именем «радикальных» негров всего мира, имела в действительности более глубокие корни. Она затрагивала сущность «негритянского» во-

---

⁴⁶ Коминтерн и Африка. Документы / Сост. Валентин Городнов, ред. Аполлон Давидсон. СПб., 2003. 352 с.

⁴⁷ Там же. С. 93–95.

⁴⁸ Там же. С. 80–96 (док. № 13–20).

проса в США и отношения к нему американских коммунистов⁴⁹. Как и предвидел Катаяма в своей записке от 22 мая — «у этого вопроса будет трудное будущее». Из-за оппозиции со стороны американской компартии Коминтерн не смог сделать главное — превратить американских негров в «революционный фактор» не только в своей стране, но и в предстоящей «мировой социальной революции», на которую был нацелен Коминтерн.

Публикуемые документы взаимосвязаны друг с другом, в них зачастую повторяются одни и те же аргументы. Скорее всего, Катаяма, изложив свой взгляд на предмет дискуссии (записка от 22 мая 1923 г.), продолжал отстаивать свою позицию, что заставило его подготовить более развернутый вариант (записка от 14 июля 1923 г.). С учетом того, что Катаяма являлся автором статей для журнала «Коммунистический Интернационал», можно рассматривать его вторую записку, как проектную статью, где и заголовок, и фактологическая основа более публицистичны. В пользу этого говорит также имеющийся на документе адресат — «Тов. Радеку», написанный от руки по-английски в верхнем поле документа. Принятое вскоре решение по созыву конференции, возможно, изменило планы Катаямы.

23 июля 1923 г. Исполком Коминтерна подвел предварительный итог в дискуссии о конференции. Было решено — в Москве, во время V конгресса, проводить конференцию только негритянских коммунистов. Местом созыва международной негритянской конференции, в том числе с участием «либеральных и мелкобуржуазных негритянских представителей» из США, Вест-Индии и Центральной Америки, предварительно были определены три города — Лондон, Париж и Нью-Йорк. Окончательное решение о дате и месте проведения «открытой» негритянской конференции было принято ИККИ только в ноябре 1923 г. — «предварительно 15 мая [1924 г.]», Нью-Йорк⁵⁰.

---

⁴⁹ Подробнее о дискуссиях по негритянскому вопросу и вокруг созыва Всемирной негритянской конференции см.: Тимофеева М. А. Дискуссии о сущности негритянского вопроса в США в Коминтерне. (Статья опубликована на сайте Российского исторического общества <https://historyrussia.org>, из сборника избранных статей участников IX Международной конференции молодых ученых и специалистов «КЛИО» апрель 2019 г.).

⁵⁰ См. опубл. письма ИККИ от 23 июля и 15 ноября 1923 г. Исполкому компартии Южной Африки о созыве Всемирной негритянской конференции: Коминтерн и Африка. Документы. С. 95–97 (док. №№ 19, 20).

Полная публикация «записок» Катаямы, с учетом других ранее опубликованных документов, позволяет понять — почему так настойчив был японский коммунист в вопросе об американских неграх и созыве негритянской конференции.

Кроме того, в «записках» содержится полезная фактологическая информация, как о положении негров в США, так и о конкретных организационных шагах Коминтерна. Так, например, заслуживает внимания и дальнейшего изучения упоминаемое им «Негритянское бюро в Америке в составе Американского агентства», созданное, как следует из записки Катаямы от 22 мая, по рекомендации Негритянской комиссии в 1920 г. Скорее всего, что сам Катаяма участвовал в работе этого бюро и составлении упоминаемого им «подробного доклада по американским неграм». Не менее интересна и дальнейшая судьба этого доклада, от неприятия «с американской стороны» до востребованности в период подготовки к IV конгрессу Коминтерна.

В той же записке от 22 мая Катаяма достаточно подробно освещает позицию американской компартии в негритянском вопросе и приводит сравнение, заинтересовавшее читавшего эту записку функционера ИККИ, который выделил это место подчеркиванием. Суть его заключалась в сравнении японцев и негров, которых одинаково презирали в Америке, и привлечение этих социальных групп в сферу коммунистического движения могло негативно отразиться на репутации компартии США.

Публикуемые документы выявлены автором — В. МакКлелланом в начале 1990-х гг. в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), носившем в то время другое название, в фонде Коминтерна (ф. 495) среди материалов Негритянской комиссии (оп. 155). Они представляют собой напечатанный Катаямой на машинке текст по-английски, с редакторской правкой автора. Первоисточники публикуются на языке оригинала, по-английски, с сохранением стилистики автора, а также по-русски в современном переводе. Перевод публикуемых документов выполнен И. МакКлелланом.

Н. С. Тархова

№ 1.

OFFICIAL REPORT, SEN KATAYAMA, MEMBER OF
THE EXECUTIVE COMMITTEE, COMINTERN
PRESIDIUM, 22 MAY 1923

ACTION FOR THE NEGRO MOVEMENT SHOULD NOT BE POSTPONED

The IV Congress has decided to hold a conference of the Negro[e]s within six months, but it has been nothing done for the promotion of this conference. Why nothing has been done? To answer this question is necessary to go back a little to see how the Negro question has been handled in the Comintern.

The starting point of the Negro problems is Comrade Lenin's Theses on the colonial questions. Comrade Lenin treats the American Negroes as the subject nation and classifies with the same category as Ireland. Right after the II Congress the Negro Commission was appointed and as a result the Negro Bureau was organized in America under the auspice[s] of the American Agency. The Negro Bureau thus organized made a thoroughgoing report on the American Negro[e]s and the report was treated by the American representative at Moscow in a most disgraceful manner or practically shel[v]ed willfully by the American representative, but it was taken up only last spring amidst American oppositions one after another.

When the language branches were organized in the Comintern, the Negro question was transfer[r]ed to the English section of the Language section. Here it was discussed in greater extent than heretofore, but it was again shel[v]ed by a member of then the secretariat. It was, however, came before the IV Congress by suggestion and proposal of the American delegation and was dealt with it in the IV Congress. I need not reiterate the matter, because it is too new to be forgotten by any one. But I must say that although the question was placed on the agenda of the IV Congress just because to save the face of the American C. P. and occasioned with a Negro delegate sent by the American C. P. I say just to save the honour of the American C. P. because the subsequent conduct of the American delegation proves so. To cite an instance. A pure or full-blooded Negro representative of the African Blood Brotherhood, Comrade Claude Makey was kicked out of

the Hotel Lux and even he was pursued or chased out from Lux Restaurant where Comrade Makey was eating his meal with his own money. All these brutal treatments [were] meted out to Com[rade] Makey by the same American Delegation!

With such a cold reception given to the Negro Comrade by the American Delegation at a start the Negro delegates, namely, Comrades Billings and Makey were received by the Congress and made a profound impression upon the Congress and the Congress treated the Negro problems with a due respect and consideration and attempted to do all the Comintern can do under the circumstances.

When Comrade Billings left for the States, the Comintern could not give fund to start a weekly as we wished. I suggested to Comrade Kolarov and agreed by him on the following and promised to bring the matter before the Presidium (I left next day for Berlin). The Comintern should send an instruction to the C. P.s where the Negro question must be dealt with, and especially to America in the effect that the Party organs should devote a certain space in each edition, like the Worker and make the propaganda for the Negro Conference. American Party should appoint a Negro editor and let him devote his time for the task. Personality I wrote to the Comrades in America on that effect.

But the American Party has done a very little for this end. As far as I know that the American C. P. has printed in the Worker an article of Comrade Sasha on the Negro report and few lines about the Negro problem in the manifesto. American C. P. has done no more. Indeed, the entire delegates with exception of Comrade Billings and Sasha were against the Negro Resolution in the American section meeting. The Negro question is the American question chiefly. And the Comrades of the American C. P. are at every step against the Negro question, traditionally so, and the Negro Conference has been postponed again by the very suggestion of the American C. P. with such a strenuous opposition from the American Party the Negro question will have a very hard future. The Comintern can hardly do much against such an opposition, because the actual work must be necessarily entrusted to the C. P.s concerned.

The American Negro should be helped and make them a revolutionary factor in that country. We must not take the utter neglect and convenient excuses of the American C. P. as the only reason for postponing the Negro problem again and again. The American Negro problems are very serious and grave looked from every side. The

American comrades' hackneyed saying is that the Negro[e]s are not revolutionary and they do not join the C. P. and the Party has no one to work for the Negro[e]s etc. etc. The American history shows abundantly that the Negro[e]s are capable of revolting against their slave masters and since the world war the Negro[e]s became racially conscious and awakened as they were proved to be the best soldiers in the French front. Often ridiculed and despi[s]ed Garvey movement has been proving that behind the Garveyism there stand millions of awakened, at least racially, Negro[e]s, and the Garvey movement continued to grow. The recent Negro riots at Chicago, St. Louis, Washington and Oklahoma are the direct results of the Negro awakened, and their due demand for equal treatment as the full citizen of the United States of America. There are many chances for the American C. P. to take up the Negro question for the interest of the Communist Movement. When the wholesale massacre of the Negro population of the city of Tulsa, Oklahoma by the armed whites of that city numbering twenty-five thousand burning down entire Negro quarters [and] murdering several hundred of Negro[e]s. The Party did not make use of this terroristic and inhuman[e] conducts of the Whites. The American C. P. never has done any marked effort to get the Negro masses to the Communist movement. When the anti-lynching bill was before the House of Representatives, the press of the country was full of discussions pro and con the bill. But the American C. P. has done nothing to attract the attention of the Negro masses by showing the sympathy toward the oppressed millions! This bill when passed the House was opposed by the entire Southern states, which were the slave states. This bill was sent to the Senate and there remains until this day without hardly any hope of getting pas[t] the Senate. Even today the American C. P. can do, and I think should take the matter up for the sake of the Communist movement, just to show the sympathy of the C. P. to the Negro and the bill should become the law. The lynching [of] the Negro[e]s have lately been increasing in number and brutality and frequency. Last year within 60 days 9 Negro[e]s were lynched. But the C. P. does not feel like doing anything.

The American Negro[e]s are the proletarian and they are engaged in heavy work like dockers, railway porters and now many Negro[e]s are in the factories of the North. The cotton growing industry is almost entirely carried on by Negro[e]s of the South. Recently they became strike breakers, organized by the capitalists under the name of the Citizen League which has branches all over the country. The Amer-

ican C. P. may have some difficulties owing to the traditional racial prejudice against the Negro race and the comrades of the South may object [to] the Negro question be[ing] taken up, [j]ust as a Comrade of America told me when I discussed with him the Communist movement of the United States that he did not wish a strong Japanese section of the American C. P. because this will cause the C. P. an unpleasant position, the Japanese in America are despi[s]ed and [i]neligible to the citizenship consequently the American C. P. may become unpopular before the eyes of the public!

These are, however, petty reasons and the Communist movement should not be retarded by such things. The American Negro[e]s number over a million and a half and in several states the Negro[e]s command absolute majority, but they are utterly subjugated by the white minority. As I have already pointed out the Negro[e]s are awakened racially but they are awakened more politically and socially and they are demanding the right to be treated as equals socially and politically. The Negro[e]s of America are proving themselves capable of organizing themselves under the leadership of the reformist Negro[e]s and gathered together many times under the name of the Negro Congress and claimed to represent the many millions scattered all over the world. The Comintern should not ignore too these facts on account of petty objections put up by the American Comrades who are too sensitive and irritable about the prejudice of the Southern people and especially the Communists who are yet unable to get rid of racial antagonism.

I am glad to know that Comrade Jones of South Africa has come out for the Negro movement that should be taken up by the Comintern, and immediately too. His article speaks very eloquently for South Africa and his argument can also be applied to the American Negro[e]s, since the American Negro[e]s are proletarians. And I wish that the Negro Conference should be prepared immediately in order to be called at the earliest day.

Moscow, May 22, 1923

Sen Katayama

*RGASPI. Collection 495. Inventory 155.
File 17. Folios 9–12*

22 МАЯ 1923 Г. — СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА
(ЗАЯВЛЕНИЕ) ЧЛЕНА ПРЕЗИДИУМА ИККИ
СЭН КАТАЯМЫ

НЕЛЬЗЯ ОТКЛАДЫВАТЬ ДЕЙСТВИЯ В ПОДДЕРЖКУ
НЕГРИТЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ⁵¹

IV конгресс решил провести конференцию негров в течение шести месяцев⁵², но ничего не было сделано по содействию в ее проведении. Почему ничего не было сделано? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо посмотреть немного назад и увидеть, как Коминтерн обошелся с этим вопросом.

Отправной точкой в негритянской проблеме является работа товарища Ленина «Тезисы по колониальным вопросам»⁵³. Товарищ Ленин рассматривает негров Америки как «подчиненную нацию» и классифицирует ее в той же категории, что и Ирландию. Сразу же после II конгресса⁵⁴ была назначена Негритянская комиссия и в результате этого было организовано Негритянское бю-

⁵¹ Собственный заголовок документа.

⁵² Речь идет о IV конгрессе Коминтерна, проходившем с 5 ноября по 5 декабря 1922 г. и принявшем 30 ноября *тезисы (резолюцию) по негритянскому вопросу*. В них, в пункте 6 (см. примеч. 61), говорилось о «немедленных шагах» для созыва всеобщей негритянской конференции в Москве. Подробнее об условиях принятия этих тезисов см. письмо члена руководства КПЮА С. Бантинга председателю ИККИ Г. Зиновьеву от 13 января 1923 г.: Коминтерн и Африка. Документы. С. 81 (док. № 13).

⁵³ Работа была написана В. И. Лениным в июне — июле 1920 г. для II конгресса Коминтерна.

⁵⁴ Речь идет о II конгрессе Коминтерна, проходившем 19 июля — 7 августа 1920 г., на нем был принят Устав Коминтерна и избран Исполком Коминтерна (ИККИ). От США были избраны — Джон Рид, Николай Гурвич. В повестке дня было 13 пунктов, среди них, национальный и колониальный вопросы (п. 4). На конгрессе был обсужден и принят Устав Коммунистического Интернационала (п. 9) и, согласно Адибекову, была «сформулирована» в основных чертах «централизованная организационная структура», рассчитанная «на условия революционной борьбы в мире» (Адибеков Г. М. и др. Указ соч. С. 20, 21, 31, 32).

ро в Америке в составе Американского агентства⁵⁵. Негритянское бюро подготовило подробный доклад по американским неграм. Этот доклад был встречен американским представителем в Москве самым неуважительным отношением и, практически, положен им на полку. Вновь к нему обратились только прошлой весной, несмотря на возражения с американской стороны.

Когда в Коминтерне были организованы отделы по языковому принципу, негритянский вопрос был отнесен в английскую секцию⁵⁶. Этот вопрос обсуждался более широко, чем прежде, но снова был положен на полку членом тогдашнего секретариата⁵⁷. Однако по предложению американской делегации этот вопрос был поставлен и обсуждался на IV конгрессе. Мне не нужно это повторять, так как вопрос этот слишком свежий, чтобы быть забытым. Но я должен сказать, что вопрос был включен в повестку IV конгресса только потому, чтобы спасти лицо американской компартии и [отреагировать на присутствие] негритянского делегата, посланного американской КП⁵⁸. Я подчеркиваю, именно честь американской компартии, потому что последующее поведение американской делегации подтвердило это. Например, настоящий или полнокровный негритянский представитель африканского кровного братства товарищ Клод Маккей был выкинут из отеля «Люкс»⁵⁹ и его даже преследовали и выкинули из ресторана, где товарищ Маккей ел свою еду за свои собственные деньги. Все это жестокое поведение к товарищу Маккею было проявлено той же американской делегацией.

---

⁵⁵ Видимо, речь идет об Американском агентстве Коминтерна в Мексике, образованном в сентябре 1920 г. (см. примеч. 25). Все, существовавшие ранее заграничные бюро ИККИ, были упразднены в соответствии с решением Политбюро ЦК РКП (б) от 6 августа 1920 г. (Адибеков Г. М. и др. Указ. соч. С. 29–30, 34).

⁵⁶ По данным Адибекова и его соавторов, в начале 1922 г. представители различных партий в ИККИ стали объединяться в группы по языковому принципу, что облегчало не только взаимную связь между ними, но, прежде всего, подготовку материалов для ИККИ о положении в своих странах и партиях. Среди «неформальных языковых» групп, возникших весной и летом 1922 г., была англо-американская языковая группа (секретариат), которую возглавлял Алан Валениус, а с 10 июля 1922 г. — Кук. (Адибеков Г. М. и др. Указ. соч. С. 51–52).

⁵⁷ Возможно, здесь Катаяма имеет в виду секретариат «языковой группы», так как Адибеков указывает, что «на заседаниях языковых групп (секретариатов) стало проводиться первичное обсуждение вопросов, касающихся этих регионов» (Там же. С. 52).

⁵⁸ КП — компартия.

⁵⁹ Имеется в виду отель «Люкс» в Москве на Тверской ул., где размещались делегаты форумов Коминтерна (см. примеч. 29).

Вопреки такому холодному приему, оказанному в самом начале негритянскому товарищу американской делегацией, негритянские делегаты, а именно товарищи Биллингс⁶⁰ и Маккей, были встречены конгрессом и произвели на него глубокое впечатление. Конгресс разбирал негритянские проблемы с уважением и вниманием и пытался сделать все, что Коминтерн может сделать при существующих обстоятельствах⁶¹. Когда товарищ Биллингс уехал в Штаты, Коминтерн не мог передать [ему] средства, чтобы начать публиковать еженедельную газету, как нам этого хотелось. Я предложил товарищу Коларову⁶² и получил одобрение от него и обещание, что вопрос будет поставлен перед Президиумом (я уехал на следующий день в Берлин⁶³). Коминтерн должен был послать инструкцию Компартиям, где говорилось о необходимости рассмотрения негритянского вопроса, и особенно в Америке, с указанием, что партийные органы должны выделить определенное место в каждом номере [печатного издания], как например «Рабочий»⁶⁴, и вести пропаганду за негритянскую конференцию.

⁶⁰ Речь идет о Хейсвуде, Отто Е. (см. примеч. 35).

⁶¹ В тезисах (резолюции) *по негритянскому вопросу*, принятых IV конгрессом Коминтерна, в пункте 6 сказано: «6. 1) Четвертый конгресс признает необходимым поддержку всех форм негритянского движения, которые стремятся подточить или ослабить капитализм и империализм или воспрепятствовать их дальнейшему распространению. 2) Коммунистический Интернационал будет бороться за расовое уравнение негров с белыми, за равную заработную плату и равные социально-политические права. 3) Коммунистический Интернационал употребит все имеющиеся в его распоряжении средства для того, чтобы заставить профессиональные союзы принимать в свой состав негритянских рабочих там, где закон допускает это, и будет настаивать на специальной капании для приема их в союзы. В случае неудачи он организует негров в особые союзы и будет специально применять тактику единого фронта для того, чтобы добиться допущения их в общие союзы. 4) Коммунистический Интернационал немедленно предпримет шаги для созыва всеобщей негритянской конференции или съезда в Москве» (цит. по: Коммунистический интернационал в документах: решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ, 1919–1932 / Ин-т Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП (б) / Под ред. Б. Куна. М., 1933. С. 367).

⁶² *Коларов Васил* (1877–1950), болгарский коммунист, на IV конгрессе Коминтерна был избран в состав ИККИ как представитель от Балкан, а в декабре 1922 г. — вошел в состав Президиума ИККИ, вместе с Сэн Катаямой (*Адибеков Г. М.* и др. Указ. соч. С. 66).

⁶³ С. Катаяма в составе делегации Коминтерна присутствовал на съезде трех Интернационалов в Берлине (2–5 апреля 1922) (*С. Катаяма*. Указ. соч. С. 755, летопись).

⁶⁴ Как указывает Катаяма далее, «Рабочий» («Worker») был печатным органом Красного Рабочего Союза Интернационала.

Американская партия должна назначить негритянского редактора и позволить ему выделить время для этой задачи. Я лично написал товарищам в Америке по этому вопросу.

Но американская партия сделала очень мало. Насколько мне известно, американская компартия напечатала в «Рабочем» статью товарища «Саша»⁶⁵ о негритянском отчете и несколько строк о негритянской проблеме в Манифесте. Больше американская компартия ничего не сделала. В действительности вся делегация, за исключением товарищей Биллингса и «Саши», была против американской резолюции на собрании американской секции. Негритянский вопрос — это главным образом американский вопрос. И товарищи из американской компартии по традиции на каждом шагу были против негритянского вопроса, и негритянская конференция была отложена снова по предложению американской компартии. При такой сильной оппозиции со стороны американской партии у этого вопроса будет трудное будущее. Коминтерн едва ли может сделать многое при такой оппозиции, т. к. действительная работа должна быть возложена на компартию.

Американским неграм должна быть оказана помощь, и они должны стать революционным фактором в этой стране. Мы не должны принимать полное пренебрежение и удобные извинения американской компартии как единственную причину, по которой снова и снова откладывались негритянские проблемы. Проблемы американских негров очень серьезные и важные, с какой бы стороны на них не посмотреть. Избитое объяснение американских товарищей, что негры не революционны и не вступают в компартию и партия не имеет никого, кто работает на негров и т. д. Американская история широко показывает, что негры способны поднять бунт против своих хозяев и со временем мировой войны расовое сознание проснулось в неграх, когда они доказали, что стали лучшими солдатами на французском фронте. Часто осмеянное и презираемое

---

⁶⁵ Автор статьи «Саша» — Роза (Поуз) Пастор Стоукс (Rose Pastor Stokes) (1879–1933), американская радикальная феминистка, писательница, журналистка, одна из организаторов Американской компартии (1919). В 1922 г. приехала в Москву и в составе американской делегации участвовала в работе IV конгресса Коминтерна. Ее репортажи, под псевдонимом «Саша», освещали деятельность специальной комиссии, созданной для обсуждения негритянского вопроса (Коминтерн и Африка. Документы. С. 81 (док. № 13, письмо С. Бантинга Г. Зиновьеву)). После возвращения в Штаты была избрана в исполком вновь созданной Рабочей партии.

движение «гарвей»⁶⁶ доказало, что за «гарвейзмом» стоят миллионы проснувшихся, по крайней мере, расово негров и движение «гарвей» продолжает расти. Недавний негритянский бунт в Чикаго, Сен-Луизе, Вашингтоне и Оклахоме прямой результат негритянского пробуждения и их должное требование за равное обращение как полноправных граждан Соединенных Штатов Америки.

Существует много возможностей для американской компартии заниматься негритянским вопросом в интересах коммунистического движения. Партия не использовала повода, когда было террористическое и бесчеловечное поведение вооруженных белых, насчитывающих 25 000 человек, при массовой расправе с негритянским населением в городе Талса (Оклахома)⁶⁷. Белые сжигали целые негритянские кварталы, убили несколько сотен негров. Американская компартия никогда не сделала никакой попытки вовлечь негритянские массы в коммунистическое движение. Когда законопроект о запрете Линча был представлен в Палате представителей, пресса страны была полна обсуждений «за» и «против» него. Но американская компартия не сделала ничего, чтобы привлечь внимание негритянских масс, выразив симпатии к угнетенным миллионам. Этот законопроект во время принятия его в Палате представителей встретил оппозицию всех южных штатов, которые раньше являлись рабовладельческими. Проект закона был отправлен в Сенат и остался там по сей день без какой-либо надежды быть переведенным в закон. Линч над неграми за последнее время участвовал в количестве, жестокости и частоте. В прошлом году за 60 дней линчевали 9 негров. Но компартия не чувствует, что она должна что-то делать.

Американские негры — это пролетариат, и они выполняют тяжелые работы, как например, докеры, железнодорожные носиль-

---

⁶⁶ Речь идет о взглядах *Маркуса Гарвея* (Marcus Mosiah Garvey) (1887-1940), уроженца о. Ямайка, основавшего на острове в 1914 г. Всемирную ассоциацию по улучшению положения негров (the Universal Negro Improvement Association, UNIA), а после эмиграции в США — несколько филиалов Ассоциации в Америке. Возглавляемое им афро-американское движение («гарвизм») призывало черных в массовом масштабе эмигрировать в Африку («назад в Африку» и «Африка для африканцев») и с этого континента, как пишет М. Вишнеvский, оказывать нажим на белых в США, добиваясь от них отказа от расизма (*М. Вишнеvский. Африкано-американская община и политика США в Африке // Азия и Африка сегодня. 2004, № 9. С. 1–25; Коминтерн и Африка. Документы. С. 333*).

⁶⁷ Подробне о событиях см. примеч. 92.

щики, и теперь много негров работают на заводах Севера. Выраживание хлопка почти полностью осуществляется неграми Юга. Недавно они стали штрейкбрехерами, организованными капиталистами под именем Гражданской Лиги, которая имеет отделения по всей стране. Американская компартия испытывает трудности из-за традиционных расовых предрассудков против черной расы, товарищи Юга могут возражать против поднятия негритянского вопроса. Подобное сказал мне товарищ из Америки, когда я обсуждал с ним ком. движение в Соединенных Штатах; он не хотел иметь сильную японскую секцию в американской компартии, потому что, это [ставит] компартию в неприятное положение — японцев в Америке презирают и они не имеют право на гражданство, в следствии чего американская компартия может стать не популярной в народе⁶⁸. Однако это ничтожные причины и ком[унистическое] движение не должно тормозиться из-за таких вещей. Число американских негров составляет более полутора миллионов, а в нескольких штатах негры представляют абсолютное большинство, но они полностью подчинены белому меньшинству. Как я уже сказал, негры пробуждаются в расовом сознание, но они более пробудились политически и социально, и требуют свое право на равенство в социальной и политической жизни. Негры Америки доказывают свою способность организовываться под руководством реформистских негров и объединиться под именем Негритянского конгресса и заявляют себя представителями многих миллионов разбросанных по всему миру. Коминтерн также не должен игнорировать эти факты на основе ничтожных возражений, представленных американскими товарищами, которые слишком чувствительны и раздражены предрассудками людей Юга.

Мне радостно узнать, что товарищ Джонс⁶⁹ из Южной Африки вошел в негритянское движение и должен быть принят Коминтерн-

---

⁶⁸ Здесь и далее в тексте документа подчеркнута от руки, при прочтении.

⁶⁹ Джонс, Дэвид Айвон (Jones, David) (1883–1924), делегат III конгресса Коминтерна от Южной Африки, член ИККИ (с июля 1921 г. — с совещ. голосом, с марта 1922 г. — в основном составе). В июле — августе 1921 г. активно выступал за создание информативно-аналитического бюро по колониальным вопросам в составе ИККИ и участвовал в первом заседании Бюро колониальных стран ИККИ, с докладом о задачах и плане работ бюро. Неоднократно писал для прессы, а также на имя В. И. Ленина, статьи по «негритянскому» вопросу. 8 января 1923 г. Джонс обратился в ИККИ с озаглавленным письмом: «Замечания к предложению о созыве негритянского конгресса в Москве», в котором поддержал данное предложение. Однако 23 марта 1923 г. Джонс вновь обра-

ном немедленно. Его статья⁷⁰ красноречиво говорит о Южной Африке и его аргумент может также быть применен к американским неграм, т. к. американские негры являются пролетариатом. Мне хотелось бы, чтобы Негритянская конференция была подготовлена незамедлительно, чтобы открыть ее как можно раньше.

Сэн Катаяма

Москва, 22 мая 1923.

*РГАСПИ. Фонд 495. Оп. 155. Д. 17. Л. 9–12. Машинописный экз.
с правками автора. Перевод с английского яз.*

№ 2.

OFFICIAL REPORT, SEN KATAYAMA, MEMBER
OF THE EXECUTIVE COMMITTEE, COMINTERN
PRESIDIUM, 14 JULY 1923.

NEGRO RACE AS A FACTOR IN THE COMING WORLD SOCIAL REVOLUTION

The Negroes of the world number about 150,000,000, nearly one-tenth of the entire population of the world. Of this number 120 million in the continent of Africa and the rest in other countries, chief of which being the United States of America, where there are from 12 to 15 million Negroes. The Negroes in so far as they are in contact with the civilization are distinctly proletarians and they constitute the most energetic cheap labor that is more and more becoming a competing agency against the white labor, not in a mere cheap labor to com-

---

тился в ИККИ с новым письмом «Дополнительные замечания в связи с предполагаемым негритянским конгрессом», в котором отверг предложенную идею. См. тексты опубликованных писем и статей Д. А. Джонса в: Коминтерн и Африка. Документы. С. 67–74, 79–80, 87–92 (док. № 7–10, 12, 14, 15), а также: *Адибеков Г. М.* и др. Указ. соч. С. 39.

⁷⁰ Видимо, Катаяма имел ввиду записку (письмо) Джонса от 23 марта 1923 г. в ИККИ относительно созыва Негритянского конгресса (Коминтерн и Африка. Документы. С. 90–92 (док. № 15)).

pete with⁷¹ but to break the strike and gradually replace the white labor in the industrial field. The Negroes are a menace to the white labor unions under the present capitalist system and they are more and more exploited by the world capitalists.

NEGRO PROBLEMS.

The Negro problems differ from each other according to different countries. The dominant factor of the American Negro problem is racial and social. But in South Africa it is the cheap labor. There is a little or no racial problem in the South African Union. In French African colonies there is no racial problem at all, for in France it is not the cheap labor but a cheap soldier that will be used to break down the strike and to protect the capitalist interest against the labor as is the case in the French Ruhr occupation.

Until very recently date the Negro problems were shunned by the people of those countries where the Negroes are a part of the population. In Spring last year a Comrade from South Africa told us that the Negro problems should be taken up after the world revolution is accomplished, until then we the [C]omintern should not bother with the Negro question at all. The American representatives were generally against taking the Negro problem up by the Comintern. They wanted to minimize the problem as much as possible, putting obstructions at every step in the discussions on the Negro Commissions. At the IV Congress of the Comintern they opposed the idea of the Negro Congress [and] only conceded to hold a small conference thus to put off the issue as far as possible into the distant future.

But the situation in America has greatly changed lately. The Workers Party there are [sic] compelled to meet the issue, although [in a] very half-hearted way, namely, to do for the Negroes in so far as it will not hurt the social consciousness of the Southern Comrades. That was the spirit and feeling of the Workers Party Convention met at New York. It shows that the Negro problems in the United States of America are getting serious affairs. A recent phenomenon that caused the Workers Party uneasy about is the increasing migration of the Negroes from the South to the Northern industrial centers. During the late world war southern Negroes were migrated somewhere

---

⁷¹ The phrase “in a mere cheap labor to compete with...” should probably read “merely as cheap labor...”.

4 to 5 hundred thousand to the north to supply unskilled labor, while over 4 hundred thousand Negro soldiers crossed the Atlantic to fight for the democracy and peace of the world with an inviting promise of betterment and promotion of the Negroes socially and politically. But they were utterly disappointed in all those bright promises. At the close of the world war the Negro workers were mercilessly thrown out of the factory in order to give [their jobs to] the white workers or the demobilized white soldiers, so many were compelled to return to the South for the time being. But during [sic — between] the years 1910 and 1920 over 335,000 Negroes remained in the North, thus there are at the time of the last census 1,750,000 Negroes in the North. This number has been increasing since the year 1922 by a renewed migration of the Negroes from the South to the North. This was began [sic] with the return of the industrial prosperity in the country.

The present Negro migration from South toward North has [been] caused 1. by the renewed prosperity of industries; 2. by the sever[e] restriction of immigration from Europe and general offensive of the capitalist class to cut down the wages of the white labor with the cheap Negro labor as an effective weapon and eventually to destroy the unions. Heretofore the Negro labor has been often used as a scab and broke the strike of the white workers but it was not much felt by the white workers in the past as it is today as the capitalist offensive became so strong and well organized. These, then, are the some of reasons that the Negro problems are talked about in the Workers Party press and I am glad to say that the present American delegate to the Enlarged Executive Conference has most ably supported the idea of the Negro Conference.

Were the Negro problems of America only of the cheap labor that competes with the white labor it would be an easy matter to solve. But the American Negro problems are of chiefly racial and consequently social, political, as well as economic and highly complicated. And the Negro problems in America in their racial aspect are too great and grave that all the intelligent Americans simply shut their eyes and afraid of dealing with it. But now at the least among the advanced workers the Negroes as cheap labor and possible a strike breaker can not be ignored and must be dealt with accordingly. Here is a common ground for the united front between the white and black labor in America, at least on the side of the white labor. But the trouble is that the Negro problems in America can not be treated as simply an economic problem. A Negro scab and a strike breaker should at once [be]

interpreted by the white labor as a racial problem and then acted [on] so accordingly. All the conflict between the white and black labor is interpreted by the white population in the terms of racial prejudice and racial hatred. Thus the labor conflict of the two races ends usually in a race riot, as in the East St. Louis riot during the late world war. Chicago, Washington, and more recent Oklahoma riot [were] distinctly a race riot as the resistance [sic] of the Negroes becomes stronger the riot becomes greater and [the] extent of the Negro massacre by the armed white becomes greater. I shall give here one instance:

I reproduce a part of my article printed in the "Worker" the organ of the Red Labor Union International, Mexico City, in July, 1921. "There occurred a terrible and the most barbarous race riot in Tulsa, Oklahoma, U. S. A., on June 1, 1921. It lasted 24 hours. Here are some facts reported by the press.

The New York Times: "Dick Rolland, a Negro, was arrested late yesterday afternoon (May 31), accused of assault upon an orphan girl. He was taken to the court house and lodged in jail on the upper floor. Apparently rumours of an attempt to lynch him got about, for about 7 o'clock motor cars containing armed Negroes appeared on the principal streets, headed for the court house, and soon 200 Negroes were around the court house building.⁷²

"There upon armed white men also began to gather in the same neighborhood [sic]. Soon streets were filled with shouting and gesticulating men. Suddenly there was a rush for sporting goods houses and hardware stores where the crowd broke in and armed themselves with whatever weapons they could find." — Tulsa, Oklahoma, June 1.

The same *New York Times* reports the next day:

"Of more than 15,000 Negro residents about 3,000 have left the city, [the] remaining 12,000 are wholly dependent for the necessity of life upon the relief.----⁷³ General Barrett, in his address to the citizens' mass meeting, said: 'In all of my experience, I have never witnessed such scenes as prevailed in this city, when I arrived at the height of the rioting. Twenty-five thousand whites armed to the teeth, were ranging the city in utter and ruthless defiance of every concept of law and righteousness. Motor cars, bristling with guns, swept through your city, thier [sic] occupants firing at will.' One sensational rumour was current to-night to the effect that the sheriff, fearful of a lynching, tele-

---

⁷² Так в тексте, здесь и далее закрывающие кавычки отсутствуют.

⁷³ Здесь и далее в тексте даны подобные прочерки.

phoned to Negro leaders to 'Come up here and protect your man.' This refers to the gathering of Negroes before the court house, where the Negro youth, Dick Rolland, accused of assault on a girl, was held.

"With[in] two hours, the situation was out of the hands of the police. ---Unable to cope with the situation, and fearful that the angry Negroes would rampage the city the police seem to have lent at the least tacit support to the formation of the white bands. If they did not actually abet they at least failed to stop the forcible entrance of hardware and sporting goods stores by whites, rushing for guns and ammunition." The New York Times says among other things "General Barrett said that what he had done with 100 uniformed men, the sheriff could have done it easily. Ex-Mayor E. F. Martin said that most of this damage (It is estimated at 1,500,000 dollars) was done by white criminals who should have been shot and killed." Again the N. Y. Times quotes what the firemen of the city said as to the burning Negro houses: "We can't use the equipment we have, and for that reason we have not asked for more apparatus from other cities. It would mean a fireman's life to turn on a stream of water on one of those Negro buildings. They shot at us all morning when we were trying to do something. There is not a chance in the world to get through that mob into the Negro district." The New York Call says: "Outstanding feature of the battle was that the armed whites encircled the Negro district with constantly moving ring of automobiles["]. "Terror of the populace was accentuated shortly before noon by a reign of torch. Home after home in the Negro district was bu[r]nt to the ground."

The New York Call comments [on] the Tulsa Negro massacre very eloquently: "Not even the pogroms waged against the Jews in Czarist Russia surpass in murderous ferocity the carnival of murder staged in Tulsa against its Negro population. It was accompanied with accessories of modern warfare. The surrounding of the Negro quarters by men in automobiles armed with rifles; a[e]roplanes soaring above the besieged women and children; shooting down every Negro who made himself a target, and consigning of the Negro section of the city to flame is a scene of murderous lust that surpasses anything yet staged in the United States."

The atrocious barbarity of American race riot against the Negro quoted above lines from two dailies needs not any more comment. The Tulsa Negro massacre was the greatest in its thoughtfulness in its execution and accomplishment murdering several hundred innocent Negroes by armed attacks, destroying the whole Negro quarters making 15,000 Ne-

groes homeless! But my aim is not to write a history of the Negro riots in America. My aim is that the Negroes are capable of fighting against the oppressors shown by the recent examples in Chicago, East St. Louis, and Washington. Chicago riot was pure and simple race riot of the whites against the Negro, that continued for several days killing several tens [sic] on both sides; but it started in an insignificant affair. A Negro boy was drowned and drifted to a white section of the swimming place. A Negro wanted to save the boy and jumped [in] to the forbidden for the Negro place and the whites present [o]bjected the conduct and attempted to drown the Negro who went to save the drifting Negro boy! This most immoral and inhuman conduct of the whites infuriated the Negroes of the city of Chicago and there ensued a most brutal race war between the whites and the blacks. The resistance of the Negroes were so strong as the Federal troops were called out to suppress the riot, which of course means in favour of the whites. The East St. Louis and the Washington riots were both economic cause [sic] but treated by the whites as racial and ended in crushing the Negro resistance in both cases. Only the difference was that the former concerned with industrial workers while the latter the government employees. On [sic] both cases the whites wanted to get the places the Negroes occupied. In all cases of the racial riots the Negroes showed more and more fighting spirit and stronger resistance than ever before, hence the race riot became more and more terrible and wide in extent. It is feared that the present increasing migration of the Negroes from South to the North will again result in the race riots as during and just after the war.

Such being the case the industrial workers of the North became somewhat conscious of the Negro problems and especially the Workers Party tries to shirk the problems in its own lukewarm manner. But the American Negro problem can not be solved simply on the economic ground. It is only a means of approach to the problem. On this ground only the whites are induced to take up the Negro problem. And perhaps it may be the best and most convenient way of dealing [with] the problem. But the American Negro problems are the most complicated as I said already. They are above all racial which involves social, political and economic interwoven each and the other.

Now what are the American Negro problems looked [at] from the Negro side? The American Negro demands among other things the recognition of his social equality first of all, and his political and economic equality. The social equality means, of course, the racial equality. According to the American constitution [sic] the Negro is a full citizen

and should be accorded to him all the privileges that are enjoyed by the white American citizen. But in reality he has not with a few exceptions in the Northern states, where he enjoys the right of the citizenship in the elections and civil service, but even in those states he has [sic] treated as an inferior in the matter of social sphere. While in the South, which is the home of the Negroes[,] in several states in the South the Negroes command the absolute majority numerically, he is utter outcast, has no legal protection whatsoever. In the South the Negro has no social, economic and political equality at all. He is “Jim Crowed” everywhere and he is worse than a slave of the nineteenth century. He is a peon and exploited by the white master more sever[e]rly than he was in slavery.

Negro in the South is entirely deprived of civil rights and secluded and segregated in the town and can not enter the same entrance and eat in the same dinning [sic] hall with the whites. Indeed the Southern whites want the Negroes keep [sic] in perpetual ignorance and actual slavery. Everywhere and in every way the Negroes are separated from the whites and treated inferiorly [sic]. As a laborer the Negro is a peon whom the white master shoot down unmolestedly [sic] and the Negroes are subjected to the most cruel form of punishment whether he has committed a crime or no crime, namely — Lynching. Comrade Claude McKay gives his analysis of the Negro lynching in his interesting book published by the State Publishing Department of Moscow. Comrade McKay was one of two Negro representatives to the IV Congress of the Comintern. He says:

“Intelligent minds are puzzled by the obscene sex-consciousness of the American nation. It is even a mystery to thoughtful Americans. When the white man is beaten on every false premise that he brings against equal privileges for the Negro he savagely turns upon his opponent and shouts, ‘Would you let your sister or daughter marry a nigger?’”

“And so, for sex decades since the emancipation the economic disadvantages of the Negro have been skillfully [sic] kept in the background by American bourgeois manufacturing an artificial sex war between the races. Whatever the wrong, be it social discrimination, lynching or industrial exploitation, the fetich [sic] of sex is invoked as a smoke screen to hide it all. ‘White womanhood must be protected from black rape’ is America’s watchword! ‘No mixegenation!’ [sic] Yet about thirty percent of the Negro population is clearly Mulatto⁷⁴.”

---

⁷⁴ Так в тексте, здесь и далее закрывающие кавычки отсутствуют.

“Against all efforts to educate and improve the status of the emancipated slaves were opposed the slogans ‘Fear of domination’ and ‘Protection of white womanhood from Black Rape.’ No one knew better than the Southern oligarchy the falsity of the last named assertion, but its retention of its landed power depended on the wide dissemination of just such dangerous[s] falsities. Fact is that the Southern proletariat had lived in real ignorance of Negroes’ sex life. They had developed a prurient neurotic curiosity concerning the naked bodies and sex organs of Negroes. And this fostering of an unnatural division between both races by the master class, now made [illegible] in lynching picnics — a barbarity that never existed in the worst era of slavery. The slave owning class would not have allowed lynching in slavery days, it would have meant the destruction of valued property. But when the freeing of the Negroes made the master class dependent on the poor whites for political support and power, they allowed lynching of Negroes to cover up the economic rottenness of the South.

“American Negroes are periodically lynched for any or no offense and the cause is generally attributed to ‘Rape of white woman.’ But Negro women are lynched also and burned at the stake for instance. In one recent case the woman was pregnant and her baby was born as she was hanged to the tree. And with his heel a white man crushed the skull of the baby as it lay quivering on the earth. When a lynching takes place the whole village town participates in it. Spectators come in from the country or from neighboring cities in trains and motor cars. Women, little girls and boys emulated the men in torturing the oil-soaked victims with red-hot poker. The males are invariably castrated and the genitals, fingers, toes, hair and other parts of the victims’ body are triumphant[ly] borne away by white men, woman, and children as souvenirs.

“And the Northern states also fully share with the Southern the enjoyment of the exclusively American national sport. Indeed, the whole white American nation is strangely possessed of a Negro neurosis. All the great Northern newspapers attest fact. Negro is news. The New York World, the New York Times, the New York American, the New York Tribune, the New York Sun and all the evening newspapers set the pace for the big newspapers of Boston, Philadelphia, Pittsburg, Chicago, St. Louis, Kansas City, Denver, and San Francisco. The news Negro crime (distinct from any other person whose nationality is never given[]) in scare headlines screams at the reader in two-inch front-page letters, and all the details of a horrible lynching are printed in ex-

tenso. And the large, literate proletariat of the North devours the news as it speeds to work in subways and street-cars.”

Comrade McKay is a Negro poet of an international reputation and made himself a very good impression on the Comrades of the IV Congress and on those who met him and his extremely sane and common sense [sic] book will make the causes of the Negro race progress. He deals [with] the materials from the communist standpoint.

The Negro lynching represents the most awful crime of the American civilization and the prevalent cause and excuse are the Negro's rape on white womanhood. William Griffith's "Klansmen" or the Birth of a Nation, the famous moving picture film justifies the Ku Klux Klanism and vividly pictures a rape, which is, no doubt, the present revival of Ku K[lu]x Klan in America. Solid South still holds up the barbarous institution of lynching as a necessary evil and the best means to deter the Negro crime of raping on white women! But this is utter false pretext to justify lynching, because the facts reveal clearly that the lynchings are nothing but the racial hatred and racial prejudice expressed nakedly. The New York Times of November 23, 1922, prints a full page advertisement on the American lynchings, mostly of Negroes. The daily prints under the title of "The Shame of America["]. According to this in four years, 1918–1921, 28 people were publicly burned by American mobs. During the period 1889–1922, 3,436 people were lynched. The advertisement names the causes of lynching or alleged crimes victims: Rape 5711; murder 1288; crime against person 615; crime against property 533; miscellaneous 453[,] and absense [sic] of crime 176; among these 83 were women. Why some mob victims died? "Not turning out of road by whiteboy in automobile;"⁷⁵ "Being a relative of a person who was lynched; "Jumping a labor contract; "Being a member of Non-Partisan League; "Talking back to a white man["] and "Insulting a white man["]. The advertisement says that the lynchers go unpunished. So much talk of the Negro's raping on white womanhood and the Southern Americans excuse themselves for their lynching Negroes constitutes only 15 percent lynched of 3,436. [sic]

The lynching [of] the Negroes is not only justified, but it [is] lately increasing in number and in areas. Formerly the Negro lynchings were happened [sic] almost exclusively in the South where was the home of the Negroes; but now the lynching[s] occur everywhere in the coun-

---

⁷⁵ Так в тексте, здесь и далее закрывающие кавычки отсутствуют.

try. Lynching a Negro stands as reason some alleged crime now developed into massacre and terrible race riots as already given. This growing atrocity in a most barbarous fashion caused some uneasiness in the country just after the Tulsa massacre: The House of the Representatives passed an anti-lynching bill on January 26, 1922, but it was shelved [sic] in the Senate and remains there to this day! Meanwhile the lynching [of] Negroes are [sic] going on increasingly but no radical parties even the Communist Party either during the discussion of the bill in the House or afterward raised any voice on the matter, because it may hurt the feeling and consciousness of the Southern Comrades! The solid South is against the bill even as a woman representative from Oklahoma voted against the bill.

Thus the lynching flourishes throughout America. And the lynching is indiscriminately carried out just to show the white people's hatred against the Negro race to deter the rape, as only a pretext, that so vividly appeals to the morals of the Americans.

While the white Americans are so strict about the sex question in regard to the Negro, they themselves act indiscriminately and even immorally toward the Negro women. "No comely girl of this class (the cultured Negro class of the South) escapes solicitations from white men". Clement Wood of Alabama in the New York "Nation" speaking about his own state of Alabama. "One Negro father sent his daughter North to Columbia University to separate her from the attentions of a white admirer. The man followed [her] to New York. Such a woman, in the main, is sheltered; she is never safe. Advances come to her; there is little law to which she can appeal, if a white man invades her home. It is at the risk of his own blood that her husband dare even lay hands on a white man to protect her. Grandfathers have been lynched for protecting against mistreatment of their young colored granddaughters. This situation of the Negro husband, father, or brother, under these not infrequent occurrences, is a hideous dilemma: dishonor or death are the proffered choices. And there is always the threat of the black hour of a race riot, started by some isolated breath of white lust."⁷⁶

"In slavery, a state of concubinage between the master and comely slaves was permitted. The master was owner of the bodies of his slaves: can not a man do what he will with his own? — In slavery, it was to a large extent the better class of each class which intermingled." But now things have changed. "In many circles"[,] says the same writer, "the

---

⁷⁶ В тексте закрывающая кавычка отсутствует.

white man who has a colored mistress thereby has lost caste: the better class of Negroes no longer admit to the circle of their peers the Negress who is a white man's by-wife. And yet, the mixing continues. There are still the double families, in scattered locations. There is the occasional case where the white woman accepts a Negro lover. Among white boys of all classes there is much of this denial of the color line. The condition at the State University is not untypical. It is located in a small town, Tuscaloosa, with few slack white women; and the Negresses are 'easy.' More than a dozen of the writer's classmates and intimates at this institution have explained to him that their first direct sexual experience had some with one of the willing Negro girls: the prevalence of the relationship there was a byword." The words of Wood quoted above must be true as the census of the United States attest[s] that the number of mulattoes is increasing. Over thirty percent of the Negro population is mulatto.

The American whites want the Negroes down by depriving [them of] all the privileges and keeping them ignorant and low as the State of Alabama spend[s] \$17.35 on each white pupil while only \$0.90 for each colored pupil. But it is different in the North the Negro children get the same privileges as the white children and there are today nearly two million Negroes in the North and these Negroes are demanding the social, political and economic equality with the white Americans. And they have the right to demand what all the white Americans have socially, politically and economically at the least equal chances. Not only have they now right to demand those but they have shown their capacity as a race to get them at all cost. This is shown by growing resistance on the part of Negroes against the lynching that ends in the form of race riot.

The Negro problem was ably presented on [sic] the II Congress of Comintern by John Reed the American delegate. Unlike the coolest attitude displayed by the American delegates with the exception of the two Negro delegates toward the Negro problem, John Reed presented the problem with glowing light on the subject. Reed gives historic fact of the Negro awakening after the Spanish-American war in which the Negro soldiers showed exceptional bravery and good soldiership and since then the Negroes began to show the marked sign of awakening and even revolting attitude everywhere and the late world war made the Negro soldiers fight in the French front and proved themselves the best soldiers and enjoyed social equality with other soldiers and the French people and they were decorated for gallant[ry] by the French and Belgium [sic] government. Reed says in the speech at the II Congress that "the Negroes went back to their Southern villages

and were lynched because they dared to wear their uniforms and decorations in the streets.” And the Negro industrial workers in the North have shown too the Proletarian spirit and “revolted against speeding up, against the merciless driving to work, much quicker than the white workers, who have been used to the terrible exploitation for years. The Negroes went on strike with the white workers and rapidly became identified with the industrial proletariat. They proved extremely susceptible to revolutionary propaganda[,]” says Reed in the same speech... and continues to say: [“]Among the Negroes themselves a great racial consciousness arose. There was and is among the Negroes a section which advocates armed insurrection against the whites. Defense societies were organized everywhere by the returned Negro soldiers, for resistance [sic] to white lynchers.”

“Considered as an oppressed and subject people, the Negroes present a twofold problem: that of a strong racial and social movement, and that of a proletarian labor movement advancing very fast in class consciousness.” And he laid out “the policy of the American Communists toward the Negroes should be primarily to consider the Negroes as workers. The agrarian workers and the tenant farmers of the South present problems identical to those of the white agrarian proletariat, although the Negroes are extremely backward. Among the industrial workers of the North, Communist propaganda can be spread. In both sections of the country, among all the Negroes, every effort must be made to organize them in the labor unions with white workers, as the best and quickest means of breaking down race prejudice and developing class solidarity. But Communists must not stand aloof from the Negro movement for political and social equality, which in the present growth of racial consciousness enlists the Negro masses.” And He [sic] concludes the speech with these words: “The Communists must use this movement to point out the futility of bourgeois equality and the necessity of the social revolution, not only to free all the Negro workers from servitude, but also as the only means of freeing the Negroes as a subject people.”

The II Congress of C. I. has done much in the way of opening the path towards the Negro Congress. Comrade Lenin considered in his Theses of National and Colonial Questions the American Negro problem as the most important as the Irish question placing the American Negroes in the same category with the [sic] Ireland. And the Comintern “should support the revolutionary movement among the subject nations, for example, Ireland and the American Negroes etc.)” If the American Communist Party has followed faithfully the decisions of

the II Congress and live[d] up to the speech made so eloquently by its representative John Reed, instead of putting every obstruction on the work of the Comintern on the Negro problems there might have been a strong Negro revolutionary movement in America today!

As a result of the II Congress decision on the Negro question the Comintern appointed a Negro Bureau and ordered [it] to get up a Negro report with a purpose of holding a Negro Congress. The Negro Bureau had done a good work and... [got] up a report after it[s] thoroughgoing investigation. But then it was obstructed by the American Party one way or another. There were many chances for the American Party to get the Negro workers and peasants as well as the entire Negro population of America in concert with the revolutionary movement of the world proletariat. There were many Negro race notoriety [illegible] and the already mentioned anti-lynching bill to take up for the Party to attract the attention and sympathy of the Negro people of America. But nothing of the kind was done by the Party.

The present interest, however be it a lukewarm sort, given to the Negro problem[,] the Workers' Party is in fact compelled by a force of circumstance already mentioned — the increasing migration of Negroes from South to North with possible danger of worst effect on the workers of the North and greater race riots may be the result of this migration. The Workers Party should take up the Negro question whole-heartedly and seriously. There are many difficulties to overcome. The Southerners, even a Communist[,] will never hear of the social equality for the Negroes. To beat down this long practiced prejudice in the South against the Negroes will not be an easy task. But the Comintern demands [of] every section of the C. I. the decisions of the Congresses should be carried out in spite of difficulties and obstacles. The [illegible] supreme chance to do much for the Negro cause by taking up the anti-lynching bill. It is a burning question for America. It can not be continued forever.

Unless the lynching be stopped the conflicts between the whites and the Negroes will grow in number and extent of barbarity out of which the race riot will be the order of [the] day. The Negro workers will be used by the bourgeoisie to weaken the labor organizations of the whites. The Communist movemen[t] of America or South and North Africa will never succeed without [t]aking in their revolutionary movement the Negro workers and Negro [p]easants into their consideration. In America the Negro workers constitute a strong minority, considering Negro race as a whole proletarians: and heavy and dirty works are

mostly done by them. To organize and revolutionize them means a great deal for the cause of Communist movement. The American Negroes are racially awakened and they are racially compact are good soldiers who proved to be capable of defending their own interest. They have shown already by their many international congresses of the Negro race that they are also capable of organizing themselves internationally, as it is shown by the undertakings of Garvey and DuBois. Recently the representatives of six Negro civic organizations, the National Equal Rights League and Prof. Miller of the Howard University met together at New York at the preliminary conference to call for a united front of Negroes. The Conference issued a call for the united front of the Negroes, in which a sane spirit is shown, as attested by such lines as: "The race must be stimulated to utilize all available opportunities for constructive endeavor and must be brought into harmonious working relationship with the white race." The coming Conference of the Negroes for the united front among themselves will discuss such questions as: "Race prejudice, Legal discrimination; Economic exploitation; Racial self-respect; Religious awakening; Moral and social betterment; Co-operation within the race and between races; Political action; Industrial betterment and Political action such as [illegible]; Ku Klux Klan; Segregation; Dis[en]franchisement; unequal enforcement of law and Peonage"⁷⁷. Among those present at the Conference there were communists from the Negro organizations. And no doubt supported by the C. P. A.

The success of the coming Negro Conference to be held in Moscow at the time of the Fifth anniversary of the Comintern next March depends wholly on active and hearty support of the American Communists. We hope that they will [do so] without hesitation. The Comintern has done immense [sic] good in the past by holding the Baku Conference and the Far Eastern Toilers Conference: and the coming Negro Congress in Moscow will do great benefit toward the Negro race in its fight against the world wide exploitation and bring it together with other races under the red banner of the Comintern to hasten the world social revolution!

Iron Hill Sanatorium Bukharin, July 14, 1923

Sen Katayama

RGASPI. Collection 495. Inventory 155.

File 17. Folios 13–23

---

⁷⁷ Так в тексте, закрывающая кавычка отсутствует.

№ 2. СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА (ДОКЛАД) СЭН
КАТАЯМЫ ОТ 14 ИЮЛЯ 1923 г.

Товарищу Радеку⁷⁸

НЕГРИТЯНСКАЯ РАСА КАК ФАКТОР В ПРЕДСТОЯЩЕЙ
МИРОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ⁷⁹

Негры в мире насчитывают около 150 000 000, почти одну десятую всего населения мира. Из этого числа 120 миллионов на континентальной Африке и остальные в других странах, главной из которых являются Соединенные Штаты Америки, где находятся от 12 до 15 миллионов. Негры, что касается их контакта с цивилизацией, явно пролетариат и они представляют наиболее энергичную дешевую рабочую силу, которая становится все более и более конкурентной с белой рабочей силой, не как более дешевой в конкуренции, но⁸⁰ чтобы сорвать забастовку и постепенно заменить белую рабочую силу в индустрии. Негры представляют угрозу профсоюзам белых рабочих в нынешней капиталистической системе и все более и более эксплуатируются капиталистами мира.

ПРОБЛЕМЫ НЕГРОВ

Проблемы негров отличаются друг от друга в различных странах. Господствующим фактором проблем американских негров является расовый и социальный. Но в Южной Африке это дешевый труд. В Южно-Африканском Союзе расовая проблема или очень невеликая, или её нет вообще. Во французских африканских ко-

---

⁷⁸ Адресат написан от руки, в верхнем поле листа, по-английски. Скорее всего, фамилия Радека была написана после первого прочтения записки и выделения в ней некоторых позиций. К. Радек и Н. Бухарин, будучи членами ИККИ, являлись также членами Президиума ИККИ. Одновременно К. Радек был назначен зав. Восточным отделом (4 мая 1923), являлся отв. редактором журнала «Коммунистический Интернационал» (до ноября 1923), и был введен в состав постоянной нелегальной комиссии (с августа 1923) (Адибеков и др. Указ. соч. С. 66, 67, 72, 77, 81).

⁷⁹ Собственный заголовок документа.

⁸⁰ Далее два слова зачеркнуты автором.

лониях расовая проблема не существует вообще, во Франции это не дешевая рабочая сила, а дешевый солдат, которого используют для прекращения забастовки или для защиты интересов капиталистов от рабочих как в случае с французской оккупацией Рура.

До недавнего времени данные о негритянских проблемах игнорировались в тех странах, где негры являются частью населения. Весной прошлого года товарищ из Южной Африки⁸¹ сказал нам, что негритянская проблема не должна подниматься после того как закончится мировая революция и до тех пор мы в Коминтерне не должны беспокоиться о негритянском вопросе вообще. Американские представители были вообще против поднятия негритянской проблемы в Коминтерне⁸². Они хотели преуменьшить проблемы как можно больше, ставя препятствия на каждом шагу в обсуждении в негритянских комиссиях⁸³. На IV конгрессе Коминтерна они высказались против идеи негритянского конгресса, только согласились на проведение маленькой конференции, таким образом задвинув этот вопрос как можно дальше в будущее⁸⁴.

---

⁸¹ В феврале-марте 1922 г. («весной») проходил 1-й расширенный пленум ИККИ, после него С. Катаяма стал представлять в ИККИ Японию, а Д. А. Джонс — Южную Африку (*Адибеков Г. М.* и др. Указ. соч. С. 40). По мнению автора статьи (*W. M.*), это был Колиселе Тамба (*Kolliseleh Tamba*), член племени Коно из Сьерра-Леоне; в России он использовал имя «Джон Нельсон».

⁸² Представление об этом дает опубликованное письмо члена ИККИ И. Амтера Д. А. Джонсу от 10 мая 1922 г., имеющее заголовок «Негритянский вопрос. Дискуссия на заседании Англо-Саксонской группы» (Коминтерн и Африка. Документы. С. 75–79 (док. № 11)). См. также статью сотрудницы РГАСПИ *Тимофеевой М. А.* (см. примеч. 49).

⁸³ Так в тексте — множественное число. Впервые вопрос о создании самостоятельного «Комитета для изучения вопроса о чернокожих» был поднят Г. Зиновьевым на заседании ИККИ 25 января 1921 г. «Вопрос этот, — говорил он, — дважды обсуждался поверхностно, но эти обсуждения из-за отсутствия товарищей из Африки не привели к каким-либо заключениям». Как следует из примечания к опублик. документу, подобный комитет (комиссия) по негритянскому вопросу был создан в составе Т. Квелч, Я. Янсен, М. Рой и Е. Варга (Коминтерн и Африка. Документы. С. 57 (док. № 1)). Судя по составу членов она функционировала при Англо-Саксонской группе (секретариате). Однако Катаяма в записке от 22 мая 1923 г. ссылается на Негритянское бюро в составе Американского агентства. По данным Д. А. Жукова (*Дмитрий Жуков. Апартеид. История режима. М., 2007*), оба эти органа не были эффективными. В связи с этим в июне 1922 г., в соответствии с решениями 2-го расширенного пленума ИККИ, была организована новая Негритянская комиссия.

⁸⁴ Окончательное решение было принято Президиумом Коминтерна в ноябре 1923 г. — проводить в Нью-Йорке, с вероятной датой — 15 мая. (см. примеч. 50).

Но ситуация в Америке сильно изменилась за последнее время. Рабочая партия⁸⁵ вынуждена была поднять этот вопрос, хотя и без воодушевления, а именно, сделать для негров что-то, чтобы не задевать социальное сознание товарищей Юга. Таков был дух конвенции Рабочей партии, состоявшейся в Нью-Йорке. Это показывает, что негритянская проблема в Соединенных Штатах Америки становится серьезной. Недавний феномен, который вызвал беспокойство Рабочей партии, это — увеличивающаяся миграция негров с Юга в Северные индустриальные центры. Во время последней мировой войны южные негры мигрировали на Север в количестве 4–5 сотен тысяч, обеспечивая неквалифицированную рабочую силу, в то время как более 4 сотен тысяч негритянских солдат пересекли Атлантический океан, чтобы бороться за демократию и мир в мире с надеждой на улучшение и содействие неграм социально и политически. Но они были абсолютно разочарованы во всех этих обещаниях. По окончании мировой войны негритянские рабочие были безжалостно выброшены с фабрики, чтобы отдать ее белым рабочим или демобилизованным белым солдатам, так что многие были вынуждены вернуться на Юг на вре-

---

⁸⁵ В справочнике «Календарь коммуниста на 1925 год» (М., 1925), в разделе «Партии, входящие в Коминтерн» дана следующая справка на *Рабочую партию Америки (Workers Party)*: «В сентябре 1919 г. в Соединенных Штатах образовались две партии — коммунистическая партия Америки (КПА) и коммунистическая рабочая партия Америки (КРПА). В последней были сильны синдикалистские тенденции. В 1920 г. в КПА произошел раскол, и часть членов КПА объединилась с КРПА в «объединенную коммунистическую партию» (ОКПА). В 1921 г. по настоянию Коминтерна КПА и ОКПА объединились и создали единую коммунистическую партию Америки. После объединения в ЦК партии был возбужден вопрос о необходимости создания легальной партии. После долгих споров такая партия была организована под названием *Workers Party* (Рабочая партия). Легальная деятельность коммунистической партии росла и расширялась. В апреле 1923 г. состоялся съезд коммунистической партии, который решил ликвидировать подпольную организацию и передать все ее функции *Workers Party*. Всю свою энергию новая партия направила на объединение разнообразных рабочих организаций в одну партию по образцу рабочей партии Англии и на работу в профсоюзах, для чего образована Профсоюзная Лига Просвещения. В 1924 г. *Workers Party* организовала «рабоче-фермерскую партию» и стремилась к созданию единого фронта с прогрессивной частью буржуазной Республиканской партии. Этот правый уклон был осужден Исполкомом Коминтерна. По неопытности вожди партии ложно истолковали единый фронт, под которым всегда подразумевался лишь единый пролетарский фронт, но ни в коем случае не единый фронт с буржуазной партией. ЦК партии понял свою ошибку и выступил против прогрессивной части республиканской партии» (дано в сокращении).

мя. Но в период 1910–1920 годов более 335 000 негров оставались на Севере, таким образом во время последней переписи было 1 750 000 негров на Севере. Эта цифра увеличивается с 1922 г. из-за роста миграции негров с Юга на Север. Это началось с восстановлением индустриального процветания в стране.

В то время миграция негров с Юга на Север была вызвана: 1) возрождением индустрии, 2) ограничением миграции из Европы и общей агрессивной позицией капиталистического класса уменьшить зарплату белого рабочего класса в соответствии с дешевой негритянской рабочей силой как эффективное оружие и постепенно уничтожить союзы. До сих пор негритянская рабочая сила часто использовалась как штрейкбрейхерство при подавлении забастовки белых рабочих, но это не чувствовалось белыми рабочими в прошлом, как сегодня, так как подавление стало более сильным и лучше организованным. И таким образом это те же причины, по которым негритянские проблемы обсуждались в прессе Рабочей партии, и я рад, что нынешняя американская делегация в расширенной исполнительной конференции⁸⁶ смогла поддержать идею негритянской конференции.

Если бы негритянские проблемы в Америке были связаны только с дешевой рабочей силой, конкурирующей с белой рабочей силой, их было бы легко решить. Но проблемы американских негров в основном расовые и, следовательно, социальные, политические, а также экономические, становятся более сложными. И негритянские проблемы в Америке, в их расовом аспекте слишком велики и серьезны, так что американцы просто закрыли свои глаза и боялись этим заниматься. Но сейчас, по крайней мере, передовые рабочие не могут игнорировать негров как дешевую рабочую силу и возможное штрейкбрейхерство в забастовках, и должны этим соответственно заниматься. И здесь возникает почва для объединенного фронта белой и черной рабочей силы в Америке, по крайней мере, со стороны белых рабочих. Но проблема в том, что негритянская проблема в Америке не может рассматриваться только как экономическая. Нужно рассматривать негритянского штрейкбрехера феноменом расовым и обращаться в соответствии. Все конфликты между белыми и черными интерпретируются белым населением в рамках расовых предрассудков и расовой ненависти. Таким образом, трудовой конфликт двух рас заканчивается обычно расовым бунтом как это

---

⁸⁶ Видимо, речь идет о расширенном пленуме ИККИ.

было на востоке в Сент-Луисском бунте⁸⁷ во время последней мировой войны. Бунты в Чикаго⁸⁸, Вашингтоне⁸⁹ и более недавно в Окла-

---

⁸⁷ «Сент-Луисский бунт» — речь идет о событиях в г. Сент-Луис (St. Louis) штат Миссури, о которых в документе сказано, что этот бунт «носил экономический характер» и «касался промышленных рабочих». В конце мая 1917 г. белые рабочие в Сент-Луисе вышли на забастовку с требованиями прекратить наём афроамериканцев. Произошли первые столкновения, но властям удалось их погасить. Однако в начале июля беспорядки вспыхнули с новой силой. Когда же темнокожие застрелили двух полицейских, начались массовые расправы и суды Линча над афроамериканцами. Полиция либо оставалась безучастной к происходившему, либо открыто поддерживала белых. В результате беспорядков до 200 темнокожих были убиты, около 6 тыс. изгнаны из своих домов. К различным срокам тюремного заключения были приговорены как белые, так и темнокожие участники погромов. Президент США Вудро Вильсон, изначально избегая широкой огласки событиям, в конце концов был вынужден подписать 26 июля 1918 г. обращение к народу, в котором призвал американцев отказаться от практики линчевания. Он назвал суды Линча покушением на закон и порядок, позорящим доброе имя Америки.

⁸⁸ «Бунт негров в Чикаго» — речь идет о массовых беспорядках в Чикаго 1919 г., возникших на почве межрасового конфликта и продолжавшихся с 27 июля по 3 августа. Причиной бунта стали события в связи с утонувшим (27 июля) негритянским подростком. Юджин Уильямс, купавшийся в озере Мичиган, нарушил вообразимую границу, разделявшую в воде «белый» и «черный» пляжи. Группа белых подростков забросала его камнями и он утонул. Белый полицейский, к которому обратился свидетель-чернокожий, отказался арестовать убийцу и арестовал самого свидетеля. Действия полицейского вызвали возмущения у чернокожих жителей, однако на них напала собравшаяся толпа белых. Беспорядки распространились по всему городу и длились почти неделю (погромы, поджоги домов, избивание и убийства чернокожих). Только прибытие трех полков милиции, посланных губернатором штата, позволило остановить открытую войну и навести порядок. 38 чел., в том числе 23 черных, были убиты, 537 (342 черных) ранены, более 500 арестованы. Более тысячи черных потеряли свои жилища из-за пожаров. (Цифры взяты из статьи: Э. Л. Нитобург. США: цветной барьер в прошлом и настоящем // Новая и новейшая история. 1997. № 2).

⁸⁹ «Бунт негров в Вашингтоне» — речь идет о событиях лета 1919 г. в столице Америки, о которых в документе сказано, что этот бунт «касался правительственных работников». Причиной стали события в связи с попыткой изнасилования жены офицера военно-морского флота США. В тот момент в Вашингтоне находились сотни солдат и офицеров — ветеранов недавно закончившейся Первой мировой войны, большинство из которых были безработными. Подозреваемый в попытке изнасилования белой женщины чернокожий житель Вашингтона был отпущен столичной полицией из-за недостатка доказательств. После того, как об инциденте написали газеты, ветераны ночью 19 июля начали погром, двигаясь из центра в сторону юго-восточной части города, где, в основном, проживали черные. На второй день, 20 июля, случаи избивания были уже в центре столицы США, в том числе, непосредственно перед Белым Домом. Черное население, поняв, что полиция и власти не в состоянии обеспечить их безопасность, начало скупать оружие для самообороны (более 500 единиц

хоме⁹⁰ были расовые, когда сопротивление негров становится сильнее, бунт становится больше и размер негритянского избиения вооруженными белыми становится все больше. Я приведу Вам один пример:

Я воспроизведу часть моей статьи, опубликованной в «Рабочем» — органе Красного Рабочего Союза Интернационала⁹¹, Мексико-сити в июле 1921 г.:

«В июне (1-го) 1921 г. произошел страшный и наиболее варварский бунт в Талсе (Tulsa), Оклахома, США. Бунт длился 24 часа⁹². Вот некоторые факты из прессы:

оружия было продано за один день). 21 июля толпы вооруженных белых и черных жителей столкнулись и началась беспорядочная стрельба. Осознав, что ситуация выходит из под контроля, президент США Вудро Вильсон ввел в Вашингтон 2 тыс. солдат для наведения порядка.

⁹⁰ «Бунт негров в Оклахоме» — речь идет о событиях в г. Талсе (Tulsa), штат Оклахома (31 мая — 1 июня 1921 г.), известных также как «резня в Талсе», «погром в Талсе», подробно описанных Катаемой далее.

⁹¹ Видимо, речь идет о Красном Интернационале профсоюзов (Профинтерне).

⁹² События в Талсе считаются одним из крупнейших случаев расового насилия в истории США, когда были разрушены более 35 кварталов Гринвуда (самого богатого в то время негритянского района в США). В больницы попало более 800 чел. и более 6 000 черных были арестованы. Бюро статистики Оклахомы официально зафиксировало 36 погибших. Беспорядки начались в День поминовения. Поводом стало обвинение 19-летнего чернокожего чистильщика обуви Дика Роуланда (Dick Rowland) в нападении на 17-летнюю белую лифтершу Сару Пейдж (Sarah Page). Группа вооруженных негров предприняло попытку освободить взятого под стражу Роуланда, но столкнулась с группой вооруженных белых. Началась перестрелка, в которой погибло 12 чел. (10 — белых и 2 — негров). Как только эта новость распространилась по городу, начался погром черных кварталов; тысячи белых громили, сжигали и грабили магазины и дома, поджигали школы, церкви, библиотеки и кинотеатры, сравнивая с землей целые городские кварталы. Около 10 тыс. негров потеряли дома и имущество. Ущерб исчислялся в миллионах долларов.

На протяжении десятилетий на эти события было положено табу — ни в прессе, ни в учебных программах они не упоминались. Только в 1971 г., почти через 50 лет, была опубликована статья о беспорядках в Талсе с целью привлечь внимание страны к забытой и позорной для американцев истории. А 25 ноября 2018 г. BBC News опубликовала статью о последней свидетельнице этих беспорядков — Оливии Хукер (Olivia Hooker: 1921 Tulsa race riot survivor dies aged 103: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-4633247>). В мае 1921 г. Оливии было 6 лет, а в ноябре 2018 г. — 103 года. Ее отец владел магазином одежды в районе Гринвуда (г. Талса). Когда группа белых мужчин с зажжёнными факелами вошла в дом и начала громить всё, то мать спрятала детей (Оливию и её трех братьев и сестер) под столом в обеденной комнате, спасая их. В 1945 г. Оливия Хукер стала первой афроамериканской женщи-

Нью-Йорк Таймс: “Дик Ролланд⁹³, негр, был арестован вчера вечером (31 мая), по обвинению в нападении на сироту девочку. Его забрали в здание суда и поместили в тюрьму на верхнем этаже. По-видимому, слухи о попытке линча распространились, так как в 7 часов машины с вооруженными неграми появились на главных улицах, направляясь к зданию суда, и вскоре 200 негров окружили здание суда[”].

“Вслед за тем вооруженные белые люди также начали собираться в этом районе. Вскоре улицы были полны кричащими и жестикулирующими людьми. Вдруг началась атака на магазины со спортивными товарами и хозяйственными товарами, куда ворвалась толпа и вооружилась орудиями, которые могли найти”. Талса, Оклахома, 1 июня.

Тоже самое писала *Нью-Йорк Таймс* на следующий день:

“Из более 15 000 негритянских жителей 3 000 покинули город, оставшиеся 12 000 полностью зависели от нужды в жизни по освобождению. ---⁹⁴ Генерал Баррет⁹⁵ в своем обращении к массовому собранию граждан сказал: “На протяжении всего моего опыта я никогда не видел таких сцен в этом городе, когда я прибыл в разгар бунта 25 000 белых⁹⁶, вооруженных до зубов бродили по городу, в полнейшем и беспринципном неповиновении всякой концепции закона и справедливости. Автомобили с оружием проносились по городу, из них оккупанты стреляли по своему усмотрению “[”]. “Один сенсационный слух сегодня ночью о том, что шериф, обеспокоенный возможностью линча, позвонил негритянским лидерам и [сказал]: “Приезжайте сюда и защитите своих людей”. Это относилось к сборищу негров перед зданием суда, где молодой негр Дик Ролланд содержался по обвинению в нападении на сироту девочку.[”]

“Через два часа ситуация была бесконтрольной для полиции — неспособная контролировать ситуацию и боясь, что разъяренные не-

---

ной, которая служила в береговой охране США. Она также имела докторскую степень по психологии и помогла сформировать в 1997 г. комиссию по расследованию расовой расправы в Талсе, чтобы расследовать резню и добиться репарации: zen.yandex.ru/media/secretfiles/poslednii-vyivshii-svidetel-rasovoi-boini-v-talse-1921-goda.

⁹³ Фамилия указана с ошибками, правильно — Дик Роуланд (Dick Rowland).

⁹⁴ Проверк напечатан в документе.

⁹⁵ Баррет, Чарльз Франклин — генерал-адъютант Оклахомы, отвечал за подавление резни («расовый бунт») чернокожих в Талсе.

⁹⁶ Цифры в англоязычном тексте напечатаны словами.

гры разрушат город, полиция оказала не явную поддержку формированию белых банд. Если они⁹⁷ не поддерживали, они, по крайней мере, смогли остановить захват спортивных и хозяйственных магазинов белыми, куда толпа рванулась за оружием и припасами”. *Нью-Йорк Таймс* еще сообщает: “Генерал Баррет сказал, то что он смог сделать с 100 одетыми в форму людьми, шериф не смог бы сделать так легко. Бывший мэр И. Ф. Мартин сказал, что большая часть ущерба (подсчитано в 1 500 000 дол.) была нанесена белыми криминалами, которых нужно было бы застрелить или убить”. И снова *Нью-Йорк Таймс* цитирует то, что сказал пожарник города по поводу горящих негритянских домов: “Мы не можем использовать оборудование, которое у нас есть, и поэтому мы не просили помощь из других городов. Это⁹⁸ стоило бы жизни пожарнику, если бы он направил поток воды на одно из этих негритянских строений. Они стреляли в нас все утро, когда мы пытались что-то сделать. Нет никакого шанса в мире проникнуть через толпу в негритянский район”.

Нью-Йорк Coll (газета)⁹⁹ пишет: “Выдающейся чертой этой борьбы было то, что вооруженные белые окружили негритянский район кольцом постоянно двигающихся автомобилей[”]. “Террор населения усилился вскоре после полудня с бушеванием факелов. Дом за домом в негритянском районе был сожжен до тла”.

Нью-Йорк Coll красноречиво комментирует расправу над неграми в Талсе: “Даже погромы евреев в царской России не входят в сравнение с чудовищной жестокостью, проявленной в Талсе против ее негритянского населения. Это сопровождалось современными приемами ведения войны. Окружение негритянских кварталов людьми в автомобилях, вооруженных винтовками; самолеты, планирующие над осажденными мужчинами, женщинами и детьми; расстреливание каждого негра, попавшего в прицел, и предавание негритянской части города огню — вот сцена страсти убийства, превазшедшая что-либо, происходившее в Соединенных Штатах”[»].

Жестокое варварство расового бунта в Америке против негров, описанное выше двумя газетами не нуждается в комментариях.

---

⁹⁷ Речь идет о полицейских.

⁹⁸ Имеются ввиду перечисленные возможные действия.

⁹⁹ *New York Coll* («Нью-Йоркский призыв») — ежедневная газета, орган Социалистической партии Америки, выходила в Нью-Йорке 1909 по 1923 гг. (С. Катаяма. Воспоминания.. С. 703, примечания).

Расправа над неграми в Талсе была самой большой в основательности ее осуществления и выполнения, убив несколько сотен невинных негров вооруженными атаками, разрушив целые негритянские кварталы, оставив 15.000 негров бездомными! Но моя цель не писать историю негритянских бунтов в Америке. Моя цель показать, что негры способны бороться против агрессоров, что показали недавние примеры в Чикаго, в восточной части Сент-Луиса и Вашингтоне. Чикагский бунт был простой расовый бунт белых против негров, который продолжался несколько дней, несколько тысяч на обеих сторонах, но он начался с незначительного повода. Негритянский мальчик утонул и его отнесло течением в место, где плавали белые люди. Один негр хотел спасти мальчика и прыгнул в запрещенное для негров место, и присутствующие там белые возмутились и пытались утопить этого негра, который хотел спасти плавающее тело мальчика. Это бесчеловечное и аморальное поведение белых ожесточило негров Чикаго и вызвало жестокую расовую войну между белыми и черными. Сопротивление негров было таким сильным, что были вызваны федеральные войска для подавления бунта, конечно в пользу белых. Бунты в восточной части Сент-Луиса и Вашингтона носили экономический характер, но воспринимались белыми как расовые и закончились подавлением негритянского сопротивления в обоих случаях. Единственная разница была в том, что первый — касался промышленных рабочих, последний — правительственных работников. Во всех случаях расовых бунтов негры показали все более борцовый дух и сильное сопротивление. Таким образом, расовый бунт становился все более страшным и охватывал более широкие пространства. Был страх, что нынешняя увеличивающаяся миграция негров с Юга на Север снова закончится расовыми бунтами во время и сразу после войны.

Таким образом, индустриальные рабочие Севера сознавали негритянские проблемы и особенно Рабочая партия пыталась уклониться от проблемы равнодушным отношением. Но вопрос американского негра не может быть решен только на экономической основе. Это только средство подхода к проблеме. На этой основе только белые вынуждены заняться негритянской проблемой. И возможно это был лучший и самый удобный способ подхода к вопросу. Но проблемы американского негра гораздо более сложные, как я уже сказал. Они как все расовые переплетаются друг с другом — социальные, политические и экономические.

Ну и как проблемы американских негров выглядят с негритянской стороны? Американский негр требует среди прочего, прежде всего, признания его социального равенства, и политического и экономического равенства. Социальное равенство, конечно, означает расовое равенство. По Американской Конституции негр является полноправным гражданином и должен иметь все права, которыми пользуются белые граждане Америки. Но в действительности, за небольшим исключением в Северных штатах, где он имеет гражданское право в выборах и обслуживании, негр лишен прав, но даже в этих штатах к нему относятся, как к низшему, в социальных сферах. В то время как на Юге, где проживают негры в нескольких штатах Юга и составляют абсолютное большинство, негр, абсолютный изгнанник, не имеет никакой защиты. На Юге негр не имеет никакого социального, экономического и политического равенства. Он зависит от закона «Джима Кроуд»¹⁰⁰ везде, его положение хуже раба 19 века. Он — батрак и эксплуатируется белым хозяином более жестоко, чем рабы.

Негр на Юге полностью лишен гражданских прав, изолирован и отделен в городе, и не может пользоваться той же дверью «входа» и есть в той же столовой для белых. В действительности белые Юга хотят держать негров в невежестве и настоящем рабстве. Повсюду и всяким способом негры отделены от белых и к ним относятся как к низшим. Как работник, негр — батрак, белый хозяин может застрелить его безпрепятственно и негры подвергаются самым жестоким формам наказания, независимо от того совершил ли он или нет преступление — Линч¹⁰¹. Товарищ Клод

---

¹⁰⁰ Законы Джима Кроу (англ. — Jim Crow laws), в тексте ошибочно напечатано «Jim Crowed» — неофициальное широко распространённое название законов о расовой сегрегации в некоторых штатах США в период 1890–1964 гг. После Гражданской войны в США, освободившей негров от рабства, были внесены поправки в законодательство по обеспечению прав чернокожего населения (13, 14, 15 поправки к Конституции, Закон «О гражданских правах» 1866 г. и 1875 г.) В ответ демократы южных штатов приняли местные законы, серьёзно ограничившие в правах чернокожее меньшинство. Эти законы стали известны как «Законы Джима Кроу», названные по имени комического персонажа. Впервые имя Кроу появилось в песенке «Прыгай, Джим Кроу», спетой в 1865 г. Томасом Райсом (Thomas D. Rice); это имя стало нарицательным для обозначения бедно одетого неграмотного негра.

¹⁰¹ О возникновении в США судов Линча до сих пор нет единого мнения у учёных. Одни связывают это явление с именем капитана Уильяма Линча, который ввёл внесудебные телесные наказания в Пенсильвании в конце XVIII века, другие — с личностью судьи Чарльза Линча, практиковавшего упрощённое право-

Маккей дает свой анализ линчевания негров, в своей интересной книге, опубликованной Государственным издательством в Москве¹⁰². Товарищ Маккей был одним из двух негритянских представителей на IV конгрессе Коминтерна. Он говорит:

«Интеллектуальные умы озадачены неприличным сексуальным сознанием американской нации. Это загадка для думающих американцев. Когда белого бьют по ложному обвинению, которые он выставляет против равноправия негров, он грубо набрасывает на опонента с криком: “Ты разрешишь своей сестре или дочери выйти замуж за негра?”

И так в течении шести десятилетий с момента эмансипации экономические неравенства негров умело прятались американской буржуазией, фабрикуя искусственную сексуальную/расовую войну между белыми и черными. Чтобы не произошло, социальная ли дискриминация, линчевание или промышленная эксплуатация, фетиш секса использовался как дымовая завеса скрыть реальность. “Белая женщина должна быть защищена от изнасилования черными” — вот американский лозунг! “Не смешивать гены!” И все же около 30% негритянского населения мулаты. ----¹⁰³

Против всяких попыток образовать и улучшить статус эмансипированных рабов были выдвинуты лозунги: “Страх господства” и “Защита белых женщин от изнасилования черными”. Никто не знал лучше, чем южные олигархи всю ложность этих утверждений, но это утверждение властями полагалось на широкое распространение такой опасной лжи. Факт то, что южный пролетариат жил в абсолютном незнании сексуальной жизни негров. У них

судие в годы Войны за независимость США. Первоначально линчевание было процедурой, проводившейся гражданским судьей. Такие процессы не были расистскими, они служили жёсткой мерой по наведению порядка в обществе, в котором на тот момент царил анархия. После Гражданской войны 1861–1865 гг. суды Линча применяли к бывшим рабам, которые получив свободу, остались без средств к существованию и образовывали криминальные группы. Количество публичных избиений темнокожих и судов Линча над ними резко выросло на фоне социально-экономических трудностей, связанных с участием США в Первой мировой войне. 26 июля 1918 г. президент США Т. В. Вильсон обратился к соотечественникам с призывом прекратить массовое линчевание афроамериканцев. Однако суды Линча в США продолжались, их количество резко сократилось только после Второй мировой войны. Последним судом Линча эксперты считают убийство членами Ку-Клукс-Клана темнокожего баскетболиста Майкла Дональда в Алабаме в 1981 г.

¹⁰² Речь идет о книге Клода Маккея «Негры в Америке» (М.; А., 1923).

¹⁰³ Проверк в документе.

развились похотливое неврастеническое любопытство относительно обнаженных тел и половых органов негров. И такое насаждение неестественного разделения между обоими расами господствующим классом, теперь дает свои плоды в линчевании — варварство, никогда не существовавшее в худшие времена рабства. Рабовладельческий класс не позволил бы линч во времена рабовладения, это означало бы разрушение ценного имущества. Но, когда освобождение негров поставило господствующий класс в зависимость от бедных белых в достижение власти и политической поддержки, они позволили линч негров, чтобы прикрыть экономическую гнилость Юга.

Американские негры периодически подвергались линчу за любое преступление или отсутствие его, и причиной в основном было “изнасилование белой женщины”. Но негритянских женщин также линчевали, например, сжигали на колу. В недавнем случае женщина была беременна, и ее ребенок родился, когда она висела на дереве. Белый человек раздробил голову ребенка сапогом, когда тот лежал, дрожа на земле. Когда происходит линчевание, вся деревня или город, участвуют в этом. Зрители приезжают из деревень или соседних городов на поездах или машинах. Женщины, маленькие девочки и мальчики соревнуются с мужчинами в пытках над жертвами, используя раскаленные кочерги. Мужчин кастрируют и половые органы, пальцы рук и ног, волосы и другие части тел жертв триумфально уносят, как сувениры, белыми мужчинами, женщинами и детьми.

И северные штаты также полностью разделяют удовольствие от исключительно американского национального спорта с южанами. В действительности вся белая американская нация странным образом охвачена негритянским неврозом. Об этом факте сообщают все важные газеты Севера. Негр — новость. «*The New York World*», «*The New York Times*», «*The New York American*», «*The New York Tribune*», «*The New York Sun*» и все вечерние газеты идут в ногу с большими газетами Бостона, Филадельфии, Питтсбурга, Чикаго, Сент-Луиса, Канзас-сити, Денвера и Сан-Франциско. Новости о негритянских преступлениях (в отличии от других лиц, чьи национальности не даются), чтобы не пугать читателя криками писем на первой странице, и все подробности страшного линча опубликованы в большом объеме. И большая часть образованного пролетариата Севера пожирает новости в поездке на работу в метро и трамваях.»

Товарищ Маккей — негритянский поэт с международной репутацией, и произвел очень хорошее впечатление на товарищей IV конгресса и на тех, кто с ним встречался. И его чрезвычайно здравая и полная смысла книга поможет делу негритянской расы продвинуться. Он обращается с материалом с коммунистической точки зрения:

Линч над неграми представляет наиболее страшное преступление американской цивилизации и преобладающий повод и объяснение это негритянское насилдование белых женщин. Уильям Гриффит сделал известный трогательный фильм «Члены клана или рождение нации»¹⁰⁴, который оправдывает членство в Ку Клус Клане и живо показывает изнасилование, что несомненно ведет к возрождению в настоящее время Ку Клус Клана в Америке. Крепкий Юг все еще поддерживает варварский институт линчевания как необходимое бедствие и лучшее средство сдерживать изнасилование белых женщин неграми. Но это абсолютно фальшивый способ оправдать линч, так как факты ясно показывают, что линчевание не что иное, как расовая ненависть и расовые предрассудки, выраженные совершенно открыто. «The New York Times» от 23 ноября 1922 г. публикует полную страницу — газетную полосу, об американских линчах, в основном негров. Материал публикуется под заголовком «Позор Америки». В соответствии с этим за 4 года, 1918–1922, 28 человек были публично сожжены толпой американцев. За период 1889–1922, 3 436 человек подверг-

---

¹⁰⁴ Речь идет о фильме «Birth of the Nation; Or The Clansman» («Рождение нации или Человек клана»), режиссер Дэвид Уорк Гриффит (David W. Griffith), имя режиссера указано в документе ошибочно. Фильм был снят в 1915 г. по пьесе Томаса Диксона (Thomas Dixon Jr.) «Тайное общество: исторический роман о Ку-Клукс-Клане». Хотя режиссер оставался амбивалентным к политическому контексту фильма, споры о этической стороне фильма продолжают до сих пор. За все это время ни разу не подвергалась критике ни техническая сторона фильма, ни игра актеров, при том, что фильм — немой, трехчасовая драма в полной тишине, ни одного диалога в кадре. Первая часть рассказывает о жизни рабов в Америке до Гражданской войны на примере двух семей. Вторая часть повествует о времени после Гражданской войны, когда было в расцвете движение Ку-Клукс-Клана, члены которого представляются настоящими героями, из чего следует только один вывод: лишь Ку-Клукс-Клан позволит сохранить единство нации. Однако фильм знаменит не только сюжетом, но и новизной киноязыка (хронометраж, композиции, образы, стоп-кадры, крупные планы, параллельный монтаж, нарезка кадров, комбинированные съемки). Также впервые в истории кино для фильма специально была написана музыка: www.kinopoisk.ru/film/1221.

лись линчу. Там же называются причины линча и возможных преступлений: 571 — изнасилование, 1288 — убийство, 615 — преступления против людей, преступления против имущества — 333, разное — 453 и отсутствие преступления — 176, среди них 83 — женщины. Почему некоторые жертвы погибли в толпе? Ответ — «Не сошли с дороги, по которой ехал автомобиль с белым парнем», «Родственник негра, которого линчевали», «Нарушил трудовой контракт», «Был членом непартийной Лиги», «Грубо ответил белому человеку», «Оскорбление белого человека». Газета сообщает, те, кто проводили линчи, не были наказаны. Так много говорилось об изнасиловании белых женщин неграми и американцы Юга оправдывают себя в линчевании негров, составляющем только 15% от 3436.

Линч над неграми не только оправдан, но за последнее время увеличился не только в количестве, но и в числе районов. Обычно линч негров почти исключительно происходил на Юге, где было большинство проживающих негров, но теперь линчевание происходило по всей стране. Линч — стал причиной того, что теперь некоторые преступления превратились в резню и страшные расовые бунты. Эта возрастающая жестокость в самом варварском проявлении вызвала некоторое беспокойство в стране сразу после расправы в Талсе: Палата представителей приняла проект закона, запрещающий линч, 26 января 1922 [г.], но его положили на полку в Сенате и там он лежит по сегодняшний день! И тем временем линч над неграми увеличивается, но никакая радикальная партия, даже коммунистическая, ни во время обсуждения проекта закона в Палате, ни после этого не высказалась по этому вопросу, так как это могло затронуть чувства и сознание «южных» товарищей. Крепкий Юг выступает против проекта закона, даже женщина, представитель Оклахомы, проголосовала против этого проекта закона.

Таким образом, линчевание процветало в Америке. И линчевание проводится в беспорядке, чтобы только показать ненависть белого населения, против негритянской расы и предотвратить изнасилование, как предлог, который ярко импонировал умам американцев.

В то время как белые американцы проявляют такую строгость по вопросу секса к неграм, сами они без разбора, даже аморально, ведут себя к негритянским женщинам. «Ни одна девушка этого класса (культурный негритянский класс Юга) не могла избежать

приставания белого мужчины[>]], пишет Климент Вуд из Алабамы в *The New York "National"* о своем штате Алабама. «Один негритянский отец отправил свою дочь на Север в Колумбийский университет¹⁰⁵, чтобы избавить ее от внимания белого поклонника. Тот преследовал ее в Нью-Йорк. В основном такая женщина не защищена и она никогда не в безопасности. Преследование идет за ней; и почти нет закона, к которому она бы апеллировала, если белый человек вторгнется в ее дом. Под риском кровопролития ее муж [не] осмелится даже дотронуться до белого человека, чтобы защитить ее. Дедушки были подвергнуты линчу за защиту своих внуков. Положение негритянских мужей, отцов и братьев в этих часто случающихся обстоятельствах — страшная дилемма: бесчестие или смерть — предлагаемый выбор. И всегда есть угроза темного часа расового бунта, спровоцированного проявлением вождения белого человека[>]].

«В рабстве положение наложничества между хозяином и милосердными рабами было разрешено. Хозяин был владельцем тел своих рабов: не мог человек делать то, что он хочет делать со своим собственным имуществом ----¹⁰⁶. В рабстве в большой степени лучшая часть каждого класса смешивалась друг с другом». Но ничего не изменилось. «Во многих кругах — пишет тот же автор — белый человек, у которого была цветная любовница, терял свою кастовость; лучший класс негров уже не принимается в круг своих, если негритянка стала сожительствовать с белым. И все же смешение продолжается. И все еще существуют двойные семьи, разбросанные по разным районам. Гораздо реже случается, когда белая женщина принимает негритянского любовника. Среди белых мальчиков всех классов существует отрицание факта цвета. Условия в штатном университете¹⁰⁷ такое же. Он расположен в маленьком городе Таскалуза (Tuscaloosa), где всего несколько белых женщин легкого поведения, а негритянки легко «доступны». Более дюжины одноклассников и университетских друзей объясняли ему [автору], что их первый прямой сексуальный опыт был с одной из желающих негритянских девушек; распространение этих отношений было общеизвестно». Слова Вуда должны быть правдивы, так как перепись в Соединенных Штатах показывает, что

---

¹⁰⁵ Ведущий университет США, находится в Нью-Йорке.

¹⁰⁶ Прочерк в документе.

¹⁰⁷ Имеется ввиду университет штата, который финансируется из бюджета штата.

число мулатов увеличивается. Более 30% негритянского населения — мулаты.

Американские белые хотят принизить негров путем лишения привелегий и держать их невежественными и низкими, так штат Алабама тратит 17,35\$ на каждого белого ученика, и только 0,90\$ на каждого цветного. Но иначе обстоит положение на Севере — негритянские дети получают те же привилегии, что и белые дети, и сегодня на Севере почти 2 миллиона негров, и эти негры требуют социального, политического и экономического равенства с белыми американцами. И у них есть право требовать того, что имеют белые американцы в социальном, политическом и экономическом отношениях, по крайней мере, в равной степени. Не только у них есть право требовать, но они проявили свою способность как раса получить все это любыми средствами. Это видно из растущего сопротивления негров против линча, которое кончается расовым бунтом.

Негритянская проблема была хорошо представлена на II конгрессе Коминтерна Джоном Ридом, американским делегатом. В отличие от очень спокойного отношения к негритянской проблеме, выраженного американскими делегатами, за исключением двух негритянских делегатов, Джон Рид представлял проблему очень ярко. Рид дает исторический факт¹⁰⁸ негритянского пробуждения после Испано-Американской войны¹⁰⁹, в которой негритянские солдаты проявили исключительную храбрость и солдатское единство, и с тех пор негры начали проявлять неприкрытые знаки пробуждения и даже мятежное отношение повсюду, и в последней мировой войне негритянские солдаты воевали на французском фронте, и проявили себя лучшими солдатами и получали социальное равенство с другими солдатами и французами, и были награждены за отвагу французским и бельгийским правительствами. Рид в своей речи на II конгрессе говорит, что «негры вернулись в свои южные деревни и их линчевали, так как они осмелились носить военную форму и награды на улицах». И негритянские промышленные рабочие на Севере тоже проявили пролетарский дух и «встали против гонки в работе, против беспощадной гонки в работе,

---

¹⁰⁸ Так в тексте, видимо, имеется в виду — обзор исторических фактов.

¹⁰⁹ Речь идет о военном конфликте между Испанией и США в 1898 г., когда последние поддержали массовое антииспанское восстание на Кубе, что привело к началу военных действий в Вест-Индии (апрель 1898). По заключенному в декабре 1898 г. договору Испания отказалась от прав на Кубу и уступила США Пуэрто-Рико, Филиппины и Гуам, входившие в состав Королевства с 16 века.

более жестокой, чем для белых рабочих, уже подверженных жестокой эксплуатацией в течении долгого времени. Негры вышли на забастовку с белыми рабочими и вскоре примкнули к индустриальному пролетариату. Они доказали чрезвычайную подверженность революционной пропаганде», — говорит Рид в той же речи, и продолжает: «Среди самих негров поднялось сильное расовое самосознание. Была и сейчас есть среди негров секция, которая призвала к вооруженному восстанию против белых. Оборонные общества были организованы повсюду вернувшимися негритянскими солдатами для сопротивления Линча [со стороны] белых».

«Как угнетенные и подвластные люди, негры представляют двойную проблему: сильное расовое и социальное движение, и пролетарское рабочее движение,двигающееся быстро в классовом самосознании». И он изложил политику «американских коммунистов к неграм, которая должна считать их рабочими. Аграрные рабочие и наемщики-фермеры Юга представляют проблему, идентичную [проблеме] белого аграрного пролетариата, хотя негры отстают экстремально. Среди индустриальных рабочих Севера коммунистическая пропаганда может быть распространена. В обеих частях страны среди негров нужно сделать все, чтобы создать рабочие союзы с белыми рабочими, как самое быстрое средство организовать их в рабочие союзы с белыми рабочими, и как самое быстрое средство преодолеть расовый предрассудок и добиться классовой солидарности. Но коммунисты не должны стоять в стороне от негритянского движения за социальное и политическое равенство, которое в настоящее время произрастает из расового самосознания и охватывает негритянские массы». И он заканчивает свою речь следующими словами: «Коммунисты должны использовать это движение и указать на бесполезность буржуазного равенства и необходимость социальной революции, не только чтобы освободить негритянских рабочих от рабства, но также, как единственное средство, освободить негров от подчинения».

II конгресс Коминтерна сделал очень много для открытия дороги к негритянскому конгрессу. Товарищ Ленин считал в своей [работе] «Тезисы по национальному и колониальному вопросу», что негритянская проблема Америки такая же важная, как Ирландский вопрос, поставив американских негров в ту же категорию как Ирландия. И Коминтерн «должен поддерживать революционное движение среди подчиненных наций (например, Ирландия и американские негры и т. д.)». Если бы американская ком-

мунистическая партия верно следовала бы решениям II конгресса и речи, так красноречиво произнесенной представителем Джоном Ридом, вместо того, чтобы ставить все препятствия к работе Коминтерна по негритянским проблемам, возможно сегодня в Америке было бы сильное негритянское движение.

В результате решения, принятого на II конгрессе по негритянскому вопросу, Коминтерн создал Негритянское бюро и дал распоряжение подготовить отчет по неграм с целью провести Негритянский конгресс. Негритянское бюро провело хорошую работу и подготовило отчет после тщательного расследования. Но потом американская партия выставляла препятствия тем или иным образом. Было много возможностей для американской партии вовлечь негритянских рабочих и крестьян, а также все негритянское население Америки — в революционное движение мирового пролетариата. Уже много было расовых дурных примеров и уже упомянутый законопроект против линча, которые партия могла использовать, чтобы привлечь внимание и симпатии к негритянскому народу Америки. Но ничего подобного партия не сделала.

Нынешний интерес к негритянской проблеме у Рабочей партии, какой бы равнодушный он ни был, возбуждается силой уже упомянутых обстоятельств — увеличивающаяся миграция негров с Юга на Север с возможной опасностью худшего эффекта на рабочих Севера и возрастающее число расовых бунтов в результате этой миграции. Рабочая партия должна заняться негритянским вопросом со всей душой и серьезностью. Существует много трудностей на этом пути. Южане, даже коммунисты, никогда не захотят слышать о социальном равенстве негров. Разрушить давно существующий предрассудок на Юге против негров будет не легкой задачей. Но Коминтерн требует, чтобы решения конгресса в каждой секции ком. партии приводились в жизнь несмотря на трудности и препятствия. Высшей возможностью сделать многое для негритянского дела будет — поднять законопроект против линча. Это — горящий вопрос для Америки. Это не должно продолжаться постоянно. До тех пор, пока не прекратиться линч конфликты между белыми и неграми будут расти в числе и варварстве, благодаря чему расовый бунт будет порядком дня. Негритянские рабочие будут использованы буржуазией для ослабления трудовых организаций белых. Ком[мунистическое]¹¹⁰ движение Америки или

---

¹¹⁰ Здесь и далее слово в первоисточнике напечатано сокращенно.

Южной и Северной Африки никогда не преуспеет без внимания к революционному движению негритянских рабочих и негритянских крестьян. В Америке негритянские рабочие составляют сильное меньшинство, считая негритянскую расу целиком пролетарской: тяжелая и грязная работа делается в основном ими. Организовать и революционизировать их имеет большое значение в деле ком[мунистического] движения. Американские негры пробудились в расовом сознании и расово собраны, и хорошие солдаты, которые доказали способность защищать их собственные интересы. Они уже показали на многих международных конгрессах негритянской расы, что они способны организовать себя в международном масштабе, как это видно из дела Гарвей и Дюбуа. Недавно представители 6-ти негритянских гражданских организаций, Национальная Лига за равные права и профессор Миллер из Гарвардского университета встретились в Нью-Йорке на предварительной конференции, чтобы обратиться к Объединенному фронту негров. Конференция выступила с призывом к Объединенному фронту негров, в котором выражен здравый дух, как видно из этих строк: «Необходимо стимулировать расу, чтобы использовать все существующие возможности для конструктивных усилий, и привести ее в гармоничные рабочие отношения с белой расой». Предстоящая конференция негров за Объединенный фронт обсудит такие вопросы как: «Расовые предрасудки; легальная дискриминация; экономическая эксплуатация; расовое самоуважение; религиозное пробуждение; улучшение морального и социального состояния; содействие внутри и между расами; индустриальное улучшение; политические акции, включая: Линч; Ку Клус Клан; Сегрегация; Гражданские права; Лишение прав голосовать; Соблюдение закона и Батрачество». Среди присутствующих на конференции были коммунисты от негритянских организаций, и без сомнения поддержанные Американской ком[мунистической] партией.

Успех предстоящей негритянской конференции в Москве, во время 5-й годовщины Коминтерна в марте¹¹¹, зависит полностью от активной поддержки американских коммунистов. Мы на-

---

¹¹¹ Из-за смерти В. И. Ленина планы эти не состоялись. V конгресс Коминтерна проходил в Москве 17 июня — 8 июля 1924 г., на нем обсуждались следующие основные вопросы: 1) Ленин и Коминтерн, 2) доклад о деятельности и тактике Исполкома Коминтерна, 3) мировое экономическое положение, 4) вопрос о программе, 5) о тактике профсоюзов, 6) национальный вопрос, 7) организа-

деемся, что они окажут ее без колебаний. Коминтерн принес огромную пользу в прошлом в проведении Бакинской конференции¹¹² и конференции рабочих Дальнего Востока¹¹³, и предстоящий Негритянский конгресс в Москве принесет большую пользу негритянской расе в ее борьбе против всемирной эксплуатации и соединит ее с другими расами под красным знаменем Коминтерна в ускорении мировой социальной революции!

Санаторий «Железная Гора» Бухарин¹¹⁴. 14 июля 1923 г.

Сен Катаяма

Фонд 495. Оп. 155. Д. 17. Л. 13–23.

Машинописный экз. с авторской правкой

ционные вопросы, 8) о фашизме. О созыве Негритянской конференции см. ранее (прим. 49).

¹¹² Речь идет о Первом съезде народов Востока, состоявшемся в Баку в сентябре 1920 г. В нем участвовало около 2 тыс. делегатов из 30 стран, представлявших 37 народов.

¹¹³ Речь идет о Первом съезде трудящихся Дальнего Востока, состоявшемся в Москве и Петрограде 21 января — 2 февраля 1922 г. В нем участвовало 148 делегатов от делегаций 9 стран. В его подготовке и организации Катаяма принял активное участие. На съезде он выступил с докладом о политическом и экономическом положении и рабочем движении в Японии. Как глава японской делегации был приглашен в Кремль, где встречался с Лениным в его рабочем кабинете (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 280. Д. 263. Л. 43–44, личное дело С. Катаямы; С. Катаяма. Воспоминания. С. 737, прим.).

¹¹⁴ Так в тексте первоисточника. В сб. «Коминтерн и Африка. Документы» (С. 95) эта часть документа переведена как: «Железногорск, санаторий им. Бухарина». Согласно воспоминаниям, написанным Катаямой в 1925 г., летом 1923 г. он навещал Бухарина на Кавказе, где последний отдыхал и лечился. Возможно, что Бухарину была предназначена эта записка и им был написан адресат «тов. Радеку». См.: Исторический архив. № 6. 2006. С. 172

О. Г. Казак

РОЛЬ КОМИНТЕРНА И КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ В ФОРМИРОВАНИИ УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ

После окончания Первой мировой войны Подкарпатская (Угорская) Русь с преобладавшим восточнославянским населением вошла в состав Чехословакии. Население отсталого в экономическом плане региона не имело четко выраженной национальной идентичности и чаще всего именовало себя этнонимом «русины». Немногочисленные представители местной интеллигенции, отказавшиеся от добровольной мадьяризации, рассматривали свой народ как органичную самобытную часть общерусского культурного и цивилизационного пространства. Носители украинского самосознания среди коренных жителей Подкарпатской Руси до начала 1920-х гг. фактически отсутствовали. Трансформация этнокультурной идентичности населения края была обусловлена политикой официальной Праги и позицией местных коммунистов, действовавших согласно инструкциям Коминтерна.

Дипломатия Советской России проявляла определенную заинтересованность проблемами Подкарпатской Руси. В протоколе заседания Политбюро ЦК РКП (б) от 16 ноября 1922 г. отмечалась необходимость «направить для контроля в Прикарпатскую Русь агента ГПУ и позаботиться о поддержке тех элементов, кото-

рые могут ориентироваться на Советскую Россию»¹. Менее чем через месяц на очередном заседании Политбюро было принято решение «об отнесении расходов на поддержку просоветских настроений в Прикарпатской Руси за счет резервного фонда СНК, а не за счет кредитов ГПУ»².

23 февраля 1922 г. Л. Б. Красин направил в ЦК РКП (б) письмо, в котором рассказал о встрече в Берлине с «вождем карпатских русинов», скрывавшимся под псевдонимом «доктор Леонтьев». Им был известный юрист, журналист и публицист А. Ю. Геровский (1883–1972), который на протяжении всей своей жизни в разных государствах (Австро-Венгрия, Чехословакия, Югославия, США) отстаивал идею общерусской природы русинов Карпат. А. Ю. Геровский объявил о своей поддержке советского правительства как «правительства национального объединения России», предлагал свои услуги по содействию переходу на советскую сторону генерала А. П. Кутепова и последующему присоединению Бессарабии к России. Собеседник Л. Б. Красина утверждал, что «Карпатская Русь хочет воссоединения с Россией и все свои силы карпато-русы готовы предоставить советской власти». Кроме того, А. Ю. Геровский просил советское правительство дать разрешение патриарху Тихону рукоположить епископа для Подкарпатской Руси. Русофильский деятель был приглашен в Москву, но переговоры с ним летом 1922 г. не привели к сколь-либо значимым результатам³.

Сотрудничество советской дипломатии с представителями русофильского спектра общественной жизни Подкарпатской Руси вскоре было фактически заморожено. В протоколе заседания Политбюро ЦК РКП (б) от 13 ноября 1923 г. было зафиксировано решение «прекратить субсидирование газет москвофилов [...], если [оно] производится». Русинский вопрос в Чехословакии рассматривался в комплексе общей «украинской проблемы». Для ее решения предлагались следующие меры: «Партийно-политическая и военно-техническая работа в странах с украинским населением должна вестись из Харькова, общее руководство за Мо-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 322. Л. 1.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 326. Л. 49.

³ Курляндский И. Неизвестный документ о Патриархе Тихоне. Из делопроизводства Политбюро ЦК. 1922 год: http://yakov.works/library/11_k/ur/lyand-sky_01.htm.

ской; секретная дипломатическая и политическая разведка — из Москвы»⁴. Набивавшая обороты советская украинизация предопределила позицию Москвы в русинском вопросе на десятилетия вперед.

Тем временем в Чехословакии различные политические силы поддерживали противоборствующие общественные лагеря Подкарпатской Руси: левые — украинофилов, национальные демократы К. Крамаржа — русофилов. Министерство образования, в начале 1920-х контролируемое социал-демократами, оказывало поддержку украинофильским учителям (в том числе выходцам из Галиции). Симпатии Праги по отношению к украинофилам имели и внешнеполитическое объяснение — как эвентуальный фактор дестабилизации положения в соседней Польше, для которой украинский вопрос являлся весьма болезненным. Показательно, что чехословацкое Министерство иностранных дел во главе с Э. Бенешем заняло наиболее благоприятную позицию по отношению к деятелям украинофильского лагеря и в ходе межведомственного обмена мнениями защищало их от обвинений в нелояльности со стороны представителей Министерства внутренних дел. Сотрудники МВД постоянно получали донесения о том, что активисты украинского движения называли чешских чиновников, работавших в Подкарпатской Руси, «чужеземцами», видели регион «частью Великой Украины»⁵. Интересно, что внутри самой партии Э. Бенеша не было единства в русинском вопросе. Когда в марте 1924 г. Э. Бенеш на заседании парламентской фракции Чехословацкой социалистической партии высказался за украинскую ориентацию Подкарпатской Руси, часть членов фракции заявила:

«Когда Россия потребует от нас возвращения Подкарпатской Руси, мы должны вернуть ей русскую, а не какую-то искусственную украинскую Подкарпатскую Русь»⁶.

В 1920-х гг. в чехословацких политических кругах обсуждался вопрос «передачи» Подкарпатской Руси Москве. Так, в 1922 г. Й. Паливек, руководитель экспозитуры чехословацкого пресс-

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 393. Л. 4.

⁵ *Jarnecki M., Kolakowski P.* «Ukraiński Piemont». *Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939.* Warszawa, 2017. S. 83–84.

⁶ *Зубачевский В. А.* Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект. М., 2019. С. 215.

агентства в Женеве, в неофициальном разговоре с членом комиссии меньшинств Лиги Наций Д. Гелмер Ростингом объяснял невыполнение Прагой своих международных обязательств в отношении Подкарпатской Руси «намерением отдать край России». Министр иностранных дел Э. Бенеш при посредничестве В. Гирша объяснял представителю комиссии меньшинств Э. Колбану, что власти не могли выполнить данные русинам обязательства, так как «этого не потерпела бы Россия, для которой Подкарпатская Русь могла стать плацдармом для контроля над венгерской равниной». Эту информацию подтверждал сбежавший на Запад в 1929 г. советский дипломат Г. Беседовский⁷. После международного признания принадлежности Восточной Галиции Польше (1923) нарком по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин в посланиях в пражское полпредство отмечал, что «аннексия Восточной Галиции не есть усиление Польши, а есть создание для нее кровоточащей раны», поскольку устраняет «непосредственный контакт с Российской Федерацией, о котором Чехословакия всегда мечтала»⁸. Таким образом, из собственных тактических соображений и Прага, и Москва поддерживали украинский вариант решения русинского вопроса в Подкарпатской Руси.

Низкий уровень жизни местного населения стал главной причиной популярности Коммунистической партии Чехословакии (далее — КПЧ). В ходе парламентских выборов 1924 г. эта политическая организация получила в Подкарпатской Руси рекордное количество голосов — 39,4%. Во время выборов в 1925 г. коммунисты получили 30,8% голосов, в 1929 г. — 15,2% голосов, в 1935 г. — 24,4% голосов избирателей⁹. В начале 1920-х гг. коммунисты Подкарпатской Руси не считали национальный вопрос принципиально важным. И. Мондок, выступавший на V Конгрессе Коминтерна в июне 1924 г. под псевдонимом «Васильев», пользовался термином «прикарпатоторусский народ», называя так жителей «маленького уголка», где «так часто был слышен гул орудий русской Красной Армии»¹⁰. Однако в ре-

⁷ Jarnecki M., Kolakowski P. Op. cit. S. 105.

⁸ Зубачевский В. А. Указ. соч. С. 173–174.

⁹ Шевченко К. В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX — первой половине XX в. М., 2011. С. 163.

¹⁰ Шляхом Жовтня. Боротьба трудящих Закарпаття за соціальне і національне визволення, за возз'єднання з Радянською Україною. Збірник документів. Т. 2. Ужгород, 1961. С. 53–54.

золюции «Национальный вопрос Средней Европы и Балкан», принятой Конгрессом, было отражено иное видение русинского вопроса:

«Конгресс констатирует, что украинские вопросы в Польше, Румынии и Чехословакии составляют единый украинский национальный вопрос, требующий общего революционного разрешения для всех этих стран».

Кроме того, в резолюции утверждалось, что лозунги автономии (в том числе для Подкарпатской Руси) «служат закреплению экономического и национального порабощения крестьянского населения» и поэтому должны были быть отвергнуты. Единственным решением украинского вопроса называлось «соединение разорванных империализмом на части украинских областей в Советскую рабоче-крестьянскую республику»¹¹. Примечательно, что самую активную роль в разработке резолюции сыграл один из главных деятелей советской украинизации Н. А. Скрыпник (нарком юстиции и генеральный прокурор УССР в 1922–1927 гг., нарком просвещения УССР в 1927–1933 гг.). Очевидно, в руководстве Коминтерна понимали, что украинское национальное самосознание в Подкарпатской Руси имеет наименьшее распространение по сравнению с регионами, указанными в резолюции (Восточная Галиция, Волинь, Бессарабия и Буковина и др.). Председатель исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьев вскоре добился временного снятия лозунга «объединения с пролетарским государством» для Подкарпатской Руси, отмечая необходимость борьбы за автономию региона в рамках Чехословакии¹².

В Подкарпатской Руси решения V Конгресса Коминтерна не привели к резкой смене позиций коммунистов в национальном вопросе. В отчете ЦК Коммунистического союза молодежи Чехословакии о работе Закарпатской краевой коммунистической организации (7 ноября 1924) шла речь о «русинском молодежном движении»¹³. В обращении исполкома Закарпатской краевой коммунистической организации (20 сентября 1925) утверждалась

---

¹¹ Там же. С. 55–56.

¹² Скрыпник М. А. Нацыянальнае пытанне ў праграме Камінтэрну. Мінск, 1930. С. 71–72.

¹³ Шляхом Жовтня. Боротьба трыящих... Т. 2. С. 103.

принадлежность восточнославянского населения Подкарпатской Руси к украинской нации, необходимость его объединения с украинским народом. Однако в тексте документа наравне с термином «украинец» использовался и традиционный этноним «русин»¹⁴. Весьма проблематично определить позицию коммуниста Й. Гати в русинском вопросе, опираясь на анализ его речи в парламенте Чехословакии в октябре 1925 г. С одной стороны, Й. Гати декларировал украинскую национальную природу восточнославянского населения Подкарпатской Руси:

«С севера и юго-востока хребет Карпат отделяет украинцев, которые проживают здесь, от их галицийских и буковинских украинских братьев, которые могли бы жить национальной жизнью на компактной территории, начиная с Советской Украины и заканчивая Тисой, если бы империализм Антанты не бросил бы их на растерзание трем господствующим нациям».

Однако в этой же речи Й. Гати причислил «русинов-украинцев» к «русским племенам»¹⁵.

В вышедшей в Харькове в 1931 г. аналитической работе о Чехословакии приводится пространное рассуждение автора о «неправильном» понимании коммунистами Подкарпатской Руси сущности языкового и национального вопросов:

«“Карпатская правда”, орган краевой организации, до 1926 г. выходила на ужасном языке, который было невозможно понять: это был не украинский, не русский, не язык какого-то местного диалекта, а смесь все трех элементов с примесью венгерских слов, которые тут употребляли вследствие вековой мадьяризации края. Компартия этим якобы пыталась демонстрировать свою нейтрально-национальную позицию, мол, не важно, на каком языке, лишь бы понимали массы. А на самом деле было это не какая-то нейтральная позиция в национальном вопросе, а только литье воды на мельницу национальной и языковой неразберихи, которую поддерживает чешский империализм».

¹⁴ Шляхом Жовтня. Боротьба трудящих... Т. 2. С. 149–152.

¹⁵ Шляхом Жовтня. Промови та інтерпеляції депутатів-комуністів у чехословацькому парламенті про Закарпатську Україну (1921–1938 рр.). Ужгород, 1959. С. 86–91.

Автор отмечал, что важнейшим для судьбы региона являлся следующий вопрос:

«Составляют ли карпато-украинцы часть той украинской национальности, которая строит украинскую социалистическую культуру под руководством компартии в Советской Украине, которая борется с польским и румынским империализмом в Западной Украине, Буковине и Бессарабии, или может они великороссы, или отдельный маленький народ, который должен создавать “свою культуру”, как это старается доказать чешский империализм».

Единственный верный ответ на этот вопрос, по мнению автора, предлагал Коминтерн, в известной резолюции которого население Подкарпатской Руси трактовалось как часть украинской нации¹⁶.

Ситуация меняется в 1927 г., когда восточнославянское население Подкарпатской Руси коммунистами Чехословакии, которые подчинялись партийной дисциплине, стало однозначно трактоваться как украинцы. В инструкции Политического секретариата Коминтерна от 13 августа 1927 г. отмечалось:

«ЦК КПЧ рекомендует принять к сведению заявление Краевой организации Закарпатской Украины о том, что как в отношении языка, школы, так и национальности закарпатские товарищи объявляют себя украинцами. В соответствии с этим товарищам из КПЧ рекомендуется избегать в печати, в парламенте, на собраниях старую терминологию “русины”, “Закарпатская Русь” и т. п.»¹⁷

Кроме того, коммунистические газеты были одними из первых в культурном пространстве Подкарпатской Руси, отказавшимися от традиционного этимологического письма и начавшими использовать украинское фонетическое правописание. В одном из выпусков «Карпатской правды» за январь 1927 г. отмечалось:

«Весь украинский народ пишет фонетикой (т. е. так, как говорят). Сохранение этимологии отделяет нас от всего украинского наро-

---

¹⁶ Піддубний Г. Чехо-Словаччина. Чехія. Словаччина. Закарпатська Україна. Суспільно-політичний та економічний нарис з малюнками та мапою Чехо-Словаччини. Харків, 1931. С. 120–121.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 103. Д. 112. Л. 56.

да. Это нужно не нам, а чешской буржуазии, которая хочет нас изолировать и чехизировать»¹⁸.

С 1927–1928 гг. в коммунистической публицистике население Подкарпатской Руси однозначно именуется украинским, наличие иных национальных ориентаций объясняется сознательной политикой Праги, якобы стремившейся использовать тактику «разделяй и властвуй» для денационализации и последующей ассимиляции жителей края. Так, в заявлении коммунистической фракции в Ужгородском городском представительстве (январь 1928) отмечалось:

«Славянское большинство населения Подкарпатья является составной частью украинского народа. Мы знаем, что правительство желает посредством языковой борьбы ослабить местное население и допускает язык великорусский и так называемый “русинский”»¹⁹.

27 июня 1927 г. в прокоммунистическом журнале «Ласточка» вышла статья с заголовком «Русин или украинец?». В ней шла речь о якобы существовавшем запрете на употребление термина «украинец» в Чехословакии. Широкое использование в официальной публицистике традиционного этнонима «русин», на взгляд анонимного автора статьи, являлось следствием желания Праги не допустить распространения украинского самосознания среди населения Подкарпатской Руси:

«[Использование этнонима “русин”] дает возможность здешним империалистам говорить, что они не поработили часть украинского народа, но в государстве живет полмиллиона словаков, называющих себя “русинами”. Если к этому прибавят, что из тех русинов одни только большевики хотят сделать украинских ирредентистов, что это работа “Москвы”, то все станет ясно и нашим русинством будут нас наши враги бить»²⁰.

В ноябре 1930 г. в регионе распространялась листовка Закарпатской краевой организации КПЧ с призывом указывать украинскую национальность во время переписи населения:

---

¹⁸ Шевченко К. В. Указ. соч. С. 254.

¹⁹ Шляхом Жовтня. Боротьба трудящих ... Т. 2. С. 336.

²⁰ Там же. С. 456.

«Паны не хотят, чтобы мы знали, что в Галиции, на Волини под польским и в Бессарабии и Буковине под румынским сапогом тот же народ живет, что и у нас, и что он называется украинцами. Паны не хотят, чтобы вы знали, что на Великой Украине — в Харькове, Киеве, Одессе — также живет наша нация, которая уже освободилась от буржуазного ярма и строит сама без панов и помещиков свою промышленность, развивает сельское хозяйство, развивает свои школы и всякую культуру. Паны не хотят, чтобы вы знали, что так называемые “русины” являются частью великого сорокамиллионного украинского народа. Они боятся, что наш народ, когда узнает, что принадлежит украинской нации, которая в своей большей части добилась социальной и национальной свободы, — тогда с большей силой, с большей энергией вступит в борьбу со своей и чужой буржуазией»²¹.

Практически идентичная формулировка содержалась в Воззвании ЦК КПЧ к трудящимся Закарпатской Украины» от 14 января 1932 г.: «Он [чешский империализм] запрещает нам объявлять себя частью великого сорокамиллионного народа, который живет на Галиции, на Волини, в Бессарабии и который [...] в бывшей России освободил себя от ярма царей, капиталистов и помещиков»²². Обвинения Праги в «запрете» украинского самосознания в Подкарпатской Руси не являлись обоснованными: чехословацкие власти не чинили серьезных препятствий для деятельности сторонников различных национально-языковых ориентаций. Более того, большей симпатией властных и интеллектуальных кругов межвоенной Чехословакии пользовались именно украинофилы (особенно в 1920-е гг.).

Традиционные прорусские настроения значительной части жителей Подкарпатской Руси трактовались коммунистами как искусственный феномен, еще один инструмент Праги по денационализации населения края. Так, в циркуляре Закарпатского краевого комитета КПЧ всем партийным организациям (28 сентября 1932 г.) отмечалось:

«Наши дети голые, босые, голодные! А наша домашняя буржуазия — паны фенцики, сабовы, цуркановичи, Янош Куртяк, аграр-

²¹ Шляхом Жовтня. Боротьба трудящих Закарпаття за соціальне і національне визволення, за возз'єднання з Радянською Україною. Збірник документів. Т. 3. Ужгород, 1962. С. 105.

²² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 543. Л. 2.

ники (русофильские деятели и организации. — О. К.) — напечатала себе книжек на непонятном нам языке и хочет, чтобы мы за эти книги дорого ей заплатили. Так хотят эти пань не только хорошо заработать на учебниках, но также и помочь своим жертвователям — чешской буржуазии. Почему? Потому, что заводят чужой язык в школах, тем самым тормозят развитие наших детей. А тем самым льют воду на мельницу чехизаторов, помогают чешской буржуазии нас чехизировать»²³.

Коммунист И. Мондок с парламентской трибуны (20 октября 1926) обвинял в Прагу в разжигании языковой вражды, «чтобы в этой созданной мутной ситуации проводить безоглядную чехизацию». При этом И. Мондок ссылался на данные Чешской Академии наук (1919), якобы подтверждавшие украинскую природу восточнославянских жителей Подкарпатской Руси²⁴. Действительно, в ответ на запрос региональных властей в 1919 г. экспертная комиссия подготовила письмо, подписанное министром просвещения Г. Габерманом. Авторы документа не считали нужным вести работу над созданием нового русинского языка и рекомендовали использовать в образовательном процессе «малорусский язык, который используют ближайшие соседи и единоплеменники (жители Галиции. — О. К.)». И. Мондок, однако, в своем выступлении не упомянул следующий факт: эксперты подчеркивали необходимость изучения в средней школе русского языка, «чтобы жители Карпатской Руси не были лишены чувства, что они и как украинцы принадлежат к великому русскому народу»²⁵. Не менее сомнительным выглядит довод о «чуждости» русского языка для населения края. В 1937 г. был проведен своеобразный плебисцит среди родителей учеников школ края относительно грамматики, которая должна была преподаваться в учебных заведениях. Родители могли выбрать между грамматикой И. Панькевича, основанной на украинском литературном языке, и грамматикой Е. Сабова, близкой к русскому языку. Более 73% родителей отдали свой голос за грамматику Е. Сабова. И это несмотря на то, что украин-

²³ Шляхом Жовтня. Боротьба трудящих... Т. 3. С. 371.

²⁴ Шляхом Жовтня. Промови та інтерпеляції... С. 137.

²⁵ Черничко С., Фединиць Ч. Резолюція Празької академії наук про народну мову Підкарпатської Русі (Закарпаття) і мовні полеміки (1919–1939 рр.) // Філологічний вісник Уманського державного педагогічного університету імені Павла Тичини. 2014. Вип. 5. С. 86–87.

ские работники просвещения при самой активной поддержке центральных властей успели занять прочные позиции в школьной системе края. Украинофилы откровенно саботировали результаты школьного референдума. Неспособность властей обеспечить выполнение решений плебисцита свидетельствовала о том, что Прага постепенно утрачивала рычаги контроля над общественно-политической ситуацией в Подкарпатской Руси²⁶.

Национально-культурные процессы в Подкарпатской Руси вызвали живой интерес в Советской Украине. Н. А. Скрыпник считал, что упрочение республиканского организма (УССР) должно было стать одним из способов решения национального вопроса и «освобождения» украинцев от «колониальных пережитков». Для их быстреешего преодоления он считал желательным объединение всех украинских земель в одной республике. Основную энергию Н. А. Скрыпник и украинское руководство направили на сопредельные с УССР районы РСФСР²⁷, однако и другие украинские (с их точки зрения) территории оставались в поле их внимания. В 1928 г. в журнале «Знамя марксизма» (орган Украинского института марксизма) была опубликована статья Н. А. Скрыпника «Национальное возрождение в современных капиталистических государствах на примере Закарпатской Украины». Автор продемонстрировал свою неплохую осведомленность в культурных вопросах Подкарпатской Руси (цитировал публицистику, прессу представителей различных направлений). По мнению Н. А. Скрыпника, господство русофильских и русинофильских настроений в Подкарпатской Руси могло привести лишь к денационализации местного населения. Автор статьи указывал на решающую роль коммунистической партии в деле популяризации «правильной», с его точки зрения, украинской модели идентичности. При этом официальная Прага безосновательно обвинялась во всяческом препятствовании распространению украинского самознания:

«Еще недавно на Закарпатье чешская буржуазия делала ставку на москвофилов. После того, как москвофилы были дискредитированы в глазах местного населения, между прочем, с помощью комму-

---

²⁶ Шевченко К. В. Указ. соч. С. 267–268.

²⁷ Марчуков А. В. Украинское национальное движение. УССР. 1920-е — 1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2015. С. 388.

нистической партии, чешская буржуазия делает ставку на автохтонный местный язык, искусственно создает из закарпатского диалекта отдельный язык, как отдельный диалект чешского языка. [...] Еще недавно в языковом вопросе боролись между собой москвофильские, русские, российские, руснацкие, украинские автохтонные направления на поверхности политической жизни небольшой земли, а 5 декабря [1926 г.] конференция коммунистической партии, которая на самом деле руководит жизнью и борьбой всего трудового населения, именем этого населения заявляет: конец “языковому” вопросу на Закарпатской Украине. Мы видим последствия этой работы партии, ее правильную линию в национальном вопросе, охват ее работой всего населения, как социальным и политическим движением. Мы видим, что работа коммунистической партии принуждает иные партии Закарпатской Украины в языковом отношении переходить на новые рельсы. Например, “Вперед” — орган социал-демократии — перешел на чистый украинский язык, на этот путь встает и “Свобода” — орган клерикальной партии»²⁸.

В январе 1926 г. на совещании представителей компартии Украины, галицкой краевой организации компартии Польши и подкарпаторусского комитета компартии Чехословакии обсуждался вопрос украинизации русинов и активизации коммунистического движения в Карпатском регионе с последующим присоединением Галиции и Подкарпатской Руси к Советской Украине. Было принято решение о том, что Советская Украина будет нелегально, по линии Коминтерна, обучать выходцев из Подкарпатской Руси украинскому языку и методам коммунистической деятельности²⁹. Уже после оккупации Подкарпатской Руси Венгрией и установления общей советско-венгерской границы (осень 1939) внушительных масштабов достигло нелегальное бегство жителей края в СССР (нелегальных мигрантов, по разным оценкам, насчитывалось от 10 000 до 20 000 человек). Примечательно, что многие из лиц, перешедших границу с СССР, либо сами обучались в учебных заведениях Советской Украины, либо приняли решение бежать в СССР под влиянием выпускников учебных заведений Харькова и Киева. Например, В. В. Половка в ходе допроса

²⁸ Скрипник М. Національне відродження в сучасних капіталістичних державах на прикладі Закарпатської України // Прапор марксизму. 1928. № 1. С. 229–230.

²⁹ Шевченко К. В. Указ. соч. С. 288.

сообщал советскому следователю, что в 1926 г. вместе с десятью товарищами он «коммунистической партией Чехословакии был командирован в совпартшколу [в Харькове] и последнюю окончил в 1929 г.; командированы были с таким расчетом, чтобы впоследствии работать в Закарпатской Украине»³⁰. А. Г. Зейкан информировал следователя: «Необходимо отметить, что я в 1930–1933 гг. находился по линии Коминтерна в Киевской совпартшколе. С 1933–1936 гг. по этой же линии я окончил Харьковский коммунистический институт журналистики. Границу в СССР переходил нелегальным путем. Работал в компартии Чехословакии под псевдонимом»³¹.

В конце 1920-х гг. некоторые представители центрального руководства СССР (в частности, заместитель наркома по иностранным делам СССР М. М. Литвинов) попытались несколько остудить пыл украинских товарищей во главе с Н. А. Скрыпником. Были озвучены сомнения по поводу столь однозначной и бескомпромиссной трактовки восточнославянского населения в качестве украинцев, введению в оборот термина «Закарпатская Украина» (хотя именно такие требования содержались в упомянутой инструкции Политического секретариата Коминтерна 1927 г.). М. М. Литвинов в апреле 1929 г. предостерегал уполномоченного НКВД при СНК УССР И. Ю. Кулика:

«Окрещение Прикарпатской Руси новым именем ничего не изменит в положении этой территории, но может навлечь неудовольствие со стороны Чехословакии, которая может усмотреть в этом выдвижение новых политических претензий. Не думаю, что само население Прикарпатской Руси приветствовало бы предлагаемое вами изменение названия, скорее наоборот, это вызвало бы среди них серьезные споры»³².

Вполне резонные замечания М. М. Литвинова, однако, не привели к изменению позиции руководства Советской Украины в вопросе Подкарпатской Руси.

---

³⁰ Закарпатські втікачі в СРСР 1939–1941: Збірник архівних документів і матеріалів. Ужгород, 2008. С. 39–40.

³¹ Там же. С. 110.

³² Кен О., Рупасов А. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. СПб., 2000. С. 494.

В 1930-е гг. наблюдаются некоторые изменения национальной политики СССР. Кроме «великорусского национализма» и «великодержавного шовинизма» власти начинают борьбу против наиболее одиозных проявлений «местных национализмов». В ходе политических процессов и кампаний из системы образования, учреждений культуры, органов власти были устранены многие украинские националисты, обвиненные в «перегибах» при проведении украинизации. Украинская идентичность и культура как таковые не ставились под сомнение, однако наблюдалась частичная реабилитация русского языка и русской культуры (естественно, в ее «советской» форме) в УССР³³. На позицию чехословацких коммунистов в вопросе Подкарпатской Руси повлияли также решения VII Конгресса Коминтерна (1935) о создании единого фронта борьбы против фашизма. В условиях Подкарпатской Руси, где далеко не все потенциальные союзники коммунистов придерживались однозначной украинофильской линии в трактовке национальной природы местного восточнославянского населения, это означало необходимость для коммунистов несколько смягчить свою позицию в национальном вопросе. В программе Закарпатской краевой организации КПЧ (29 мая 1937) в очередной раз декларировалась украинская природа жителей региона, но также содержался призыв к сотрудничеству «прогрессивным» силам, имевшим в данном вопросе иную позицию: «Мы, коммунисты, считаем, что язык, на котором говорит местное славянское население Подкарпатья, является тем языком, на котором говорит население в Галиции, на Буковине и на Советской Украине, что признала и Пражская академия наук и искусств. Но мы хотим, чтобы мы пришли к взаимопониманию в языковом вопросе со всеми демократическими силами, чтобы и те, кто себя считает “карпатороссами” или “русинами”, вместе с нами выступили против реакционных поджигателей языковых споров и чтобы совместно с нами работали и боролись за хозяйственный, социальный и культурный подъем подкарпатского народа»³⁴. Данная идея получила свое отражение в циркуляре Закарпатского краевого комитета КПЧ всем комитетам партии:

³³ Марчуков А. В. Новороссия: формирование национальных идентичностей (XVIII–XX вв.). М., 2018. С. 347–359.

³⁴ Шляхом Жовтня. Боротьба трудящих Закарпаття за соціальне і національне визволення, за возз'єднання з Радянською Україною. Збірник документів. Т. 4. Ужгород, 1964. С. 355.

«Мы, коммунисты, должны бороться как против фенциков, бродиев, бачинских (русофильские деятели. — О. К.), так и против украинских фашистов, чтобы добиться общих действий как с украинскими, так и русофильскими социалистами и демократами. Что касается языка, то мы утверждаем, что наш народ по своему языку и обычаям является украинским. Мы за то, чтобы в школах велось преподавание на родном украинском языке, за малорусские (украинские) учебники. Также требуем, чтобы в гражданских и средних школах изучался и великорусский язык. Мы с любовью относимся к великорусскому языку, к российской литературе и культуре. Мы не можем от карпатороссов требовать, чтобы они насильственным путем стали украинцами. Если они называют себя карпатороссами, русинами — это их дело. Мы можем их только по-братски убеждать, но никогда не ссориться с ними из-за языка»³⁵.

В декабре 1938 г. нарком по иностранным делам М. М. Литвинов снова, как и девять лет до этого, выразил свое несогласие с позицией СССР в вопросе Подкарпатской Руси. На тот момент фактическая власть в усеченной Подкарпатской Руси (2 ноября 1938 г. по результатам Венского арбитража к Венгрии отошла южная часть региона с городами Ужгород, Мукачево, Берегово) принадлежала автономному правительству украинофила А. Волошина, не скрывавшего своей ориентации на гитлеровскую Германию. Вполне реалистичной выглядела возможность розыгрыша А. Гитлером «украинской карты» в дипломатической игре с Польшей и СССР путем превращения Подкарпатской Руси в плацдарм для создания независимой «Великой Украины». М. М. Литвинов в письме И. В. Сталину 14 декабря 1938 г. отмечал: «В заграничной прессе видное место занимает так называемая Закарпатская Украина в связи с теми планами, которые приписывают Гитлеру». Нарком утверждал, что «большинство населения там говорит по-русски, а не по-украински». М. М. Литвинов считал, что следовало избегать использования термина «Закарпатская Украина»:

«Наша пресса в свое время тоже всегда писала о Прикарпатской Руси, вплоть до того момента, когда у нас на этой почве возник спор со Скрыпником, который настаивал на изменении названия на Закарпатскую Украину. Я в последнее время в поступивших

---

³⁵ Там же. С. 389.

ко мне на визу материалах перечеркиваю название “Закарпатская Украина” на “Закарпатскую Русь”»³⁶.

Ссылка на покончившего жизнь самоубийством в 1933 г. Н. А. Скрыпника, ставшего символом перегибов в проведении украинизации, должна была подкрепить позицию М. М. Литвинова. Однако кардинального пересмотра курса Москвы в подкарпаторусском вопросе не потребовалось. В марте 1939 г. А. Гитлер, используя А. Волошина для окончательной дестабилизации ситуации в агонизировавшей Чехословакии, дал добро хортистской Венгрии на оккупацию оставшейся части Подкарпатской Руси. После подписания договора о ненападении между Германией и СССР украинский вопрос на время утратил остроту как фактор международной политики.

После освобождения Подкарпатской Руси войсками Красной Армии и создания просоветского квазигосударства «Закарпатская Украина» в регионе началась массированная пропагандистская кампания по его присоединению к СССР, а именно к Советской Украине. Русофильские деятели (П. Линтур, А. Геровский и др.) делали робкие и обреченные на неудачу попытки добиться от советского руководства создания отдельной Карпаторусской республики или присоединения края к РСФСР в качестве автономной единицы³⁷. 29 июня 1945 г. в Москве без участия представителей Подкарпатской Руси был подписан советско-чехословацкий договор о присоединении региона к СССР, через несколько месяцев была создана Закарпатская область в составе УССР. Население края в административном порядке было объявлено украинцами, в дальнейшем это утверждение, несмотря на все особенности и перипетии советской национальной политики, не ставилось под сомнение. В независимой Украине существует движение, борющееся за признание Киевом русинов как отдельного народа с собственными языком и культурой. Однако русофильское крыло в этом и без того маргинальном движении крайне немногочисленно. Не иначе как абсурдными видятся переименования улиц населенных пунктов в современном Закарпатье, проводимые в рамках политики «декоммунизации» после государственного переворо-

---

³⁶ Шубин А. В. Мир на пути к войне. СССР и мировой кризис 1933–1940 гг. М., 2016. С. 305

³⁷ Шевченко К. В. Указ. соч. С. 369–370.

та 2014 г. Так, например, с карты Мукачево исчезла улица А. Борканюка — члена КПЧ, депутата парламента Чехословакии в 1935–1938 гг., который являлся одним из наиболее последовательных сторонников украинской идентичности восточнославянского населения региона.

Таким образом, коммунисты Подкарпатской Руси, действовавшие согласно инструкциям Коминтерна, сыграли важнейшую роль в распространении украинской модели идентичности среди автохтонного восточнославянского населения региона. Данный процесс был окончательно завершён административным путем уже после вхождения края в состав СССР (после 1945 г.).

А. В. Мартынов

К ВОПРОСУ О МОРАЛЬНОМ СОСТОЯНИИ КОЛЛАБОРАНТОВ НА ПРИМЕРЕ 1-й РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АРМИИ

Одной из самых драматичных страниц Великой Отечественной войны стало сотрудничество части советских граждан и русских эмигрантов с нацистской Германией. В числе прочих последней была создана 1-я Русская национальная армия (ранее Зондерштаб Р в составе абвера) (далее РНА). Нельзя сказать, что она не известна исследователям¹, но ее история в значительной степени оказалась заслонена Вооруженными силами Комитета освобождения народов России генерал-лейтенанта Андрея Власова и Русской освободительной народной армией (29-й дивизией СС) бригадефюрера Бронислава Каминского.

Следует отметить, что 1-я РНА, возглавлявшаяся участником Белого движения, генерал-майором вермахта Борисом Смыс-

---

¹ Geiger P., Schlapp M. Russen in Liechtenstein. Flucht und Internierung der Wehrmacht-Armee Holmstons 1945–1948. Mit des Liste der Interniert und dem russischen Tagebuch des Georgij Simon. Vaduz, Zürich, 1996; Vogelsang H. von. Nach Liechtenstein in die Freiheit. Der abenteuerliche Weg der «1. Russischen Nationalarmee der Deutschen Wehrmacht» ins Asyl Fürstentum Liechtenstein, 1980; Grimm C. Internierte Russen in Liechtenstein // Jahrbuch des Historisches Vereins für das Fürstentum Liechtenstein. Vaduz, 1971. Bd. 71. S. 44–100; Грибков И., Жуков Д., Ковтун И. Особый штаб «Россия». М., 2011; Дробязко С. Эпопея генерала Смысловского // Материалы по истории Русского освободительного движения. Вып. 4. С. 116–143; Мартынов А. В. По обе стороны правды. Власовское движение и отечественная коллаборация. М., 2019.

ловским (оперативные псевдонимы Артур фон Регенау, с начала 1945 г. — Хольмстон), была серьезным противником. Об этом свидетельствуют советские документы, утверждавшие, что «действия Зондерштаба Р нанесли серьезный ущерб тылу наступавшей Советской (sic! — А. М.) армии».² Тем не менее, к концу войны это соединение, занимавшееся разведывательно-диверсионной и контрпартизанской деятельностью, как и весь вермахт, находилось в кризисе, который проявился в частности в низком моральном состоянии армии.

Последнее не замедлило сказаться на взаимоотношениях эмигрантов первой волны и подсоветских граждан, согласившихся сотрудничать с немцами. В частях Зондерштаба на февраль 1942 г. было 10 000 (по другим сведениям 20 000) военнослужащих, 15% которых составляли эмигранты и их потомки и 85% недавние советские граждане. К концу войны пропорция немного изменилась, на начало 1945 г. из 6 000 (по другим сведениям 3 000) бойцов 20% были «белые», а 80% «красные».³ К моменту интернирования бойцов Хольмстона-Смысловского в Лихтенштейне 2 мая 1945 г. с ним оставалось 462 солдата и офицера, а также 32 члена их семей.

Несмотря на все старания генерала о снятии социальных и идеологических противоречий между вчерашними противниками, они сохранялись до конца существования армии, что, в частности, подтверждается самими коллаборантами. Таковы, например показания бывшего лейтенанта Красной армии Михаила Рогачевского⁴. Он служил в звании обер-лейтенанта, адъютантом у подполковника Георгия Бобрикова⁵, командира 2-го полка. Рогачевский был 27 июня 1946 г. допрошен полицией Княжества в связи с расстрелом 2 военнослужащих 1-й РНА и подготовкой поку-

---

² Выписка из справки о связях украинских националистов с разведывательными органами буржуазных государств // Центральный державний архів громадських об'єднань України. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 34. Арк. 44.

³ Грибков И., Жуков Д., Ковтун И. Особый штаб «Россия». С. 123, 294–295; Хольмстон-Смысловский Б. Личные воспоминания о генерале Власове // Хольмстон-Смысловский Б. Избранные статьи и речи. Буэнос-Айрес, 1953. С. 23.

⁴ Лейтенант, командир пулеметного взвода 180-й стрелковой дивизии. Попал в плен между 7 и 10 октября 1943 г. в ходе боев в Броварском районе УССР (ЦАМО. Ф.33. Оп. 11 458. Д. 145. Л. 132). Первоначально считался убитым, но в дальнейшем был выявлен в числе интернированных в Лихтенштейне чинов 1-й РНА (ГАРФ. Ф. р-9526. Оп. 6. Д. 1226. Л. 145).

⁵ Псевдоним в 1-й РНА — Бибиков.

шения, по приказу Хольмстона-Смысловского, на вице-премьера и главу парламента княжества Антона Фроммельта⁶.

Рассказывая о походе к границе Лихтенштейна, Рогачевский в числе прочего указывал на попытку со стороны командования армии изменить ее начальствующий состав. Обер-лейтенант вспоминал, что Бобриков «вернулся с заседания в 9 часов вечера⁷ и сразу позвонил мне. Мы проговорили около 3 часов. Он спросил мое мнение, как отнесутся солдаты, если офицеры, новые эмигранты⁸ будут заменены исключительно старыми эмигрантами». Адъютант возразил, что «это не принесет нам никакой пользы, потому что солдатам хорошо с молодыми офицерами». По словам подполковника, это была инициатива Хольмстона-Смысловского. «Бобриков дал понять, что мы сталкиваемся с трудным временем и должны быть очень осторожны. Шансы на победу в Германии низки, и нам, вероятно, скоро придется бежать. Поэтому понадобятся офицеры, которым можно было бы доверять, а в молодых людях, которые служили в Красной армии несколько месяцев назад, не было уверенности, отсюда их увольнение».⁹

Как оказалось, расчет на старых эмигрантов был ошибочным. В частности, главный редактор коллаборационистской «солдатской» газеты «Борьба», бывший полковник корниловской дивизии Евгений Месснер, который перешел на должность начальника оперативного отдела (IA) штаба 1-й РНА, бросил ехавших с ним в армию сотрудников¹⁰. Впрочем, аналогичным образом отнеслись к газетчикам и подсоветские служащие Хольмстона-Смысловского. Согласно дневнику журналиста «Борьбы», Георгия Томи-

---

⁶ Хольмстон-Смысловский ошибочно предполагал, что князь Лихтенштейна Франц-Иосиф II, был против насильственной репатриации коллаборантов в СССР, а ее инициатором выступал доктор Фроммельт. В реальности, вице-премьер лишь выполнял волю государя. Подробнее см.: *Мартынов А.* «Настало время, чтобы чины 1-й Русской национальной армии покинули страну»: К истории пребывания войск Хольмстона-Смысловского в Лихтенштейне // История отечественной коллаборации: Материалы и исследования. М., 2017. С. 339–345.

⁷ Вероятно, речь идет о военном совете Хольмстона-Смысловского с чинами штаба и командирами 2-го полка 18 апреля в Эшенбахе.

⁸ То есть бывшие военнослужащие Красной армии.

⁹ *Liechtenstein Landesarchiv (LI LA).* RF 230/043s/081.

¹⁰ *Полян П.* От Вены до Вадуца: дневник интернированного коллаборанта Г. Томина (Симона) (3 апреля — 2 октября 1945 г.) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 3 (14). С. 136–140.

на (Симона)¹¹ (запись от 19–20 апреля 1945 г.), командовавший авангардом 1-й РНА полковник Иван Соболев (полковник РККА Николай Тарасов) также бросил его коллег: «Штаб уезжает маленьким грузовичком. О нас не думают, спасая свою шкуру»¹².

Тем не менее, репрессии со стороны командования продолжали распространяться именно на недавних военнослужащих Красной армии. Спустя несколько дней, после описанного Рогачевским разговора, восемь офицеров и жена одного офицера (бывших командирами РККА) были тайно арестованы. Обер-лейтенант признавался, что «мы не знали точных причин. Ходили слухи, что арест был произведен гестапо, потому что это произошло ночью».¹³ Еще через несколько дней немецкие солдаты задержали двадцать солдат 1-й РНА за «недисциплинированность», но всем «нам было ясно, что здесь что-то не так, потому что они не были “недисциплинированными” людьми». Адъютант признавался: «меня очень интересовало то, что произошло, и я отправился на посты, чтобы узнать, кто совершил аресты той ночью. Один из часовых, которого я знал лично, потому что мы вместе сидели в лагере (для военнопленных. — А. М.)... сказал: “В ночное время появилась машина, когда два человека, вооруженные автоматами, сбежали”. Один из них был капитаном (его нет здесь в лагере в Шаане, так как он не пересекал границу), а другой все еще находится в лагере сегодня; это Барановский¹⁴. С этого момента я усомнился в том, что именно гестапо проводило аресты», и они не являлись следствием внутренней политики¹⁵.

Подобный скепсис Рогачевского не был лишен оснований. Ранее Хольмстону-Смысловскому удавалось предупреждать вмешательство тайной полиции рейха и вызволять задержанных. Так, например, когда в марте 1945 года немцами были взяты под стражу 26 солдат и офицеров 1-й РНА, командующий добился их освобождения¹⁶.

---

¹¹ В историографии также встречается другое написание его фамилии: Симон-Томин. См., напр.: *Грибков И., Жуков Д., Ковтун И.* Особый штаб «Россия». С. 323

¹² *Полян П.* От Вены до Вадуца: дневник интернированного коллаборанта Г. Томина (Симона). С. 141.

¹³ LI LA. RF 230/043s/081.

¹⁴ Лейтенант Александр Барановский.

¹⁵ LI LA. RF 230/043s/081.

¹⁶ *Грибков И., Жуков Д., Ковтун И.* Особый штаб «Россия». С. 293.

Обер-лейтенант «на следующий день... вернулся к Бобрикову, который, читая газету, спросил меня о настроении и слухах в полку. Я ответил ему, что ходят слухи, будто аресты были произведены не гестапо, а офицерами Зондерштаба Р. Я также сказал ему, что это и мое мнение. Бобриков отложил газету в сторону, и я увидел, что он был немного поражен. Он сказал мне, что ничего не знает, но он думал, что гестапо совершило аресты. Через полчаса меня снова вызвал Бобриков, который приказал мне позаботиться о том, что бы слухи были опровергнуты и началась подготовка к походу, но пока не сообщилось солдатам о его цели»¹⁷.

Впрочем, проявления нездорового состояния в 1-й РНА не исчерпывалось только напряженностью между эмигрантами и недавними «советчиками».

Рогачевский также свидетельствовал о массовых кражах у местного населения. После того, как 16 апреля коллаборанты проехали Мюнхен, «недалеко от Регенсбурга мы выгрузились и пошли пешком». Точнее, сотрудники штаба и офицеры-эмигранты ехали на машинах и иных транспортных средствах, а солдаты шли пешком или передвигались на велосипедах. «Не знаю, были ли автомобили взяты незаконно, велосипеды — точно».¹⁸ Впрочем, с грабежами пытались бороться: так, согласно дневниковой записи от 28 апреля Георгия Томина (Симона), «за воровство вчера двое расстреляно»¹⁹. Но, судя по всему, безуспешно.

Рассказывая о дальнейшем ходе марша, Рогачевский первоначально опустил факты казней, связанных с подозрениями в измене. Но на специально заданный вопрос о них он тот час ответил, что в пути действительно происходили расстрелы: «казнь двух военнослужащих нашего полка состоялась в Оберштауфене» за пять дней до интернирования «в чистом поле вечером» в десяти метрах от деревни. Приказ был зачитан командиром батальона капитаном Александром Мирошниковым²⁰. Расстрельную команду (семь рядовых²¹) возглавил сам обер-лейтенант, до этого командовавший охраной арестованных. В ходе приведения приговора

---

¹⁷ LI LA RF 230/043s/081.

¹⁸ LI LA RF 230/043s/081.

¹⁹ *Полян П.* От Вены до Вадуца: дневник интернированного коллаборанта Г. Томина (Симона). С. 144.

²⁰ Бывший старший лейтенант РККА (ТАРФ. Ф. р-9526. Оп. 6. Д. 1226. Л. 145).

²¹ Рогачевский вспоминал: «я вызвал добровольцев, и их было около 12 человек» (LI LA RF 230/043s/081).

в исполнение появилось два немецких самолета, которые первоначально приняли за французские. Все, в том числе осужденные, бросились бежать. В итоге, они были задержаны у железной дороги и расстреляны. Всего же штабом было вынесено три приговора. Но за третьего, ефрейтора Григория Лобанова²², Рогачевский и несколько других военнослужащих поручились перед Бобриковым, что он не является советским разведчиком.²³

Касаясь морального состояния чинов 1-й РНА и просоветских настроений, следует отметить, что после интернирования в Лихтенштейне, по разным подсчетам, от 214 до 374 человек добровольно изъявило желание вернуться на родину²⁴. Интересно, что на 14 мая 1945 г., то есть десять дней спустя после перехода границы, таковых «добровольцев смерти», как их называли оставшиеся²⁵, было, согласно «Отчету об интернировании и условиях в лагерях 1-й Русской национальной армии вермахта в Лихтенштейне» уже 186²⁶.

С появлением коллаборантов в самом Лихтенштейне увеличились нагрузки на местные силы правопорядка. Они не ограничились расследованием подготовки покушения на вице-премьера. Кражи велосипедов, о которых вспоминал Рогачевский, продолжались и в княжестве²⁷. К ним также прибавились незаконные пересечения границы со Швейцарией и пьянство, что привело к депортации ряда чинов армии во французскую оккупационную зону²⁸.

Подобные настроения внутри 1-й РНА опровергают утверждения самого Бориса Хольмстона-Смысловского, стремившегося создать миф вокруг своего соединения как о спящем кровью един-

²² Бывший рядовой РККА, пропал без вести в мае 1942 г. (ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977521. Д. 138. Л. 2). 29 января 1947 г. вернулся в СССР (ГАРФ. Ф. р-9526. Оп. 6. Д. 1226. Л. 144).

²³ LI LA. RF 230/043s/081.

²⁴ Подсчитано по: *Дробязко С.* Эпопея генерала Смысловского. С. 130; *Грибов И., Жуков Д., Ковтун И.* Особый штаб «Россия». С. 353–361.

²⁵ *Geiger P., Schlapp M.* Russen in Liechtenstein. S. 345. Ср. с записью Томина (Симона) от 17–18 мая: «“Добровольцев смерти” все больше и больше» (*Поян П.* От Вены до Вадуца: дневник интернированного коллаборанта Г. Томина (Симона). С. 148).

²⁶ LI LA. RF 230/043v/021.

²⁷ LI LA. RF 230/043s/081.

²⁸ Согласно полицейскому отчету от 29 ноября 1945 г., подлежали выслаке 5 человек. Один из них, Георгий Гарневич, 17 ноября 1945 г. «пьяный тайно хотел покинуть лагерь. Был взят под стражу в полиции, где затем повредил камеру» (LI LA. RF 230/043s/005).

стве идейных борцов с коммунизмом, которые «взаимодействовали только с немецким вермахтом», так как он, «будучи единственным, кто имел власть, воевал против Советской России»²⁹. Одновременно генерал стремился дистанцироваться от других коллаборантов, не отличавшихся разборчивостью в выборе союзников (СС), подчеркивая, что его подчиненные не имели «ничего общего с Власовым или частями казаков»³⁰.

В реальности сотрудничество с Гитлером накладывало отпечаток не только на формы и методы, которыми велась война, но и на цели и идеологию самих коллаборантов. И в данном контексте невысокий уровень дисциплины свидетельствовал о низкой мотивированности ее бойцов, неверии их в свои идеалы.

---

²⁹ LI LA. RF 230/043v/017. Письмо князю Лихтенштейна Францу-Иосифу II от 10 мая 1945 г.

³⁰ LI LA. RF 230/043v/017.

Владимир А. Козлов, Марина Козлова

НА ИЗЛЕТЕ ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА: КУЛЬТ БДИТЕЛЬНОСТИ И РИТУАЛЫ СЕКРЕТНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРА- ЦИИ В ГЕРМАНИИ, 1945–1949)¹

Тезис о секретности, густой пеленой окутавшей сталинское общество на его излете, вполне можно считать историографиче-

---

¹ Статья продолжает цикл публикаций по социальной истории советского оккупационного сообщества в Германии (1945–1949). См.: *Козлов В. А., Козлова М. Е.* «Бесчинства» как управленческий концепт. К пониманию военно-бюрократической культуры советского оккупационного режима в Германии (1945–1949 гг.) // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XIV. М., 2013; *Козлов В. А., Козлова М. Е.* Жилище как трофей: квартирный вопрос в бюрократических практиках и личных стратегиях сотрудников Советской военной администрации в Германии (1945–1949) // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XVI. М., 2014; *Козлов В. А., Козлова М. Е.* Операционные коды советской кадровой политики эпохи позднего сталинизма. (По материалам Советской военной администрации в Германии, 1945–1949) // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XXI. М., 2017; *Козлов В. А., Козлова М. Е.* Поздний сталинизм как идеологическая практика. Партийная жизнь советских коммунистов в оккупированной Германии. 1945–1949 гг. // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2018 [14] // Под ред. М. А. Колерова. М., 2018; *Козлов В. А., Козлова М. Е.* Зарплатные парадоксы Советской военной администрации в Германии (1945–1949) // История — Ostkraft. 2018. № 5; *Козлов В. А., Козлова М. Е.* Принуждение к добровольности: «сталинский человек» и послевоенные займы (по материалам Советской военной администрации в Германии. 1946–1949 гг.) // История — Ostkraft. 2018. № 2; *Vladimir A. Kozlov, Marina E. Kozlova.* Il regime di occupazione sovietico in Germania. Le dissonanze cognitive di un "rigido ordine militare" (1945–1949) // Prefazione e traduzione di Francesco Benvenuti. Aracne, L'altra Europa, Collana di storia Dell'Europa orientale / 2. Roma, 2014.

ским трюизмом. «Безразборная»², «избыточная»³ секретность конца 1920–30-х гг. в послевоенный период достигла своего апогея. Поздний сталинизм переполнился государственными, военными, служебными, партийными и, наверно, даже комсомольскими и колхозными секретами. «Секретность» — это не только целая область существования в социуме государственной и служебной тайны, ареал ее функционирования, деятельность партии-государства по ее обеспечению, но также и повседневные практики «сталинского человека», соприкасавшегося с секретной сферой и отягощенного постоянными призывами к бдительности. Секреты в сталинское время, как и теперь, доверяли не всем, зато бдительности требовали от каждого.

«Ритуалы секретности»⁴ были настолько органичной сферой жизни сотрудника Советской военной администрации в Германии (СВАГ), что воспринимались как воздух, существование которого начинаешь замечать, только ощутив бюрократическое удушье. Все социальное пространство, в котором обитали сваговцы, высшее руководство пыталось наполнить этим «воздухом», качество которого проверялось «большевистской бдительностью». СВАГ как любое военное учреждение, тем более находившееся за границей, должен был особенно строго охранять государственные, военные и служебные тайны. Здесь надо было «секретить» информацию не только от врагов, они же бывшие союзники, но и соблюдать целый ряд специфических оккупационных ограничений. Как выразился начальник Отдела контрразведки Смерш Управления Советской военной администрации (УСВА) провинции Бранденбург, «государственная тайна политики советского государства на территории Германии» не должна была стать «достоянием немецкого населения»⁵.

---

² Фатьянов А. А., Корсун Р. В., Баев М. О. Институт государственной тайны как атрибут реализации властных полномочий // Вестник ВИ МВД России. 2007. № 1: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-gosudarstvennoy-tayny-kak-atribut-realizatsii-vlastnyh-polnomochiy>.

³ Парамонов В. Н. Секретность в советском обществе 1920–1940-х гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2/2 (93). С. 131: <https://cyberleninka.ru/article/v/sekretnost-v-sovetskom-obschestve-v-1920-1940-h-gg>.

⁴ Выражение принадлежит М. Геллеру: Геллер М. Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994: https://royallib.com/read/geller_mihail/mashina_i_vintiki.html.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 86. Л. 51.

Судя по ориентировочному перечню документов СВАГ, составлявших военную и государственную тайну (работа над этим перечнем шла на протяжении всей истории СВАГ, но так и не была закончена), от немцев нужно было скрывать почти все, даже то, что их непосредственно касалось: планы производства промышленности, обзоры по сельскому хозяйству, материалы о выявлении и преследовании нацистских преступников, переписку о работе немецких школ и вузов, сводные материалы по социальному страхованию, жилищным вопросам и многое, многое другое⁶. Как именно при таком количестве секретных ограничений удавалось в принципе «управлять Германией» (выражение М. И. Семиряги⁷) было сокровенной тайной советской бюрократической машины, которую еще предстоит разгадать. А пока спойлер. Речь, в конечном счете, пойдет о советской культуре целесообразных нарушений, возможно одной из самых парадоксальных черт сталинской системы.

МАЙ—ДЕКАБРЬ 1945: «ЗАТРАТНАЯ» СЕКРЕТНОСТЬ И ДЕФИЦИТЫ БДИТЕЛЬНОСТИ

«Налаживание секретности» предполагало соблюдение массы специфических условий — затратных и сложных в материально-техническом и организационном плане: сейфы, рабочие папки, спецпакеты, принадлежности для опечатывания, комнаты с решетками на окнах, обитые железом двери, круглосуточная охрана секретных частей, специальная печь для сжигания черновиков... Требовались опытные, благонадежные делопроизводители, знакомые с правилами ведения секретной переписки и имеющие допуск к такой работе. В первые месяцы существования СВАГ, созданного через месяц после капитуляции Германии, выполнить подобные требования было практически невозможно.

Только в Штабе СВАГ и (отчасти) в штабах Управлений СВА земель и провинций проблемы обеспечения секретного делопроизводства удалось решить сравнительно быстро. Отбор работни-

⁶ См.: Примерный ведомственный (сваговский) перечень документов, составляющих государственную и военную тайну, составленный в 1948 г. в Управлениях СВА земель: ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 60. Л. 49–70; Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 22. Л. 124–138.

⁷ Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. М., 1995.

ков для Канцелярии проводили лично начальник Штаба и его заместитель. Без ложной скромности сотрудники канцелярии, писавшие ее историю, утверждали, что «этот тщательный подбор» полностью себя оправдал⁸: «не было утери или хищения секретных и совершенно секретных документов»⁹. Заслужила похвалы за «аккуратность заведения» дел и чистоту заполнения журналов входящих и исходящих бумаг секретная часть канцелярии УСВА провинции Бранденбург¹⁰. Повезло с делопроизводителями и некоторым городским военным комендатурам. В декабре 1945 г. заведующему делопроизводством военной комендатуры г. Треббин младшему лейтенанту Добровольскому вынесли даже благодарность в приказе «за хорошее состояние секретного делопроизводства»¹¹.

Однако в первое послевоенное полугодие подобные похвалы и благодарности были скорее редким, если не редчайшим исключением, а в определенном смысле — бюрократическим преувеличением. Это и показала массовая проверка, проведенная в СВАГ осенью 1945 г.¹² Состояние большинства секретных делопроиз-

---

⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 1. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 39.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 26. Л. 124.

¹¹ Там же. Л. 210.

¹² В провинции Саксония в комендатуре округа Мерзебург во время проверки не смогли найти 30 секретных документов, а 68 секретных бумаг просто забыли зарегистрировать. Получены они были не через пункт сбора документов, как положено, а непонятно каким путем. В некоторых комендатурах, чтобы ускорить «путь простой корреспонденции», на ней ставили гриф «секретно» и произвольный номер, совершенно запутывая делопроизводство (ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 5. Л. 45–47). В управлении военного коменданта Магдебургского округа комиссии не смогли предъявить 245 секретных документов, что, впрочем, неудивительно. Офицеры комендатуры выдавали секретные документы без расписки, забывали их подшивать, не вели описей секретной корреспонденции, а сами секретные бумаги обычно хранили в столах или «в шкафах без запоров». Особенно отличилось отделение кадров. Его сотрудники для ускорения процесса издавали секретные документы с вымышленными номерами, которые нигде не учитывались (ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 10. Л. 10–15). В других землях и провинциях положение было не лучше. В провинции Бранденбург секретная переписка окружных комендатур гг. Бернау, Коттбус, Эберсвальде находилась в «плохом состоянии», а ситуация с секретностью в комендатуре г. Бранденбург была доведена «завделом» до состояния «хаотического», то есть вообще не заслуживала какой-либо качественной оценки (ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 26. Л. 124–125). В провинции Мекленбург после ревизии 17 комендатур Штеттинского округа выяснилось, что «во всех проверенных комендатурах секретное делопроизводство ведется неправильно» (ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп.

водств было признано неудовлетворительным. Оказалось, что почти каждый второй сотрудник, занимавшийся секретной работой, не имел никакого практического опыта и плохо знал приказы и наставления по делопроизводству¹³. Было велено срочно исправить нарушения. В качестве паллиатива предложили провести одно-двухдневные семинары «секретчиков». Семинары провели. Но чуда не случилось. Кардинальных улучшений, о которых следовало доложить уже к 1 ноября, дожидаться (и добиваться) пришлось еще очень долго.

Командование также потребовало, чтобы весь сержантский, рядовой и вольнонаемный состав, соприкасающийся с секретными документами, был оформлен должным порядком через органы Смерш. Однако процедура была не быстрой. На каждого сотрудника надо было собрать целый пакет документов, пронумерованных и подшитых, и «отдельной папкой» выслать в Отдел контрразведки Смерш¹⁴. Среди прочего следовало указать, что рекомендуемый в политическом отношении «устойчив». И пояснить: не принадлежал ли он к антипартийным группировкам, не служил ли «в старой армии», не подвергались ли аресту его ближайшие родственники, бывал ли он за границей и нет ли там его знакомых и родных. И конечно: был ли в плену или в окружении, проживали ли родственники на оккупированной территории?¹⁵ Далее начиналась никому до сих пор неведомая работа контрразведки по проверке претендента на должность, включающая рассылку запросов, поиск компромата, проверку родственных связей. Особенно строго проверяли «секретчиков», т. е. ответственных за секретное делопроизводство. После получения допу-

---

1. Д. 68. Л. 45). В федеральной земле Тюрингия, как показала проверка, секретные делопроизводства не только в комендатурах, но и в канцелярии управления, не были «налажены» (ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 2. Л. 19).

¹³ См.: Приказание по СВАГ № 010 от 16 октября 1945 г. «О состоянии секретного делопроизводства в штабах, управлениях и комендатурах СВА в Германии» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 12. Л. 20–21).

¹⁴ Комплект обязательных документов включал в себя: 1. Листок по учету кадров, заверенный непосредственным начальником. 2. Подробную автобиографию. 3. Служебную характеристику. 4. Партийную или комсомольскую характеристику, заверенную Политотделом. 5. Для беспартийных — 1 рекомендация члена ВКП (б). 6. Список родственников и знакомых, проживающих в данном городе или окрестностях или работающих в одном органе (с указанием адреса и места работы). 7. Официальное отношение командования с ходатайством на допуск (ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 86. Л. 51).

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 27. Л. 76–85.

ска сотрудник давал подписку о неразглашении, которая отсылалась в отделы контрразведки Смерш. «Подписавшиеся» обязывались сообщать секретному отделу обо всех «родственниках и знакомых, связанных с иностранцами или выезжавших за границу»¹⁶. Если в допуске отказывали, то объяснениями не утруждались, а результаты проверки оставались служебной тайной.

Многие из тех, кто соприкасался с секретной информацией, например, переводчики, не только не имели допуска, но вряд ли могли его получить. На работу в комендатуры приходилось привлекать совершенно случайных людей, лишь бы они были достаточно грамотны, умели немного печатать и знали немецкий язык — репатриантов, военнопленных и других подозрительных по советским меркам личностей, например, «бывших русских немцев»¹⁷. Иногда писарями и машинистками трудились и немцы, владевшие русским языком¹⁸. Потребность в переводчиках была так велика, что для работы могли привлечь даже члена фашистской партии¹⁹. Некоторые руководители были готовы «для пользы дела» пойти на обман — рапортовали, что с «допусками» все в порядке. Их ловили за руку и за «неправдивые доклады» наказывали²⁰, но это никак не утоляло кадрового голода. Так, к огромному сожалению высокого начальства, оккупационные компетенции назначенных в комендатуры боевых офицеров, которые в абсолютном большинстве своем не знали немецкого языка и Германии, пришлось «достраивать» за счет репатриантов и бывших военнопленных. В результате доля сотрудников, «работавших с секретами», но не имевших допуска Смерш, была поначалу непомерно велика. Особенно в военных комендатурах.

Победная эйфория, когда союзники по коалиции еще не стали бывшими, а побежденные и деморализованные немцы не воспринимались как угроза, благоприятствовала несколько расслабленному отношению сваговцев к советским правилам при подборе кадров. Правда, уже в августе 1945 г., (первым из высшего оккупационного руководства) забил тревогу начальник СВА федеральной земли Тюрингия генерал-полковник В. И. Чуйков. Он не только обратил внимание, что в военной администрации земли постоянно нарушают

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 27. Л. 83.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 3. Д. 9.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 28. Л. 160; Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 29. Л. 195.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 30. Л. 51.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 32. Л. 312–313.

и срывают (точнее уже давно сорвали и нарушили) выполнение постановления ГКО от 22 мая 1945 г., установившего 10-дневный (!) срок проверки и отправки по месту жительства гражданских репатриантов²¹, но и заметил явное «оседание» некоторых из них в Тюрингии²². Начальник СВА был возмущен, что «подлежащие репатриации» находят себе «пристанище и укрывательство» на работах в военных комендатурах, а военные коменданты, демонстрируя «недопустимую мягкотелость и притупление чувства политической бдительности», оставляют «подозрительные элементы» по всяким «незаконным причинам»: «сожительство с немкой или с немцем, наличие семьи, отсутствие [в СССР] дома, хозяйства, незнание местонахождения своих родных» и даже наличие какой-то собственности в Тюрингии. Подобная засоренность, утверждал начальник СВА, привела к тому, что «вскрыты факты разглашения военных секретов, передачи сведений, не подлежащих оглашению среди немецкого населения, и прямого шпионажа».

Чуйков потребовал в течение трех дней отправить в сборные и фильтрационные пункты всех без исключения репатриантов. Но вся его начальственная строгость куда-то испарилась, когда речь зашла о делах насущных. В том же приказе, признав безвыходность кадровой ситуации, он разрешил «в силу временного отсутствия должного количества переводчиков и машинисток», использовать на работе «советских граждан-репатриантов, проживавших в СССР в границах 1940 г. (за исключением т. н. русских немцев)». Прекрасно понимая ситуацию с кадрами, Чуйков-прагматик благоразумно очертил границы бдительности, разрешив выбирать из неблагонадежных наименее подозрительных²³.

Даже у идеального военного коменданта подполковника Лубенцова, главного героя романа Э. Казакевича «Дом на площади», переводчицами работали две девушки из числа репатрианток. Они имели доступ и к служебным тайнам комендатуры, но, разумеется, понятия не имели ни о каких секретных «допусках». По-

---

²¹ Земсков В. Н. Репатриация советских перемещённых лиц в 1944–1952 годах // Политическое просвещение, 2016. № 2 (91). С. 72. Подробнее о проблемах репатриации и репатриантов см.: Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М., 1996; Арзамаскин Ю. Н. Заложники второй мировой войны: Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М., 2001; и др.

²² ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 3. Л. 9–10.

²³ Там же.

казательно, что крайне щепетильный во всех отношениях главный герой Казакевича не видел в подобной ситуации никакого криминала. Хотя по правилам, из которых в СВАГ, задыхавшемся без людей, знающих Германию и немецкий язык, постоянно делали исключения, обеих девушек следовало отправить на проверку в фильтрационный лагерь.

В весьма достоверном, в том числе в деталях и частностях, романе Казакевича нашлось место и для разложившегося барахольщика и перебежчика на Запад, и для карьериста, готового по первому намеку начальства осуждать главного героя на активе в провинциальном Управлении СВА, и принципиального, но ограниченно-го службиста. Другими словами, автор прекрасно знал «особые» оккупационные реалии. Ведь, по некоторым сведениям, до демобилизации (в 1946 г.) писатель сам служил в комендатуре г. Галле. Более того, Казакевич был не понаслышке знаком со сталинскими секретностью и бдительностью. Войну он закончил в разведывательном отделе 48-й армии, а еще в 1937 году перевел на идиш брошюру С. Уранова «О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок»²⁴. Одним словом, будучи человеком весьма осведомленным, Казакевич, описавший в романе даже методы вербовки какой-то американской спецслужбы, не стал бы вводить в повествование двух героинь с сомнительным прошлым (у одной из них, оказалось, кстати, и вполне сомнительное настоящее, что не помешало работе в комендатуре), если бы не был уверен, что после войны это была вполне заурядная практика. Тем более не рискнул бы его подполковник Лубенцов приватно общаться с немецким бургомистром и жить в его доме, если бы подобный «несекретный» порядок вещей не был достаточно широко распространен в первые месяцы существования военной администрации, когда соображения оперативности, целесообразности или удобства доминировали над секретностью. Во время работы над романом Казакевич не мог не знать, что подобное частное общение, как и проживание «у немцев», прием на работу репатриантов или использование пожилого эмигранта в качестве переводчика были впоследствии запрещены. Но без подобных нарушений СВАГ в силу острейшего кадрового голода просто не смог бы

---

²⁴ <https://md-eksperiment.org/post/20170412-biografiya-emmanuila-kazakevicha>; <https://home-task.com/biografiya-kazakevich-emmanuil-genrixovich>; <http://readly.ru/author/18389>.

начать свою деятельность, запутавшись в паутине смершевских допусков и советских преубеждений.

Мало того, в октябре 1945 г. Управлениям СВА земель и провинций официально разрешили зачислять на должности вольнонаемного состава «репатриированных советских граждан, изъявивших желание остаться работать на один год». Были установлены штатные лимиты. Каждое Управление СВА могло законным образом оформить на работу от 150 до 200 человек, а Административно-хозяйственное управление Штаба СВАГ — 300 репатриантов²⁵. Так выглядели первые попытки статусных трансформаций «полезных репатриантов» — «перевод из числа репатриированных в вольнонаемные»²⁶. Надо сказать, что кадровые запросы комендатур значительно превышали выделенные лимиты²⁷. И было совершенно очевидно, что в конце 1945 г. без репатриантов нормальная работа невозможна. Понятно, что военные коменданты дорожили этими людьми и расставались с ними неохотно, особенно с теми, кто имел хорошее образование или полезную специальность. Таких сотрудников, несмотря на их социальную неблагонадежность, старались не отпускать из СВАГ. Известны случаи, когда подлежащих «удалению» репатриантов, не «санкционированных» Смерш, скрывали от начальственного глаза и даже шли на обман — докладывали об их отправке в лагерь на фильтрацию²⁸. А что было делать? Если не хитрить и идти официальным путем, повторно просить начальство утвердить в должности не получившего допуск «отличного переводчика» (и к тому же инженера-экономиста, которых катастрофически не хватало), то можно было нарваться на вышестоящий окрик: «Вам уже отказано!»²⁹. В результате кадровые импровизации продолжались. Установленные в октябре 1945 г. и подтвержденные в марте

---

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 7. Л. 58.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 73. Л. 103.

²⁷ Определенное представление о об этой проблеме дает документ, датированный 12 октября 1945 г. Речь идет о «Сведениях о количестве репатриированных граждан СССР, находящихся в комендатурах федеральной земли Саксония»: всего числилось в комендатурах переводчиков — репатриантов — 247 человек, обслуживающего персонала — 439 человек. Но все равно и тех, и других не хватало. Требовалось еще 164 человека. Также «ввиду некомплекта» рядового и сержантского состава должности военнослужащих занимали 48 репатриантов призывного возраста (ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 140. Л. 36).

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 12. Л. 175.

²⁹ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 93. Л. 211.

1946 г. лимиты «на репатриантов» были превышены почти в два раза — 2 745 человек вместо 1 500³⁰. И это только официально оформленные сотрудники.

Поздней осенью 1945 г. «секретный» дискурс был стремительно выведен за делопроизводственные и кадровые рамки и дополнен страшными словами «шпионаж» и «вербовка». Маршал Жуков пришел к выводу, что утечки секретной информации происходят через свободное общение с союзниками и немцами, и попытался развернуть советское оккупационное сообщество к традиционному пониманию бдительности как важного условия сохранения государственной и военной тайны, перекрыть каналы доступа к чувствительной информации, укрепить советскую стену секретности, в которой под влиянием победной весенне-летней эйфории появились разрывы и трещины. 16 ноября 1945 г. был подписан и размножен типографским способом (отпечатано 87 экз.) совершенно секретный приказ Главнокомандующего Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) № 0016 «О повышении бдительности офицерского состава»³¹. Действие этого приказа распространялось и на СВАГ.

Непосредственным поводом для издания документа и его широкого распространения (несмотря на особую секретность) послужил неприятный эпизод вербовки иностранной военной разведкой советского офицера М. Едва ли не главной предпосылкой потери бдительности и предательства маршал Жуков назвал (вернее показал на примере) сохранявшуюся эйфорию от условной встречи на Эльбе и сложившийся к тому времени в Советской зоне оккупации (СЗО) относительно свободный образ жизни «советских оккупантов». Он довольно подробно описал в приказе обстоятельства скандального происшествия: «Состоящий в резерве офицер М. в течение трех месяцев никакой работы по службе не выполнял и от безделья вместе с другими офицерами начал посещать рестораны и увеселительные места в городе Берлине, в результате познакомился с иностранными офицерами и в течение месяца вместе с ними выпивал и общался с немцами. При этом иностранные офицеры неоднократно оказывали мелкие услуги нашему офицеру, после чего и от него потребовали оказать услугу «по сбору кой-каких сведений». Офицер М. дал на это согласие

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 20. Д. 17. Л. 283.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 11. Л. 82–86.

и с этого должна была бы начаться его работа в пользу иностранной разведки, но он вовремя был арестован»³².

Изданный Жуковым приказ носил прецедентный характер. На основе частного факта маршал хотел предостеречь своих офицеров, а также призвать к бдительности тех, кто за этими офицерами должен был присматривать. Заметим попутно, что фабула предательства капитана Воробейцева, отрицательного персонажа уже упоминавшегося романа Э. Казакевича, очень похожа на историю падения офицера М. из приказа Жукова. Казакевич, вероятно, был знаком с этим документом или стал очевидцем какой-то похожей истории.

Жуков приказал включить в план командирской учебы три двухчасовые лекции на тему: «Военный шпионаж и борьба с ним», а в группах резерва — «установить такой распорядок, который совершенно исключал бы самовольные отлучки и безделье офицеров». Одновременно с приказом Жукова 16 ноября 1945 г. появилась и директива начальника Политического управления ГСОВГ М. М. Пронина, напомнившая офицерам Группы и сотрудникам СВАГ еще и о партийной бдительности. Генерал обвинил подчиненные ему политические органы в том, что «коммунисты плохо воспитываются в духе партийной бдительности, им не подчеркивается, что они находятся в особых условиях, на вражеской территории в непосредственном капиталистическом окружении». Пронин настаивал, что режим секретности распространяется не только на партийную документацию (протоколы, отчеты и т. д.), но и на партийные билеты коммунистов, поскольку «утерянный на вражеской территории парт[ийный] документ может попасть в руки врага и использован против нас»³³.

Спустя месяц «шпионский» дискурс был дополнен новыми смыслами. На свет появилось Директивное указание Главного начальствующего СВАГ — Главнокомандующего ГСОВГ № 00285 от 18 декабря 1945 г. «о повышении бдительности и настороженности». Ссылаясь на оперативную информацию Жуков подчеркнул, что «иностранная разведка рассчитывает на получение значительных сведений о Красной армии через общение с нашими гене-

---

³² Там же.

³³ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 45. Л. 116–118. См. также: *Козлов В. А., Козлова М. Е.* Поздний сталинизм как идеологическая практика. Партийная жизнь советских коммунистов в оккупированной Германии.

ралами и офицерами»³⁴. Документ разослали в управления и военные комендатуры. Офицеров ознакомили с его содержанием под расписку.

В ноябре—декабре 1945 г. в СВАГ и УСВА земель и провинций, а также в военных комендатурах политработники провели беседы и занятия «Быть особенно бдительным». Наполненную «революционной бдительностью» директиву «детально изучили» на офицерских собраниях, а на красноармейских — «подняли вопрос» о сохранении военной тайны³⁵. Немногие сохранившиеся документы передают атмосферу проходивших в то время собраний и обсуждений. После доклада в комендатуре г. Мюльхаузен, как заверял руководство начальник политотдела УСВА федеральной земли Тюрингия, «офицеры сами развернули критику недобросовестной работы отдельных военнослужащих». Были приведены факты, когда офицеры Х. и Ф. (откомандированные из комендатуры), «потеряв офицерский облик и всякую бдительность, якшались с немками, пьянствовали вместе с ними [...] и являлись, по существу находкой для шпионов». Но эти филиппики были адресованы тем, кто уже был наказан и на собрании не присутствовал. Действующих сослуживцев в разгромной «самокритике» постарались не упоминать. То ли не за что было, то ли не захотели становиться доносчиками. Так оживал (и пытался прижиться) в советском оккупационном сообществе плакатный советский жупел. Железный занавес еще не опустился, а обиденный политический язык уже готовился к этому событию. Неудивительно, что в качестве вопиющего факта потери бдительности на собрании в комендатуре Мюльхаузена прозвучал пример об ужасном грехопадении офицера К. Он имел несчастье «подарить фотокарточку немцу»³⁶.

1946 ГОД: ПОЛИТИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ

В 1946 г. руководство СВАГ продолжало расширять тревожную зону своих «секретных» озабоченностей. Проблему сохран-

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 66. Л. 625.

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 13. Л. 360; Д. 138. Л. 181; Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 83. Л. 409; Д. 66. Л. 625.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 54. Л. 6–7.

ности сваговских тайн начали осознанно выводить за бюрократические и организационные рамки — в сферу политической благонадежности. «Охраняемое пространство» теоретически включало в себя не только всех работников, но и жен, сожительниц, прислугу, знакомых немцев, случайных попутчиков и даже оставшихся в СССР друзей и родственников, с которыми сотрудники СВАГ поддерживали личную переписку. Речь шла обо всех, через кого могли происходить случайные утечки информации. Следовало наполнить дискурс секретности политическими смыслами и вернуться к советскому довоенному эталону, а значит обеспечить благонадежность не только всех сотрудников вплоть до самых низких должностей, но и тех, кто мог просто краем уха слышать или краем глаза видеть не только служебные секреты, но и сам *modus operandi* оккупационных учреждений и *modus vivendi* советского оккупационного сообщества.

Начальникам еще раз напомнили о необходимости отправить в фильтрационно-проверочные лагеря всех бывших военнопленных, как и женщин-репатрианток, «нигде не работающих, а живущих с офицерами как жены, но неоформленных браком». Требование немедленной отправки в СССР не распространялось только на тех, кто в течение одной-двух недель после издания соответствующих приказов по УСВА земель и провинций успевал официально оформить брачные отношения. Заодно постарались избавиться и от «прислуги офицеров» из числа репатрианток.

У «нужных» репатриантов, успевших попасть в штаты военных администраций и комендатур, тем более пройти фильтрацию, пока были шансы остаться в СЗО, по крайней мере, в рамках выделенных лимитов или даже за этими рамками — внештатно. В последнем случае работала обычная для Советской военной администрации культура целесообразных нарушений, игнорировавшая бдительность. Правда, далеко не все репатрианты считали СВАГ таким уж привлекательным местом работы, даже если эта работа иногда и на какое-то время помогала избавиться от клейма неблагонадежности. Они рвались домой, получая иной раз вдогонку: «Ну и езжайте в СССР, там будете дрова пилить!»³⁷. С теми, кто оказывался «ненужным», производили «полный расчет» и выделяли сопровождающего офицера. Он по акту («сдал» — «принял

---

³⁷ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 20. Д. 12. Л. 301.

женщин 2 (две)»³⁸ передавал репатрианта в фильтрационно-проверочный лагерь — в каждой земле и провинции свой.

В конце лета 1946 г. внимание руководства СВАГ привлек еще один подозрительный контингент — работающие в советских учреждениях немцы. Проверка показала, что в СВАГ «имеется значительное количество немецкого населения на различных работах», причем речь шла не только о техническом персонале, но и «научных сотрудников и высококвалифицированных специалистов», судьбу которых собирались решать индивидуально. Главнoначальствующий СВАГ пришел к выводу, что «существующий порядок найма и увольнения рабочих, служащих и домработниц из немецкого населения не гарантирует [от] проникновения в систему СВАГ уголовных преступников, политически-сомнительных и шпионско-фашистских элементов»³⁹.

Всех бывших членов фашистских организаций, а были и такие, приказали из органов СВАГ немедленно уволить, информацию о принятых и принимаемых на работу немцах — передать куда следует «по принадлежности». Было запрещено брать на работу немцев, проживающих вне советской зоны, за немногими персональными исключениями. Заодно был объявлен запрет на допуск немцев в военные городки и частные квартиры сотрудников — «без соответствующей проверки и регистрации». На так называемый списочный учет следовало поставить не только немцев, допущенных к работе в СВАГ, но и домашнюю прислугу. Анкета принимаемого на работу немца содержала вопросы об образовании, семейном положении, последнем месте работы, партийной принадлежности, членстве в профсоюзе, роде занятий, наличии близких родственников (где проживают, чем занимаются и не состояли ли раньше в СС, СА или НСДАП). Закончить этот «чисто-сердечный рассказ» о самом себе следовало вполне по-советски: «За дачу заведомо ложных сведений я буду отвечать по закону»⁴⁰.

Ясно, что в 1946 г. не только «немецкая», но и другие проблемы бдительности и секретности, заявившие о себе в 1945 г., все

---

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-7103. Оп. 2. Д. 15. Л. 69.

³⁹ См.: Приказание СВАГ № 067 от 13 августа 1946 г. с объявлением приказа Главнoначальствующего СВАГ «Об упорядочении учета немцев, работающих в управлениях, отделах, воинских частях, учреждениях и организациях СВАГ, а также в качестве домашней прислуги» (ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 31. Л. 154–158).

⁴⁰ Там же.

еще находились в стадии решения, и начальству приходилось подталкивать и поправлять подчиненных. Кроме того, руководителям СВАГ и УСВА постоянно приходилось реагировать на коллизии, которым, казалось бы, уже было предписано разрешиться. Весной 1946 г. были, например, зафиксированы нарушения режима секретности во время служебных телефонных разговоров. Вышло строгое приказание, в котором подобные случаи были названы «ненормальными явлениями». Сотрудников упрекнули в том, что они забывают, где находятся, — в оккупированной Германии, и что «кабельные линии связи, обеспечивающие телефонную связь с периферией, проходят по разным зонам оккупации», а обслуживающий персонал — немцы. «Имеется полная возможность подслушивания всех телефонных переговоров и наша военная и государственная тайна может быть разглашена», — говорилось в приказании. Обсуждать по телефону секретные вопросы было категорически запрещено⁴¹.

Казалось бы все ясно. Однако даже руководящая номенклатура СВАГ подобными запретами часто пренебрегала. Только что приняли к сведению новый запрет, но проходит всего два месяца, и жарким июльским днем 1946 г. несколько начальников из Управления СВА провинции Саксонии в Галле, распахивают окна в рабочих кабинетах, усаживаются на подоконники и громогласно обсуждают служебные дела — «в то время как на улице ходили немцы и слышали выкрики в телефонную трубку»⁴². Кто-то бдительный донес. Провинившиеся отделались замечанием.

Табу секретности попытались наложить и на членов семей сотрудников СВАГ. Так, начальник УСВА земли Тюрингии генерал-майор И. Д. Колесниченко приказал «в обязательном порядке» провести в августе и сентябре 1946 г. «специальные занятия с женами работников УСВА и военных комендатур. Три темы (из восьми заявленных) касались вопросов секретности. Офицерских жен, приехавших к месту службы мужей, политработники должны были предостеречь от пагубного легкомыслия и заграничных опасностей. Посещать подобные профилактические лекции «раз в неделю по понедельникам» было скучной, но неизбежной

---

⁴¹ См.: Приказание СВАГ № 019 от 5 апреля 1946 г. с объявлением приказа Главноначальствующего СВАГ «О разговорах по телефону по линиям связи Берлинских АТС и междугородной телефонной станции СВАГ» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 31. Л. 32–33).

⁴² ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 12. Л. 42.

повинностью жен. План занятий включал следующие «секретные» темы: «Формы и методы работы иностранных разведок»; «Находясь за рубежом родной страны будьте особенно бдительны», «Что является военной и государственной тайной»⁴³. Заодно жен предупреждали о возможных последствиях их «разговорчивости» для карьеры мужа.

Пока высшее руководство СВАГ пыталось оперативно реагировать на активизацию шпионской деятельности бывших союзников и разрывы в деликатной ткани секретности, ключевым нерешенным, хотя и постоянно решаемым вопросом оставалось налаживание секретного делопроизводства. В августе 1946 г. начальнику Политуправления СВАГ И. М. Андрееву пришлось докладывать начальнику Главпура генерал-полковнику Шикину, что проверка «секретного делопроизводства в провинциях, округах и комендатурах показала, что в ряде мест с этим обстоит явно неблагоприятно»⁴⁴. Особенно критически Андреев оценил ситуацию в федеральной земле Тюрингия. Он отметил утери нескольких секретных документов в ряде округов и даже в земельном Управлении СВА. В Готском округе из 29 работников, «сидевших» на секретном делопроизводстве, официально органами Смерш допущено было только три человека, шестеро побывали в плену, семь человек были на оккупированной немцами территории⁴⁵. Что касается федеральной земли Саксония, то там, как следует из доклада Андреева, «из 10 проверенных военных комендатур Хемницкого округа хорошо поставлено делопроизводство в 5 комендатурах, удовлетворительно в 4 и в одной признано плохим»⁴⁶. Начальник Политуправления СВАГ несколько сгладил ситуацию, выбрав всего один округ. В федеральной земле Саксония в первой половине 1946 г. было проведено более 400 проверок и обследований состояния секретной документации. И хотя комиссии отметили «значительное улучшение сохранения военной тайны» и даже называли комендатуры, где работа с секретными документами была «образцово-отличной», однако в целом по земле картина выглядела не так радостно: в 59 комендатурах состояние секретного делопроизводства было названо «неудовлетворительным». Но в до-

---

⁴³ ГАРФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 7. Л. 374.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 5. Л. 4–6.

⁴⁵ Там же. Л. 5–6.

⁴⁶ Там же.

несении наверх одна комендатура звучала лучше пятидесяти девяти. Умение правильно докладывать, вероятно, ценилось на вес золота.

В приказах и донесениях 1945–1946 гг. о наведении порядка в секретном делопроизводстве нарушителей секретности порой обвиняли лишь в «беспечности», «благодушии», «безответственности» и повторяли привычные клише о «недостаточности контроля» и «несерьезном отношении»⁴⁷. Безусловно серьезным должно было быть лишь наказание за утрату секретных документов — предание суду военного трибунала. Но даже здесь начальство, которому за подобные ЧП тоже могло не поздоровиться, старалось проявлять разумную сдержанность. В остальных случаях пытались вывести виновников из-под удара, ограничиться относительно мягким наказанием, напоминая о боевых и служебных заслугах и ссылаясь на беспечность. Возможно, за словом «беспечность» скрывалось состояние, в котором пребывала часть сотрудников СВАГ в 1945–1946 гг. Офицеры были молоды, исполнены эйфории от победы и открывшихся новых возможностей. В круг их приоритетных жизненных переживаний не очень вписывалась методичная, скрупулезная и, честно говоря, занудная работа с секретными документами, требующая педантичности и серьезных усилий.

Сотрудник Управления Политического советника СВАГ, вернувшийся в Москву из Германии, очень долго получал от своих коллег сердитые письма. Им пришлось «разгрести» оставленные коллегой завалы бумаг (возможно, и секретных, никто такое в письме не напишет) в рабочем столе и в шкафах⁴⁸. Так к документам относился 22-летний молодой человек, закончивший войну в Берлине и там же начавший свою карьеру в СВАГ. Он прекрасно знал, что бывает, когда, например, потеряешь ключ от шифровальной комнаты или куда-то засунешь служебную бумагу⁴⁹. Но почему-то это его не останавливало, и он продолжал весьма небрежно относиться к служебным документам. Разве дело в них? Вокруг необычный мир, уникальные впечатления, он влюблен, в голове — великие планы — поступить в институт, конечно, самый лучший, а тут пиши

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 30. Л. 50; Л. 229–230; Ф Р-7133. Оп. 1. Д. 5. Л. 47; Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 3. Л. 31; Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 5. Л. 5.

⁴⁸ Речь идет о Е. Г. Плимаке (Из личных воспоминаний Марины Козловой).

⁴⁹ Плимак Е. Г. Записки ветерана. На войне и после войны. М., 2005. С. 69–73.

черновик в рабочей тетради, сдавай его в секретную часть каждый вечер, утром забирай обратно, не оставляй без присмотра на столе, даже в обеденное время, снова сдавай под расписку. А за нужными для работы документами каждый раз отправляйся к «секретчику» ... На что уходит лучшее время жизни! Видимо, так думал не только он один. Но подобные «секретные» казусы имели и более будничное и прозаическое объяснение. Даже так называемые «ответственные работники» порой не были уверены, секретить ли подготовленные на подпись начальства документы?⁵⁰ А от них требовали прятать от чужих глаз какие-то черновики и не выбрасывать в мусорную корзину использованную копию.

Следует отметить, что у начальников управлений и отделов СВАГ и УСВА довольно часто складывались непростые отношения с работниками секретных частей. Чтобы избежать персональной ответственности, руководители отказывались расписываться за документы, «находящиеся у них на докладе». Ответственными за них оставались «секретчики». Подобные явления в Общем отделе Штаба СВАГ назвали «одним из крупнейших недостатков в работе каждой секретной части»⁵¹. Руководство могло не возвращать своевременно секретные документы, держать их у себя несколько дней и даже месяцев⁵², уносить домой или, «минуя секретную часть, вручать секретные бумаги исполнителям без расписки»⁵³. А на замечание «секретчиков», что хранить документы в письменном столе в квартире «не положено», можно было получить простодушный ответ: «Моя жена все время находится дома и поэтому охраняет документы»⁵⁴.

Почему сотрудники, занимающие ответственные посты, с каким-то неизбывным энтузиазмом шли на нарушения? А пото-

---

⁵⁰ Начальник Транспортного управления СВАГ генерал-майор П. А. Квашнин рассказывал, что ему пришлось самому разработать «ориентировочный перечень вопросов» на предмет секретности, поскольку ответственные работники управления подчас затруднялись определить, является ли документ секретным или нет, содержит он в себе элементы государственной или военной тайны или нет (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 38. Д. 38. Л. 116).

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 1. Л. 37.

⁵² Заместителю начальника УСВА провинции Мекленбург пришлось издать в августе 1945 г. специальное приказание, чтобы начальники отделов и секторов «немедленно» (курсив — автора документа) сдали в секретную часть все имеющиеся секретные бумаги (ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 11. Л. 173).

⁵³ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 29. Л. 284–286.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 27. Л. 256.

му, что они были типичными сталинскими трудоголиками. Их рабочий день длился намного дольше, чем у простых сотрудников. В 1946 г. руководству управлений и отделов было приказано после окончания работы (19.30) оставаться на службе до 22.30, чередуясь со своими заместителями. Иногда приходилось задерживаться и до глубокой ночи⁵⁵, а секретные части после рабочего дня печатались. Один из начальников, на вопрос, почему он хранит секретные документы без охраны в помещении конторы, оправдывался: «иногда приходится пользоваться ими круглосуточно». Виновника попытались припугнуть. Если он и дальше будет продолжать в том же духе, то ему не будут высылать секретную корреспонденцию, а все имеющиеся секретные документы изымут⁵⁶. Но вряд ли после этих пустых угроз офицер начал итальянскую забастовку и безнадежно бездельничал поздними длинными вечерами за пустым столом без нужных для работы бумаг.

1947 ГОД: «ВЫ СКАЗАЛИ СЛИШКОМ МНОГО!»

1947 год начался с двух прецедентных событий. 13 января 1947 г. приказом Главного начальствующего СВАГ — Главного командующего ГСОВГ № 001 было наложено взыскание на майора П. «за болтливость и непродуманные действия при выполнении служебного задания». Описание задания нарочито туманно. Но можно понять, что злополучный майор поделился со знакомыми немцами негативными отзывами сотрудников СВАГ о некоем «немецком общественном деятеле». Сплетня поползла дальше и добралась до ушей оскорбленного лица. Политработникам было предписано придать «политическое значение» этому частному эпизоду. Под привычный лейтмотив: «Находясь в Германии наши люди должны...», — сваговским «политрукам» приказали моби-

---

⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 31. Л. 75. Начальник Транспортного управления СВАГ Квашнин продлил время своей работы до 24 часов. Также должен был работать и начальник Железнодорожного отдела, остальные начальники отделов завершали свой рабочий день в 23.00, чередуясь со своими заместителями. Но какой смысл сидеть начальникам, если подчиненные отсутствуют, как решать возникающие вопросы? Для этого Квашнин установил ежедневное ночное дежурство по отделам с 23.00 до 10.00 следующего дня (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 39. Д. 15. Л. 124–125).

⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 28. Л. 71–72.

лизовать весь личный состав на «решительную борьбу со всякого рода болтливостью и разглашением военной и государственной тайны». Так сотрудников СВАГ попытались настроить на соответствующий политическому моменту тревожный лад⁵⁷.

Второе прецедентное событие произошло поздно вечером 25 января 1947 г. Старший лейтенант В., возвращаясь из Потсдама, «куда он был откомандирован для сдачи финансового отчета», при пересадке на станции в английском секторе «оставил в вагоне поезда портфель с копиями годовых финансовых отчетов и другими документами»⁵⁸. Впоследствии выяснилось, что потерянные документы не имели грифа секретности, хотя по всем действовавшим в то время правилам должны были его иметь. В этом упущении был виноват уже не старший лейтенант, а его начальник — подполковник интендантской службы Т. Формально В. не перевозил секретных документов и потерял обычную негрифованную документацию. Почему же тогда его решили отдать под суд военного трибунала? И зачем Главногоначальствующий СВАГ вдруг обратил внимание на эту мелкую «утерю», припомнив заодно и все похожие эпизоды прошлого года?

Для ответа на этот вопрос позволим себе политический каламбур: старший лейтенант В. попал под горячую руку начавшейся «холодной войны». Её первые дуновения очень быстро донеслись до советской зоны оккупации и отразились на повседневной работе СВАГ. В этой новой (не только геополитической, а и вполне обыденной) ситуации руководство совершенно не устраивало то, что «не все начальники управлений и отделов и их подчиненные уяснили себе необходимость проявления исключительной бдительности в хранении, перевозке секретных документов, особенно в условиях заграницы, где любой секретный или служебный документ может быть использован разведывательными органами иностранных государств»⁵⁹.

Учитывая разболтанное состояние «секретки», В. Д. Соколовский в феврале 1947 г. выступил уже с целой программой налаживания секретного делопроизводства и укрепления бдительности. Речь идет о приказе Главногоначальствующего СВАГ — Главнокомандующего ГСОВГ № 0010 от 19 февраля 1947 г. В доступных делах фон-

⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 11. Л. 19.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 43. Л. 201–202.

⁵⁹ Там же.

дов СВАГ этот документ отсутствует. Однако выпущенное «в соответствии» с ним и разрешенное для изучения приказание начальника УСВА провинции Саксония от 4 марта 1947 г.⁶⁰ вполне можно считать «конспектом» приказа Маршала Соколовского.

Идеальная комендатура, какой ее видел в начале 1947 г. Главнo-начальствующий СВАГ, должна была иметь специальное хранилище даже для «простых служебных бумаг». Это хранилище должно было находиться под постоянным наблюдением — охраны или дежурного. Ящики и столы в рабочих комнатах в нерабочее время надо было держать идеально пустыми — ни одной служебной бумажки. В мусорных корзинах — никаких черновиков и использованной копирки. Все эти следы служебной деятельности подлежали сбору и уничтожению (сжиганию). В тех помещениях, где бывают посторонние, особенно немцы, на стенах не должно висеть никаких секретных приказов, директив, списков личного состава, хотя это и удобно для дела. Немцы, работающие в комендатурах, должны быть поголовно проверены оперативными секторами на анкетную благонадежность. Немки-уборщицы работают в служебных помещениях только под присмотром сотрудника комендатуры.

В феврале—апреле 1947 г. этот бюрократический идеал так и остался руководящей мечтой. Зато над служебными кабинетами и рабочими комнатами пронесся ураган проверок. «Налеты» проводили в нерабочее время и даже ночью⁶¹. По итогам «ревизий» начальники УСВА земель и провинций выпустили целую серию приказов о бдительности, провалах в сфере секретного делопроизводства и мерах по исправлению ситуации. Общая картина мало чем отличалась от положения дел в 1946 г. Например, в УСВА провинции Мекленбург, где еще в 1946 году было утеряно или похищено пять секретных документов, к весне 1947 г. ни один из них не был найден. Оказалось, что некоторые работники отделов УСВА секретные документы продолжают хранить где попало; помещения и сейфы «не опечатываются и не охраняются». В момент одной из проверок «у рабочего стола с секретными документами» меланхолично убиралась немка-уборщица. На получен-

---

⁶⁰ См.: Приказание начальника управления СВА провинции Саксония № 017 от 4 марта 1947 г. «О наведении должного порядка в секретных делопроизводствах военных комендатур провинции Саксония» (ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 16. Л. 33–34).

⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 28. Л. 157–160; Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 18. Л. 57–60, 145–150; Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 32. Л. 201.

ное замечание хозяин кабинета реагировал нахально, заявив, что ничего страшного, немка по-русски все равно читать не умеет⁶². Вырвавшаяся неосторожная фраза наглядно показала, что некоторые сотрудники СВАГ, даже имевшие свои кабинеты, то есть занимавшие высокое положение, относились к секретным ритуалам недопустимо легкомысленно. В УСВА провинции Бранденбург кто-то из сотрудников, например, придумал оригинальный способ рассекречивания. Он просто взял и оторвал с нужного ему для постоянной работы документа гриф «секретно»⁶³.

В начале 1947 г. начальник отделения комендантской службы и боевой подготовки комендатуры округа Гера подполковник Ш. решил «культурно оформить» свой секретный годовой отчет за 1946 год. Приказав найти 3-х немцев-чертежников, он поручил им нарисовать схемы и диаграммы, в том числе о количестве «аморальных явлений и нарушений воинской дисциплины», а также график «ЧП по военным комендатурам округа». (Заметим, что до сих пор подобные отчеты не рассекречены, и в отличие от немецких чертежников, российские исследователи все еще вынуждены догадываться о содержании подобных документов). Показательно, что злополучного подполковника Ш. сначала хотели за потерю бдительности отстранить от должности и откомандировать в СССР, но в итоге всего лишь отправили на 5 суток на гауптвахту⁶⁴.

Весной 1947 г. на волне продолжавшихся проверок секретных делопроизводств с новой силой зазвучала шпионская тема. 27 марта 1947 г. начальник УСВА федеральной земли Тюрингия генерал-майор И. Д. Колесниченко издал приказ № 0055 «О повышении бдительности личного состава СВА и военных комендатур». В приказе говорилось о «ряде фактов, когда в результате притупления бдительности» в советскую военную администрацию «проникают шпионы, завербованные иностранными разведками из числа предателей Родины, бывших ранее в тылу и оккупации у немцев». Генерал-майор назвал и традиционные объекты проникновения шпионов, и наиболее ходовые «маски», используемые врагами: машинистки, переводчики, уборщицы, технические работники, домашняя прислуга «в квартирах руководящих офицеров». Дыры в стене секретности, в чем был твердо уверен Ко-

⁶² ГАРФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 28. Л. 157–158.

⁶³ ГАРФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 16. Л. 98.

⁶⁴ Там же. Л. 177.

лесниченко, возникали потому, «что некоторые генералы, офицеры и вольнонаемные сотрудники хранят на квартире документы секретного характера (карты, рабочие тетради)». В результате «шпионы похищают их, снимают копии и тем самым наносят нам огромный ущерб», а «ротозейство и болтливость отдельных военнослужащих и их семейств создают благоприятную обстановку для разглашения военной тайны»⁶⁵.

В землях и провинциях на фоне обоснованно растущей напряженности вновь вспомнили о немцах. Это была уже вторая такая попытка. Напомним, что порядок учета и проверки немцев, работающих в СВАГ, был утвержден Главным начальствующим еще в августе 1946 г. Спустя семь месяцев в начале марта 1947 г. заместитель начальника СВА федеральной земли Саксония генерал-майор Дубровский честно признал, что приказ Главным начальствующим «до сего времени не выполняется». Контроля за приемом на работу немцев в учреждения Советской военной администрации по сути дела нет. В штаты военной администрации «проникают лица из числа бывших членов фашистской организации и другого враждебного элемента»⁶⁶.

Поводом для приказа Дубровского стали три неординарных события. Во-первых, прием на работу в одну из комендатур в качестве шофера бывшего руководителя местного отделения молодежной нацистской организации «Гитлерюгенд». Этот шофер, по утверждению особистов, «начал создавать диверсионно-террористическую группу с целью организации диверсии в здании военной комендатуры»⁶⁷.

Второй эпизод не отличался достаточной ясностью. Бывший нацист поступил на работу в одну из сваговских поликлиник на должность фармацевта. Что-то напутал с дозировкой лекарства (следствие было уверено, что сделал он это умышленно). Начальник аптеки, принявший лекарство в 4,5 раза превышавшее лечебную дозу, получил сильное отравление. Еле спасли.

И последний эпизод был связан с немкой, работавшей домашней прислугой. Ее муж офицер бывшей немецкой армии находился в лагере для военнопленных, а сама она дважды нелегально пересекала демаркационную линию в английскую зону оккупации.

---

⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 16. Л. 122.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 18. Л. 66–67.

⁶⁷ Там же. Л. 66.

Факт по канонам того времени весьма подозрительный. Как говорится, никто не ведал, к кому она там ездила и зачем.

Все эти факты Дубровский привел как доказательство потери «чувства большевистской бдительности» у своих подчиненных и потребовал покончить, наконец, с «беспечностью и разгильдяйством». Это означало проверку контрразведкой всех немцев, поступающих на работу, увольнение тех, кто уже работал, но не соответствовал требованиям, установленным в августе 1946 г. Почему это не сделали осенью прошлого года, как того требовал маршал Соколовский, Дубровский дипломатично умолчал⁶⁸. Можно предположить, что помимо разгильдяйства и беспечности была еще одна вполне рациональная причина. Речь, как и в случае с репатриантами, шла о «полезных немцах». Они, конечно, входили в группу риска. Обеспечить их оперативным наблюдением было не просто. Гораздо легче воспользоваться сталинским принципом отсечения целых групп от определенных видов деятельности. Оставляя таких людей на работе, начальники рисковали. Ведь кто-то из «сомнительных контингентов» действительно мог попасть под вербовку или злонамеренно мстить победителям, а отвечать пришлось бы тем, кто их брал на работу. Однако польза от использования неблагонадежных, видимо, превышала риски.

Весной 1947 г. в политической риторике о бдительности и секретности обозначился поворот, который тут же отразился и на лексике соответствующих приказных документов. На смену «отдельным недочетам», «беспечности» и «недостаткам» приходят жесткие обвинительные формулы: «факты преступного отношения»⁶⁹, «грубые извращения»⁷⁰, «преступная халатность»⁷¹, «преступная беспечность»⁷². Прилагательное «преступный» начинает доминировать в оценках, а «простая» «бдительность» образца 1945–1946 гг. все чаще становится «революционной» и «большевистской». Однако приказная риторика в то время значительно опережала в своей непреклонности реальные наказания. Усилия командования в борьбе за бдительность натакивались на стену корпоративной солидарности — вместо привлечения виновных в утере секретных документов к судебной ответственно-

⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 18. Л. 66–6

⁶⁹ Там же. Л. 145.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 32. Л. 78.

⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 43. Л. 201.

⁷² ГАРФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 28. Л. 157.

сти, «некоторые начальники» порой обходились лишь наложением дисциплинарных взысканий, а «решительных мер к розыску утерянных документов и наведению порядка» не принимали, допускали «преступную беспечность, забывая, что они находятся на территории Германии»⁷³.

В апреле 1947 г. проблема бдительности и секретности была вынесена на партийный актив СВАГ. Заместитель по политчасти Главного начальствующего СВАГ генерал-лейтенант В. Е. Макаров с возмущением докладывал партактиву, что в столах справочной библиотеки аппарата Политического советника СВАГ были найдены документы из Москвы с грифом «срочно», «секретно», «вручить лично товарищу Семенову»⁷⁴. «И все это валялось без присмотра!»⁷⁵. (Заметим попутно, что через год, в марте 1948 г., тема не потеряла актуальности. Она была вновь поднята на общем профсоюзном собрании Управления Политического советника СВАГ. «У нас не было еще собрания, — заметил один из выступавших, — на котором не говорили бы о повышении бдительности, не было и резолюций, в которых не писали бы об этом», однако, по его мнению, ситуация с хранением секретных документов не менялась. И привел пример. Недавно «в свободном доступе» оказались материалы «с изложением позиций советской делегации» в Союзной Контрольной Комиссии⁷⁶).

Макаров напомнил участникам партактива и о «телефонной» бдительности: «Мы имеем очень много фактов, когда работники наших управлений и отделов секретные разговоры ведут по городскому телефону. Эти разговоры подслушиваются соответствующими людьми, кому это нужно. Мы даже получили запись, какие люди, о чем говорили»⁷⁷. Выглядит как предупреждение: перестаньте болтать, вас слушают! Действительно, через месяц, в мае 1947 г. появился приказ Главного начальствующего СВАГ, официально подтвердивший прослушку. Соколовский потребовал организовать «периодический контроль за телефонными переговорами» и для этих целей «оборудовать автоматическую запись на пленку междугородных телефонных переговоров абонентов, разглашающих секретные сведения, для привлечения виновных

⁷³ ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 28. Л. 159.

⁷⁴ В. С. Семенов — в 1947 г. Политический советник СВАГ.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 21.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 31. Л. 5.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 20.

к дисциплинарной и уголовной ответственности»⁷⁸. Помещение отделов связи, где велись такие записи, стали называть «станция-ми подслушивания»⁷⁹. (Борьба с телефонной беспечностью сваговцев продолжалась до конца существования «министерства по Германии». Начальство было недоволено, что «в большинстве своем» телефоны, установленные на квартирах военнослужащих и вольнонаемного состава, использовались для переговоров, «ничего общего не имеющих к службе». По ним сваговцы общались с женами, детьми или немецкой прислугой. Иногда вполне невинные, на первый взгляд, фразы: «Мы уже сидим на чемоданах, сме-на мужу приехала»⁸⁰, — могли приравнять к разглашению служебной тайны, поскольку они давали представление о ротации кадров военной администрации).

Секретная небрежность, о которой говорил на активе генерал-лейтенант Макаров, была делом обычным. Привычные примеры расхлябанности вряд ли могли произвести сильное впечатление на участников актива. Гораздо многозначительнее прозвучала для собравшихся одна единственная фраза. Когда один из выступавших стал рассказывать о работе Советских акционерных обществ в Германии (САО), а это была особо секретная сфера, связанная с репарациями, его прервал строгий голос из президиума: «Я должен Вас предупредить, что Вы сказали *слишком много* (выделено нами. — *Авт.*). Мы понимаем, что здесь партактив, но, тем не менее, не все сведения должны быть известны всем присутствующим»⁸¹.

Чем строже и придирчивее делалась власть, а уже в 1947 г. под завесой секретности попытались скрыть практически все сферы деятельности военной администрации, кроме разве что художественной самодеятельности, спортивных мероприятий или списков показанных в клубе кинофильмов, тем более опасной представлялась сваговцам работа в засекреченных бюрократических резервациях. В конце марта 1947 г. ушел в отпуск начальник секретной части Управления легкой промышленности СВАГ. Руководителю отделения кадров Сидорову предложили по совместительству временно исполнять обязанности отпускника. Сдела-

---

⁷⁸ См.: Приказ Главного начальствующего СВАГ № 0142 от 13/14 мая 1947 г. «О разглашении секретных данных при ведении междугородных телефонных переговоров» (ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 46. Л. 47–49).

⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 25. Л. 192.

⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 33. Л. 165.

⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 101.

но это было в устной форме. Чиновник категорически отказался. Он откровенно признался, что просто «боится взять на себя ответственность за сохранность секретных материалов». Начальство не отступало. Распоряжение было оформлено в письменном виде. Но Сидоров и его отказался выполнять — «по тем же вышеупомянутым мотивам». Не помогли ни уговоры секретаря партийной организации, ни нажим начальника Общего отдела управления. Подключили Группу контроля Штаба СВАГ. Та расценила поведение офицера как нарушение служебной дисциплины и поставила вопрос о дальнейшем прохождении службы. Но осторожный и многоопытный Сидоров был непреклонен⁸². Видимо, он раньше других почувствовал нарастающую ожесточенность государства в защите своих секретов, действительных и мнимых, и полагал, что лучше демобилизоваться и отправиться домой, чем попасть под трибунал из-за какой-нибудь неправильно оформленной или потерянной секретной бумаги.

Под влиянием «ожесточения» секретности социально-психологический климат в сваговских коллективах начал портиться. Призывы начальства активизировали не только оправданную обстоятельствами «антишпионскую» бдительность, но и фанатичных приверженцев советских порядков, потенциальных доносчиков и просто зловредных людей. На одном из партийных собраний Отдела торгово-бытовых предприятий УСВА федеральной земли Саксония в мае 1947 г. включение в повестку дня вопроса о бдительности немедленно спровоцировало целенаправленный поиск «паршивых овец» в коллективе⁸³. Один из оголтелых коммунистов призвал повнимательнее присмотреться к кадровому составу отдела, «где в большинстве работали и еще работают люди, прожившие в Германии по несколько лет [...]. Мы не должны успокаиваться хорошей работой наших подчиненных, но проверять и изучать их, чтобы знать, чем он дышит, и с кем мы работаем. [...] Мы должны знать каждого человека, знать его досуг, его окружающее (так в документе. — Авт.) и своевременно помочь ему, чтобы окружающее не затянуло его».

В заключительном слове докладчик, который от «окружающего» ничего хорошего не ждал, о репатриантах сказал уже без обиняков: «У нас в отделе еще остались работать репатрианты, кото-

⁸² ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 105. Л. 406–409.

⁸³ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 80. Л. 16–17.

рые прожили по три года в Германии и конечно могут оказаться шпионами или работать против нас». Клеймо поставлено. Призыв «следить» прозвучал. Перефразируя слова известной советской песни, этому фанатику сталинской бдительности оставалось лишь сказать: «У нас шпионом может стать любой». Повис в воздухе только один вопрос. Как на практике оградить сотрудников от вредного влияния коллег, как именно надлежит повышать бдительность в отделе? В первую очередь призвали «усилить контроль коммунистов» над изучением истории партии, а главным пособием в обучении бдительности должна была стать для каждого биография «тов. Сталина». Смехотворности этого утверждения никто из участников собрания благонадежно не заметил. Во-вторых, сотрудников призвали наладить режим взаимной слежки: «Каждый член партии на своем участке работы должен изучать каждого человека, с кем работает». Как ни странно, на последнем месте оказались такие «частности» как хранение секретных документов и «внушение личному составу, что служебные разговоры можно вести только в служебном помещении» и т. д.⁸⁴.

Лето 1947 г. можно назвать переломным моментом в истории сталинской бдительности и секретности. В известном смысле, это была реакция на активизацию деятельности западных спецслужб, особенно американских. Высшее руководство страны пожелало официально изменить правила игры в сторону ужесточения. 8 июня Совет Министров СССР утвердил новый перечень сведений, составляющих государственную тайну, а на следующий день появился Указ Президиума Верховного Совета СССР, повысивший планку наказаний за разглашение государственной тайны и утерю секретных документов. Практически одновременно на основании Закона о национальной безопасности, подписанного 26 июля 1947 г., в США было создано Центральное разведывательное управление (сентябрь 1947 г.). Если у кого-то в СВАГ и были сомнения в серьезности намерений Кремля и Карлсхорста⁸⁵ в делах секретных, то они (эти сомнения) были развеяны восьмистраничной директивой заместителя Главного начальствующего СВАГ генерал-лейтенанта М. И. Дратвина⁸⁶.

⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 80. Л. 16.

⁸⁵ В районе Берлина в Карлсхорсте располагался комплекс зданий СВАГ и резиденция Главного начальствующего Советской военной администрации.

⁸⁶ См.: Директива Штаба СВАГ № 6/0032 от 27 июня 1947 г. (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 42. Л. 33–40).

Документ появился через две недели после Указа о государственной тайне. Директива была необычной, она отличалась внушительной вступительной частью, в которой было обстоятельно разъяснено, почему сложившаяся ситуация требует повышенной бдительности: активизировались иностранные разведывательные органы. Они стараются добыть документы советских военнослужащих «вплоть до насильственного грабежа и убийства», рассчитывая использовать их для «экипировки» агентов, владеющих русским языком и засылаемых в Советскую зону оккупации. Также они «занимаются изысканием вторых ключей от сейфов, оставшихся у владельцев немецких фирм» и вербуют агентов из числа немцев, имеющих доступ в служебные помещения и к сейфам. Приводились примеры, как такие агенты действуют. Одному из них удалось даже создать целую агентурную сеть. Иностранные разведки, всеми силами пытаясь внедриться в СВАГ, используют и немецких женщин, «состоящих в интимных связях с русскими офицерами», на худой конец — домашнюю прислугу и уборщиц, имевших доступ в квартиры и служебные помещения. Сваговцев предостерегали: вы работаете во враждебном окружении, враг не дремлет и готов использовать «малейшее притупление бдительности»⁸⁷.

16 июля 1947 г. появилось Закрытое письмо ЦК ВКП (б) «О деле профессоров Ключевой и Роскина», определившее поворотный момент в резком переходе страны к холодной войне, тотальной секретности и самоизоляции⁸⁸, выливавшейся в первую очередь в усиление борьбы с «низкопоклонством перед Западом». Понятно особое значение подобного «дела» именно для СВАГ. Начались бесконечные партийные собрания, обсуждающие состояние «бдительности советских работников за границей», где звучали требования — не упускать из виду ни одного человека⁸⁹.

После Указа и Закрытого письма ЦК ВКП (б) «секретность» начала расползаться по СВАГ, выходить за рамки делопроизводственные и заполнять новые сферы. Выросла закрытость совет-

---

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Есаков В. Д., Левина Е. С. Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001.

⁸⁹ Подробнее см.: Козлов В. А., Козлова М. Е. Поздний сталинизм как идеологическая практика. Партийная жизнь советских коммунистов в оккупированной Германии.

ского оккупационного сообщества, множились ограничения. Сотрудников массово переселяли в обособленные городки, им категорически запретили жить на частных квартирах⁹⁰, было приказано сократить до минимума обслуживающий персонал из числа немцев, немецкая прислуга не должна была жить в советских семьях. Началась также повторная проверка сотрудников, допущенных в 1945–1946 гг. к секретному делопроизводству⁹¹.

Однако повышение градуса борьбы за бдительность вновь вытаскило на поверхность феномен корпоративной солидарности, который в то время называли круговой порукой. Начальники среднего и низшего уровня предпочитали ограничиваться относительно мягкими наказаниями за проколы в секретном делопроизводстве и по мере возможности избегали доносить наверх о ЧП с секретными документами. Осенью 1947 г. начальник УСВА федеральной земли Саксония возмущался, что коменданты и даже начальники б-х отделений, лично ответственные за «секретку», об утерях и хищениях секретных документов не доносят, и вышестоящим штабам об этом «становится известно от различных источников и спустя продолжительное время»⁹².

И хотя за секретность взялись всерьез, проверки, проходившие уже после Указа, как ни странно, выявляли все те же самые застарелые нарушения (секретные документы хранили не в сейфах или железных ящиках, как полагалось, а в столах и шкафах, оставляли на рабочих местах, уходя на обеденный перерыв; не сдавали служебные бумаги в конце рабочего дня в секретную часть⁹³, а секретные черновики писали на клочках бумаги, которые могли оказаться в самых разных местах — в «мусорном ящике» или на подоконнике «туалетной комнаты»⁹⁴). Справедливости ради следует сказать, что болезнью разгильдяйства страдал в это время не только СВАГ. Проверки секретного делопроизводства даже в аппарате ЦК ВКП (б) выявили схожие упущения⁹⁵.

---

⁹⁰ Подробнее см.: Козлов В. А., Козлова М. Е. Жилище как трофей.

⁹¹ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 42. Л. 33–40.

⁹² ГАРФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 22. Л. 44–45.

⁹³ ГАРФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 32. Л. 78–79, 188–189, 201; Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 30. Л. 153–154; Ф. Р-7317. Оп. 42. Д. 5. Л. 14–16.

⁹⁴ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 40. Д. 94. Л. 32; Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 31. Л. 274–275.

⁹⁵ Сорокин А., Лукашин А. «Инспектор тов. Петушков при уходе с работы оставил открытый сейф...». О том, как небрежно хранили секретные документы в период «позднего Сталина» // Родина. 2016. № 5. С. 124–129.

1948–1949 гг.: ПРИДАВЛЕННЫЕ СЕКРЕТНОСТЬЮ

Начиная с 1948 г. в приказах все чаще отмечается значительное улучшение работы с секретными документами. Перечисляются хорошо работающие «секретчики», им выносят благодарности, дарят ценные подарки⁹⁶. Весной 1949 г. на партийном собрании 8-го отдела Штаба СВАГ, где работали «блюстители военной и государственной тайны»⁹⁷ (так они сами себя называли — *Авт.*), подвели неформальные итоги: «работа по налаживанию секретных производств проделана очень большая, уже нет тех безобразий, что наблюдались в прошлые годы»⁹⁸. То же сообщали и из УСВА земель⁹⁹.

Изменения частично объяснялись тем, что преследования за «секретные» провинности начали приобретать более систематический характер. Активизировалась и партийная работа в этом направлении. На партийных собраниях коммунистов убеждали делиться сведениями о коллегах, утверждая, что «партийная информация — это священный долг», а не «кляуза»¹⁰⁰. Со своей стороны борцы за чистоту рядов предлагали «увеличить число партийных информаторов», чтобы «предохранить» коллектив «от буржуазного влияния». Некоторые даже упрекали партийную организацию, что работа с информаторами «плохо поставлена»: «иногда информация поступает, но информатору никогда не дается оценка его информации, ее качество, ее действительность» (так в документе. — *Авт.*)¹⁰¹. Требовали направлять и поощрять!

Неудивительно, что в 1948 г. пошли доносы, связанные с секретной работой. Начали искать врагов. В феврале 1948 г. начальнику Управления комендантской службы СВАГ С. Горохову доложили, что лейтенант Ишутин, разговаривая с уполномоченным Финансового управления СВАГ «в присутствии посторонних

---

⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 24. Л. 156–161; Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 32. Л. 23–27; Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 43. Л. 64.

⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 45. Л. 25.

⁹⁸ Там же. Л. 7.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 32. Л. 23; Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 43. Л. 64; Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 39. Л. 106, 183.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 46. Л. 38.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 39. Л. 44.

лиц», показывал ему «всю имеющуюся у него совершенно секретную документацию», а, следовательно, по своей беспечности разгласил государственную тайну. Горохов распорядился, чтобы в УСВА было проведено тщательное расследование инцидента¹⁰². Следов проведенного расследования мы не нашли, зато узнали, что никакого наказания лейтенант, слава богу, не понес, напротив, 4 мая 1948 г. ему была объявлена благодарность и выдан ценный подарок — взвод лейтенанта победил на соревнованиях по многоборью¹⁰³. Видимо, начальство постаралось и вывело ценного офицера из-под удара доносчика.

Жертвам доносов иногда удавалось оправдаться, особенно если дело попадало в руки понимающего и порядочного начальника. В июне 1949 г. уполномоченный Транспортного управления СВАГ обнаружил, что начальник Транспортного отдела УСВА земли Саксония в письме указал номер секретного приказа Главного начальствующего, и немедленно переправил «улику» начальнику 8 отдела Штаба СВАГ — «для сведения и принятия мер». Въедливый службист указал, что письмо было передано «в простом конверте трем немецким работникам» фирмы и «где гарантия, что указанные немцы не вскрывали конверта и не читали», тем более, что «один из немцев говорит по-русски». Начальник 8 отдела Штаба СВАГ направил донос в Штаб УСВА земли Саксония и просил разобраться.

Провинившемуся пришлось отбиваться:

«Документ (письмо) мною написанное не содержит никаких секретных материалов (здесь и далее подчеркнуто автором документа. — *Авт.*). Я сослался только на номер секретного приказа. До этого я не знал, что нельзя ссылаться на номера секретных приказов. Я только знал, что нельзя содержание приказов разглашать, и это я свято выполняю. В секретной части также мне никто не дал документа, в котором бы было сказано, что нельзя ссылаться на номера секретных приказов. В приказе № 060 М[инистерства] в[ооруженных] с[ил СССР] (наставление по секретному делопроизводству — *Авт.*) также ничего не сказано». Оправдание приняли, однако времена наступили суровые, и совсем оставить без внимания донос не могли, поэтому вынесли замечание¹⁰⁴.

¹⁰² ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 61. Л. 36.

¹⁰³ ГАРФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 23. Л. 266–269.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 37. Л. 322–323.

Сваговское сообщество пыталось защитить хотя бы некоторых из своих — тех, кто по легкомыслию попал в жернова очередной кампании. В апреле 1948 г., т. е. уже после того, как все суровые слова о нарушениях секретности были сказаны, военный комендант района Люккенвальде, «по команде не донес», что офицер его комендатуры — капитан Ч. утерял секретный документ. Внутреннее дознание тоже не назначил и даже разрешил капитану уехать в отпуск домой. Когда вышестоящее начальство все-таки узнало об этом и потребовало принять меры, комендант лишь объявил капитану выговор. Но начальник УСВА земли Бранденбург посчитал, что действия капитана Ч. подпадают под Указ Президиума Верховного Совета СССР от 09.06.1947 г. и приказал материал о дознании направить военному прокурору¹⁰⁵. История имела неожиданное продолжение. Военная прокуратура УСВА земли, где нашлись разумные и понимающие люди, учла безупречную службу провинившегося и решила в мае дело о предании суду военного трибунала прекратить¹⁰⁶. Но можно себе представить, что за этот месяц пережил капитан. Военной прокуратурой СВА земли Бранденбург было прекращено и дело «об утрате» секретного документа офицером военной комендатуры района Шпремберг майором Ш. Учтя «его добросовестное отношение к своему служебному долгу», решили майора суду не предавать, а ограничиться наложением дисциплинарного взыскания — десятью сутками ареста¹⁰⁷.

В СВАГ постоянно занимались розысками утраченных секретных документов. Это была хроническая болезнь. Всегда была надежда на то, что пропажа как-нибудь «сама найдется» в бумажных завалах и можно будет обойтись без трибунала. Вот как выглядела история подобного поиска в Отделе информации УСВА земли Саксония. Там к началу 1948 г. накопилась недостача тринадцати секретных документов! После долгих поисков офицерам 6 отдела УСВА удалось найти шесть документов. Начальнику отдела информации было предложено продолжить розыск, но он «фактически ничего не предпринял». Наверно, полагал, что и так найдутся. Только после вмешательства начальника Штаба и под его нажимом была создана специальная комиссия для «повторной

---

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 37. Л. 192–193.

¹⁰⁶ Там же. Л. 271.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 38. Л. 73.

проверки». Ей удалось найти еще два документа. Однако местонахождение оставшихся пяти точно установить не удалось. Но комиссия сочла, что два из них были отправлены в другие отделы, а два других — засекречены ошибочно — один из этих секретных документов был даже напечатан в немецкой газете. Не нашли всего один документ. Подумали и решили, что и он «по своему содержанию не представлял секрета». Ситуация с «массовой утечкой» была благополучно разрешена. Правда, за явное нежелание разыскивать секретные документы, начальство получило дисциплинарное взыскание¹⁰⁸.

До конца существования СВАГ вопрос «что секретить?» сохранял для сотрудников военной администрации налет некой мистической неопределенности. Начальники сетовали, что многие должностные лица военных комендатур и отделов УСВА до этого времени не изучили «перечень секретности документов»¹⁰⁹, а главное они «не пользуются им в своей повседневной работе, в результате чего имеются случаи засекречивания несекретных документов» и наоборот¹¹⁰; «многие военные коменданты, командиры частей, учреждений и начальники отделов УСВА совершенно не уделяют внимания вопросам установления степени секретности документов, которые они подписывают»¹¹¹; «за последнее время увеличился поток поступлений документов с грифом «секретно», не представлявших «никакой секретности по их содержанию»¹¹². Вероятно, проще было секретить все подряд, на всякий случай, за это строго не спрашивали, чем разбираться с перечнем. Это был один из способов борьбы с «усложнением» секретности. Получается, что перечень превращался в еще одну бюрократическую бумажку, положенную под сукно. К слову сказать, тотальная секретность, создавая управленческие проблемы, сама по себе отнюдь не стала панацеей от утечек информации. «По нашим установкам мы не должны немцам сообщать о ремонтных поставках, а немцы об этом знают. В земельных (немецких. — Авт.)

---

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 23. Л. 86–87.

¹⁰⁹ Во второй половине 1947 г. ориентировочные перечни были в основном составлены (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 33. Д. 6. Л. 59–64; Оп. 7. Д. 145. Л. 123–124; Оп. 9. Д. 60. Л. 38–42). Работа продолжалась и в 1948 г. (ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 60. Л. 49–70).

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 43. Л. 65.

¹¹¹ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 26. Л. 64–65.

¹¹² ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 40. Л. 355.

управлениях там все знают по каждому виду поставок»¹¹³, — констатировал начальник одного из отделов на партсобрании Управления промышленности СВАГ. Откуда могли взяться у немцев подобные сведения, выступающий благоразумно уточнять не стал.

На другом партийном собрании, заслушав доклад «О притуплении бдительности советских работников за границей», коммунисты попросили разъяснить, как именно «работать советскому человеку, чтобы не разглашать нужных сведений», что «могут знать немецкие работники и что не могут», на что председатель собрания ответил: «Общего рецепта для руководства в вопросах бдительности дать нельзя. Нужно в каждом отдельном случае решать особо. Иметь чутье и не просто чутье, а чутье, подкрепленное знанием марксистско-ленинской теории»¹¹⁴. Но чутье, а уж тем более «марксистско-ленинская теория», могли и подвести, поэтому вопросы: «Что можно, а что запрещено?», — продолжали задавать.

Соблюдение секретных канонов в первую очередь беспокоило тех, кто отвечал за секретное делопроизводство непосредственно, а также высокое сваговское руководство и штабных работников. Руководителям рангом ниже — начальникам управлений, отделов, секторов, военным комендантам скорее было свойственно некое самоустранение, избегание ответственности, проявление снисходительности, определенное пренебрежение правилами, преобладание служебного прагматизма. Это вызывало раздражение у начальства вышестоящего. В ноябре 1948 г. было объявлено, что за нарушения секретности ответственность должны нести в первую очередь руководители, чьи подчиненные допустили нарушения¹¹⁵.

Прежде всего это касалось военных комендатур. Некоторые из военных комендантов, по мнению начальства, «самоустранились» и не интересовались секретной работой, «к проводимым проверкам относились несерьезно» и были «недостаточно требовательны» к тем, кто нарушал наставления по секретному делопроизводству, которое они и сами, к сожалению, «знали слабо»¹¹⁶. К тому же военные коменданты любили нагружать «се-

---

¹¹³ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 39. Л. 37.

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 135. Л. 44–46.

¹¹⁵ См.: Приказ Главноначальствующего СВАГ № 0436 от 16 ноября 1948 г. «О результатах проверки хранения секретных и служебных документов в учреждениях СВАГ» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 77. Л. 27–29).

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 35. Л. 57; Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 38. Л. 252.

кретчиков» поручениями, не связанными с их основной службой: назначали на дежурство, посылали в офицерский патруль, зная (может быть, зная), что подобные действия прямо противоречили наставлениям и были категорически запрещены¹¹⁷. Военный комендант мог, например, пойти на явное нарушение приказа о порядке пересылки секретной корреспонденции и направить на имя начальника УСВА секретный пакет серии «К» (документы особой важности, вскрываются только лично адресатом), в котором тот обнаружил лишь «личный рапорт» с просьбой «о привозе семьи». За такое легкомыслие можно было получить выговор, что и произошло, но, рассчитано было правильно — пакет попал в руки адресата¹¹⁸.

В декабре 1948 г. неожиданно нарушителями секретности стали работники торгово-бытовых отделов земли Мекленбург. Их обвинили в разглашении секретных данных о личном составе УСВА. Оказалось, что, когда овощи и молоко из подсобного хозяйства развозили по квартирам сотрудников, немцу-шоферу выдавали список тех, кому предназначались продукты. В списке указывались и воинские звания, и фамилии с адресами. Такие же списки офицеров были и в фотоателье, и в немецких пошивочных мастерских, причем, не только сотрудников Управления СВА, но и военного трибунала, и военной прокуратуры. Было велено срочно работать «практические мероприятия», чтобы прекратить нарушение¹¹⁹. Вот только какие? Воинские звания, действительно, называть было незачем, но что делать с «секретными» адресами и фамилиями? Зашифровать? Или вовсе запретить доставку продуктов по домам сваговцев?

«Усерьезнивание» режима секретности затрудняло работу не столько иностранных шпионов, сколько самих сотрудников СВАГ. Наведение бюрократического порядка в соблюдении режима секретности тормозило повседневную, оперативную работу аппарата. На возникавших при этом управленческих проблемах спотыкались, прежде всего, рядовые сотрудники. Если соблюдать все каноны секретности образца 1948–1949 гг., то следовало смириться с черепашей скоростью прохождения управленческих сигналов. Что часто и бывало. «Последнее время почти все докумен-

---

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 33. Л. 127; Д. 34. Л. 136; Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 33. Л. 335.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 33. Л. 315.

¹¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 35. Л. 93–95.

ты стали секретными, — жаловались в начале 1948 г. коммунисты Управления промышленности СВАГ. — Это дело очень сильно тормозит нашу работу»¹²⁰. В октябре 1948 г. начальник Финансового отдела УСВА земли Саксония-Ангальт Н. Л. Птухин пожаловался руководству, что не может выполнить задание, обозначенное в секретном письме. Передавать немцам содержащиеся в нем указания нельзя. Рассекретить документ тоже нельзя. Таким правом не обладал даже его непосредственный начальник. В результате, констатировал финансист, «директивы являются достоянием работников УСВА и не доведены до министра-президента, министра хозяйства, министра финансов земли»¹²¹, т. е. до тех, кто эти директивы должен был выполнять.

Объем секретной и совершенно секретной информации, с которой приходилось иметь дело сотрудникам СВАГ, впечатлял. В 1949 г. более 80% входящих и 75% исходящих бумаг Штаба СВАГ имели граф «совершенно секретно» и «секретно»¹²². В 1948–1949 гг. центральный аппарат в неделю только самолетом отправлял в Москву больше полутонны секретных бумаг в «пост-пакетах» и «тюках»¹²³. Военная администрация задыхалась от потоков секретной документации, которая требовала особого порядка хранения, использования и пересылки.

Все прекрасно понимали, что с секретностью не шутят. Но попробуйте работать оперативно, исполняя все секретные ритуалы? Упрощенно говоря, сотрудник СВАГ постоянно стоял перед выбором: соблюдать все правила секретности или работать эффективно. Рациональный подход к служебному действию толкал на поиски оптимального варианта. Проверки секретного делопроизводства проводились раз в месяц, иногда и реже, и к ним можно было подготовиться, а начальство требовало результата каждый день и взыскивало за задержки. Добросовестные работники, просчитав вероятности, вполне могли прийти к заключению: проще работать быстрее, если обходишь некоторые правила секретного делопроизводства.

Что касается бдительности, то она, по всей видимости, представлялась сваговцам неким привычным заклинанием, звучащим

---

¹²⁰ ГАРФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 39. Л. 37.

¹²¹ ГАРФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 269. Л. 298–299.

¹²² Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 3. Л. 4.

¹²³ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 40. Д. 64. Л. 72, 135.

второй десяток лет. Его нужно было повторять на каждом партийном собрании, совещании, сборе, занятии и... ничего не предпринимать, разве что доносить из карьерных или личных соображений о действительных или придуманных нарушениях. Корпоративная солидарность отступала под мощным идеологическим и вышестоящим давлением, но даже в таком урезанном виде именно она помогала пережить очередной психоз «большевистской бдительности», вновь накрывавший сталинское общество. Колоссальный потенциал сталинского запретительства на деле был ограничен повседневным прагматизмом обычного советского бюрократа. Система могла работать и добиваться поставленных целей, часто на практике искаженных и искажаемых, не потому, что она постоянно приближалась к сталинскому бюрократическую идеалу, а потому, что этот идеал так и не был достигнут, а система была защищена от хаоса многочисленными «позитивными девиациями»¹²⁴ и даже «бюрократическими мутациями», которые только выглядели как нарушения. Часто именно они, а не строгие предписания и правила, позволяли сохранить работоспособность государственного механизма, загонявшего себя в тупики экзальтированной бдительности и гипертрофированной секретности.

В ноябре 1949 г., когда история СВАГ практически закончилась, некоторые из тех, кто оставался в Германии, задумались о «новой» бдительности и стали намекать на необходимость отклонения от идеологического шаблона. Выступая на партсобрании одного из отделений САО коммунист Полюнев пришел к мысли, что неправильно заявлять будто немцы способны только вредить, они «многому научились у нас». Поэтому бдительность теперь заключается «еще и в правильном решении стоящих перед нами задач» и в повышении общего уровня культуры, и нельзя быть «бдительным полностью, не зная немецкого языка»¹²⁵. Речь шла уже не о выявлении скрытых врагов среди немцев, а о профессионализме и предвидении последствий собственных решений и действий. Сталинская бдительность в основе своей предполагала быть начеку не только в поисках врагов, но и не подставляться самому. Товарищ Полюнев, прикрывшись фреймом «бдитель-

¹²⁴ См.: *Бабавва А. В., Попова Н. А.* Классификация позитивной девиации и ее проявления // Научно-исследовательские публикации. 2013. № 3. С. 58–63: <https://cyberleninka.ru/article/v/klassifikatsiya-pozitivnoy-deviatsii-i-ee-proyavleniya>.

¹²⁵ ГАРФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 120. Л. 70.

ность», попытался предложить остающимся в Германии ее новый алгоритм, совсем не похожий на сталинский.

В целом эпопея поддержания бдительности и ужесточения секретности в СВАГ показала, что угрозы и наказания нередко блокировали оперативную выработку и исполнение решений. Все эти действия сковывали работников, а самых ответственных и добросовестных (именно их, может быть, даже в первую очередь) подталкивали все к тем же бюрократическим «положительным девиациям», то есть к решениям и действиям, способным хоть как то двигать вперед коснеющий в собственных запретах «поздний сталинизм». Бесспорно, основная масса бюрократов, придавленная секретностью и страхом, думала о последствиях и уходила от импровизаций, за которые наказывали. Но чем больше бюрократическая система работала на страхе и ограничениях, в нашем случае в секретной сфере, тем больше она деградировала. Чем больше она закрывалась от мира, чем больше билась за сохранение гостайны, тем сильнее тормозила. Начинались функциональные сбои, возникали управленческие дыры. Их приходилось затыкать нелегитимной низовой инициативой. В этом смысле «положительные девиации» оказывались, как это ни парадоксально, сродни другому компенсирующему механизму сталинской системы — энтузиазму. Оба эти явления из той же самой советской управленческой парадигмы. Поздний сталинизм держался не на достигнутом идеале тотальности, а на его «положительных девиациях», позитивных для режима, а не для придавленного этим режимом общества. «Сталинский человек» «поклонялся данности» (выражение И. Бродского), но эта «данность» формировалась при его непосредственном участии. И даже в критически важных для власти сегментах бытия, а секретность относилась именно к таким сферам, действительность могла заметно отклоняться от предписанных сталинской верхушкой норм или их газетных верификаций.

Наше исследование показывает весьма необычные трансформации культа бдительности — одной из самых важных и востребованных мировоззренческих «парадигм» сталинского государства. Именно призывы к бдительности поддерживали в 30-е годы параноидальное состояние советского «бытия начеку», вели к новым разоблачениям, побуждали к новым подвигам по поиску врага. Для архаичного мышления (неграмотный или полуграмотный рабочий или крестьянин 1920–30-х гг.), бдительность, пусть и новое слово, но отразившее вековое настроенное восприятие чу-

жого. Другое дело сваговец, человек послевоенный, по советским меркам образованный, много повидавший, более открытый в силу обстоятельств миру. Его не удалось целиком и полностью заразить психозом бдительности, к чему стремилась сталинская верхушка. Да, наш герой мог и должен был следовать предписанным ритуалам, но он даже не пытался воспринимать бесконечные заклинания всерьез, призывать к бдительности жену, вернувшись со службы, или неусыпно бдеть в поисках врагов среди сидящих за соседними столами сослуживцев? Враги для большинства сваговцев находились где-то там — в законспирированном шпионском подполье, вдалеке за демаркационной линией Советской оккупационной зоны, или еще дальше — среди московских путаников — писателей, композиторов, ученых¹²⁶. Иногда сотрудников военной администрации под расписку знакомили с пугающими приказами о приговорах военных трибуналов. Но сколько сваговцев ни призывали к бдительности, большинство из них так и не научились находить врагов рядом с собой. Иначе чем объяснить постоянные жалобы парторгов и политработников на упадок бдительности, и столь же постоянные сетования коммунистов, что мы де «потеряли человека», потому что вовремя на него не донесли. Видимо, по мнению рядовых сотрудников СВАГ (и не только рядовых), этим надлежало заниматься «кому следует». Это было новое явление. Именно оно намекало на то, какими путями пойдет послесталинское общество, когда на смену публичной парадигме бдительности придет парадигма «доверия людям» — важнейшая тема «оттепельной» советской культуры, а отчасти и партийной пропаганды. В этом контексте Оттепель была глобальной «позитивной девиацией», на какое-то исторически короткое время отодвинувшей крах советской системы за счет временного и во многом спонтанного выхода из сталинистского тупика.

---

¹²⁶ См. подробнее: Козлов В. А., Козлова М. Е. Поздний сталинизм как идеологическая практика.

Марат Шибутов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ ИЗ КАЗАХСТАНА¹

Вслед за изучением собственно образовательной миграции казахстанцев, в рамках нашего проекта мы изучаем причины и факторы образовательной миграции. Одним из основных факторов возможен политический, однако он идет в комплексе с другими факторами и насколько он решающий — неизвестно. Ниже в статье рассматривается данный вопрос как на примере образовательной миграции из Казахстана в Россию как основной поток, так и на мировых примерах.

Отмечу, что в настоящее время существует много различных систем подсчета иностранных студентов, как международных, так и национальных, и данные у них редко сходятся, что надо брать во внимание.

1. ГИПОТЕЗА

Гипотеза о влиянии политических факторов на образовательную миграцию из Казахстана будет заключаться в следующих тезисах:

---

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта «Образовательная миграция из Казахстана: тенденции, факторы, социально-политические последствия», реализуемого в Казахском национальном университете имени аль-Фараби по заказу Министерства образования и науки Республики Казахстан.

1. Образовательная миграция зависит не только от страны происхождения студента, но и от страны принятия студента
2. Политические факторы, влияющие на образовательную миграцию, делятся на 2 вида — первый связан с отношениями между странами и больше завязан на историю и общее взаимодействие, второй связан с внутренним развитием страны — ее развитием и социальными лифтами.
3. Политические факторы крайне инерционны и их крайне сложно переломить, не поменяв соотношение сил в целом в мире, поэтому Казахстан не сможет повлиять на образовательную миграцию в целом.
4. Главным для качества образования является не собственно образование, а развитие науки, которое в свою очередь коррелирует с развитием военно-промышленного комплекса.
5. Таким образом, ключевым политическим фактором для образовательной миграции является милитаризация принимающей страны, которая сказывается на развитии научной и образовательной сферы.

2. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ОБ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Мнение казахстанцев относительно образовательной миграции, трудовой миграции и миграции с целью постоянного места жительства в течение 2012–2017 года фиксировалось социологическими исследованиями в рамках «Интеграционного барометра ЕАБР», проводимого Евразийским монитором².

Ниже в таблицах даны ответы казахстанцев на заданные вопросы. В таблицах можно увидеть предпочтения по различным странам.

Таким образом, казахстанцы устойчиво выказывают свои предпочтения следующим образом (максимальная доля предпочтений за 6 лет опросов):

1. Выбор страны образовательной миграции
а. Россия

---

² Исследования Евразийского монитора: eurasiamonitor.org/issliedovaniia#ul-id-7-8

- b. США
- c. Великобритания
- d. Германия
- e. Китай

2. Выбор страны трудовой миграции

- a. Россия
- b. Германия
- c. США
- d. Великобритания
- e. Франция

3. Выбор страны эмиграции на постоянное место жительства

- a. Россия
- b. Германия
- c. США
- d. Франция
- e. Великобритания

В общем, по всем критериям, казахстанцы отдают предпочтение России как месту для образовательной миграции, а затем работы и переезда на постоянное место жительства. Данные настроения полностью подтверждаются практикой. Но в чем причины таких предпочтений?

Таблица 1. Мнение казахстанцев относительно образовательной миграции³

Страна	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Азербайджан	0%	0%	0%	0%	1%	0%
Армения	0%	0%	0%	0%	1%	0%
Беларусь	0%	1%	0%	1%	3%	2%

³ До 2014 года включительно вопрос звучал так «задается только респондентам 35 лет и старше. В какую из перечисленных стран Вы хотели бы отправить на учебу своих детей?», с 2015 года вопрос респондентам звучит так «В какую из перечисленных стран Вы лично хотели бы поехать на учебу, с образовательной целью? / В какую из перечисленных стран Вы хотели бы отправить на учебу своих детей?»

Грузия	0%	1%	1%	1%	1%	1%
Кыргызстан	1%	0%	0%	1%	3%	1%
Молдова	0%	0%	0%	0%	1%	0%
Россия	30%	27%	19%	24%	27%	24%
Таджикистан	0%	0%	0%	0%	1%	0%
Туркменистан	0%	0%	0%	0%	1%	0%
Узбекистан	0%	0%	0%	0%	1%	1%
Украина	1%	1%	0%	0%	1%	1%
Великобритания	17%	20%	16%	13%	13%	14%
Германия	13%	14%	11%	15%	11%	10%
Франция	6%	9%	5%	8%	8%	6%
Другие страны ЕС	0%	1%	4%	3%	2%	4%
Индия	1%	1%	1%	2%	2%	1%
Китай	8%	9%	7%	11%	8%	13%
США	18%	23%	14%	14%	13%	16%
Турция	5%	8%	6%	9%	8%	9%
Япония	4%	4%	5%	6%	5%	7%
Страны арабо-исламского мира (Ближний Восток и Северная Африка)	2%	1%	2%	1%	2%	2%
Другие страны	0%	1%	1%	1%	1%	1%
Таких стран нет	21%	10%	26%	13%	24%	14%
Затрудняюсь ответить	12%	22%	16%	20%	16%	17%
Общий итог	142%	156%	134%	144%	154%	144%

Таблица 2. В каких странах (из перечисленных на карточке)
Вы хотели бы временно поработать, если бы представилась
такая возможность?

Страна	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Азербайджан	0%	0%	0%	0%	2%	0%
Армения	0%	0%	0%	0%	2%	0%
Беларусь	1%	1%	1%	1%	4%	2%
Грузия	0%	1%	0%	0%	3%	0%
Кыргызстан	1%	0%	0%	0%	2%	0%
Молдова	0%	1%	0%	0%	2%	0%
Россия	21%	21%	17%	23%	24%	21%
Таджикистан	0%	0%	0%	0%	1%	0%
Туркменистан	1%	0%	0%	0%	2%	0%
Узбекистан	1%	0%	0%	0%	1%	0%
Украина	1%	1%	0%	0%	1%	0%
Великобритания	10%	9%	6%	5%	5%	8%
Германия	17%	16%	11%	10%	11%	10%
Франция	8%	7%	6%	4%	6%	6%
Другие страны ЕС	0%	1%	1%	2%	2%	5%
Индия	3%	1%	1%	1%	1%	1%
Китай	5%	3%	6%	5%	6%	7%
США	16%	15%	11%	8%	10%	13%
Турция	7%	5%	6%	7%	6%	6%
Япония	6%	4%	5%	4%	3%	5%
Страны арабо-исламско- го мира (Ближний Восток и Северная Африка)	3%	3%	2%	2%	2%	3%
Другие страны	0%	2%	1%	1%	1%	2%
Таких стран нет	27%	21%	35%	28%	34%	25%
Затрудняюсь ответить	12%	24%	16%	19%	14%	18%
Общий итог	142%	137%	126%	122%	145%	133%

Таблица 3. В какую из перечисленных стран Вы хотели бы переехать на постоянное место жительства, если бы представилась такая возможность?

Страна	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Азербайджан	0%	0%	0%	0%	1%	0%
Армения	0%	0%	0%	0%	1%	0%
Беларусь	1%	1%	2%	1%	2%	1%
Грузия	1%	0%	0%	0%	1%	0%
Кыргызстан	0%	0%	0%	0%	1%	1%
Молдова	1%	0%	0%	0%	1%	0%
Россия	22%	18%	14%	16%	16%	17%
Таджикистан	0%	0%	0%	0%	1%	0%
Туркменистан	1%	0%	0%	0%	1%	0%
Узбекистан	1%	0%	0%	0%	1%	0%
Украина	2%	1%	0%	0%	1%	0%
Великобритания	4%	3%	3%	1%	3%	3%
Германия	9%	6%	6%	4%	4%	5%
Франция	4%	4%	3%	2%	2%	3%
Другие страны ЕС	0%	1%	1%	1%	1%	2%
Индия	0%	0%	0%	0%	1%	1%
Китай	1%	1%	1%	1%	2%	3%
США	6%	5%	4%	3%	4%	5%
Турция	4%	2%	3%	2%	3%	3%
Япония	1%	1%	1%	1%	0%	2%
Страны арабо-исламского мира (Ближний Восток и Северная Африка)	1%	1%	1%	2%	1%	1%
Другие страны	0%	1%	1%	0%	0%	1%
Таких стран нет	49%	36%	52%	45%	54%	39%
Затрудняюсь ответить	11%	29%	18%	24%	14%	25%
Общий итог	121%	114%	110%	106%	116%	114%

3. СТРАНЫ, ПРИНИМАЮЩИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ МИГРАЦИЮ — ОБЩИЕ ЧЕРТЫ

Поданным Института международного образования (Institute of International Education) наибольшее количество иностранных студентов принимает США — их в общей сложности более 1 миллиона человек. Ниже в таблице даны ключевые 15 стран, которые и определяют рынок международного образования. Отмечу, что тут нет почему-то Турции, где по данным ЮНЕСКО более 104 тысяч иностранных студентов и Южной Кореи, где их 64 тысячи. Тем не менее, это достаточно подробная статистика.

Таблица 4. Принимающие иностранных студентов страны⁴

Страна	2016	2017	2018
США	1 043 839	1 078 822	1 094 792
Великобритания	496 690	501 045	506 480
Китай	397 635	442 773	489 200
Австралия	292 365	327 606	371 885
Франция	309 624	323 933	343 386
Канада	263 855	312 100	370 710
Россия	282 921	296 178	313 089
Германия	235 858	251 542	265 484
Япония	152 062	171 122	188 384
Испания	76 057	94 962	109 522
Нидерланды	74 894	68 475	76 462
Новая Зеландия	61 405	62 570	61 402
Индия	42 420	—	—
Швеция	33 181	35 100	35 862
Финляндия	30 827	31 120	30 807

⁴ Данные за 2016 год: www.iie.org/Research-and-Insights/Project-Atlas/Explore-Data/2016-Project-Atlas-Infographics. Данные за 2017 и 2018 годы: www.iie.org/Research-and-Insights/Project-Atlas/Explore-Data/Current-Infographics.

Что видно из этого списка? Большинство стран — это бывшие империи, чьи колонии разного статуса стали независимыми государствами. Выделяются среди них — США, как мировой гегемон и принципиально антиколониальная держава, которая тем не менее имеет массу зависимых территорий и страны Британского Содружества Наций, которые являлись доминионами Британской империи. Это Канада, Австралия и Новая Зеландия. Фактически они выполняют функции дешевого эрзаца исходного британского образования.

Ниже в таблице подсчитано какое количество иностранных студентов в 2017–2018 годах по данным ЮНЕСКО в странах с наибольшим количеством иностранных студентов. Где таких студентов нет или незначительное количество (не больше 300) тогда они не упоминается.

Интересно, что иногда доля из ранее зависимых стран составляет более половины от общего количества иностранных студентов. Наибольшая доля отмечается у России, Франции, Испании, Португалии, Польши, Японии.

Таблица 5. Исторические связи стран, принимающих большое количество иностранных студентов⁵

Страна, принимающая студентов	Страны, отправляющие студентов и имеющие историч. связи	Принято студентов	
		Всего	Из историч. связанных стран
Россия	Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Украина, Таджикистан, Беларусь, Азербайджан, Кыргызстан, Молдова, Армения, Грузия	210 971	170 088
Великобритания	Гонконг, Индия, США, Ирландия, Канада, Пакистан, Кения, Австралия	435 009	74 484

⁵ Global Flow of Tertiary-Level Students: uis.unesco.org/en/uis-student-flow.

Франция	Марокко, Алжир, Тунис, Сенегал, Кот-д'Ивуар, Камерун, Вьетнам, Ливан, Гвинея, Габон, Мадагаскар, Конго, Бенин, Мали, Того, Сирия, Коморские острова, Буркина-Фасо, Мавритания, Джибути, Нигер, Чад	241 381	115 597
Нидерланды	Индонезия, Суринам	73 013	2 158
Испания	Италия, Эквадор, Колумбия, Мексика, Перу, Чили, Португалия, Аргентина, Боливия, Куба, Гондурас, Коста-Рика, Сальвадор, Гватемала, Панама, Уругвай	64 610	36 196
Португалия	Бразилия, Ангола, Кабо-Верде, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи, Гвинея-Биссау, Восточный Тимор, Макао	22 045	15 302
Турция	Сирия, Ирак, Ливия, Палестина, Египет	104 369	24 686
Польша	Украина, Беларусь, Литва	63 027	40 480
Швеция	Финляндия, Германия	22 420	4 362
Германия		221 322	
Бельгия	Демократическая Республика Конго	38 427	644
Япония	Китай, Вьетнам, Южная Корея, Индонезия, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Камбоджа	164 235	128 309
Австрия	Италия, Босния и Герцеговина, Венгрия, Сербия, Румыния, Словакия, Хорватия, Словения, Чехия	71 957	20 931
Австралия		368 570	
Канада		204 040	
Новая Зеландия		52 585	
США		965 805	
Южная Корея		67 713	

Что можно понять из этой таблицы?

Историко-политические преимущества в привлечении иностранных студентов у стран следующие:

- Длительное существование вместе в одном государстве
- Языковая и культурная общность
- Стремление поддерживать ранее существовавшие связи с помощью специальных образовательных программ
- Продолжительное доминирование в регионе, когда страна становится лидером и задает стандарты

Отметим, что та же Германия не имеет зависимых стран в образовании — немецкоязычные страны вроде Австрии и Швейцарии имеют сходный уровень образования и поэтому не нуждаются в немецком, также у Германии не было колоний, где бы сформировалась местная немецкая культура. Кроме того, подавляющее количество немцев живет, собственно, в Германии, а немцы в других странах, прежде всего США и Канаде, перешли на английский язык и не имеют связей с исторической родиной.

Поэтому можно тут четко выделить страны, куда едут все подряд, и страны, куда в основном едут еще и согласно традиции.

Теперь рассмотрим еще и другие параметры, принимающих большое количество иностранных студентов стран. Как правило, их отличает высокий ВВП — или в абсолютных значениях, или на душу населения, а в большинстве случаев и то, и другое.

Также их отличает высокая научная активность, большие расходы на науку. Есть также косвенная связь с величиной военных расходов. Дело в том, что как правило, масштабные исследования, конкуренцию и прорывные изобретения идут в рамках военной науки — начиная от новых материалов, заканчивая лечением посттравматического синдрома.

Необходимость разработки новых образцов вооружений заставляет государство поддерживать как фундаментальную, так и прикладную науку. Дело в том, что к вооружению предъявляются гораздо большие требования, чем к гражданской продукции и поэтому межстрановая конкуренция тут крайне жесткая и поэтому без собственных научных и конструкторских школ не обойтись. А следовательно необходимы, собственные вузы высокого уровня.

---

⁶ Отчет Национального научного фонда США «Science and Engineering Indicators — 2016»: nonews.co/directory/lists/countries/science.

Таблица 6. Ведущие страны по приему иностранных студентов и их показатели за 2016 год

Страна	Место в мире				
	по уровню научно-исследовательской активности ⁶	по затратам на научные исследования и разработки ⁷	по количеству исследователей ⁸	по величине номинального ВВП ⁹	по военным расходам ¹⁰
США	2	1	2	1	1
Великобритания	5	8	7	5	7
Китай	1	2	1	2	2
Австралия	14	14	15	13	11
Франция	7	6	9	6	5
Канада	11	13	11	10	15
Россия	10	10	4	11	3
Германия	4	4	5	4	9
Япония	6	3	3	3	8
Испания	13	15	14	14	17
Нидерланды	18	17	19	17	24
Новая Зеландия	41	—	—	54	58
Индия	3	7	8	7	6
Швеция	21	19	20	23	33
Финляндия	34	—	—	44	46
Южная Корея	9	5	6	12	10
Турция	16	18	17	19	14

⁷ Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. Рейтинг ведущих стран мира по затратам на науку 2016: issek.hse.ru/news/221864403.html.

⁸ Там же.

⁹ Список стран по величине ВВП за 2018 год: ru.tradingeconomics.com/country-list/gdp.

¹⁰ SIPRI. Military Expenditure Database: www.sipri.org/databases/milex.

При этом действует и обратная зависимость — если нет собственной науки и производства, то никакие денежные вливания не помогают укрепить боеспособность и увеличить политический вес страны.

Отличный пример этому — Саудовская Аравия. Имея ВВП в районе 782 миллиардов долларов в 2018 году, третьи или четвертые в мире военные расходы в районе 60–70 миллиардов долларов, но имея низкую научную активность (не входит в 20 стран по расходам на науку, занимает 37 место по количеству научных публикаций) она не может эффективно воевать. Это показала их война против йеменских повстанцев хуситов, которые практически несопоставимы по имеющимся у них ресурсам. При этом операция Саудовской Аравии была неудачной и в 2015 году при ее начале¹¹, и такой она остается и в 2019 году¹². И кстати, в Саудовской Аравии нет сильных вузов и большого количества иностранных студентов.

Таким образом, можно сделать выводы, что привлечение большого количества иностранных студентов связано со следующими факторами:

1. Основные факторы:

- a. Высокий уровень экономического развития;
- b. Высокий уровень военно-промышленного комплекса, производящего наукоемкие образцы техники и вооружений;
- c. Большое количество исследователей, которые взаимодействуют с образованием и военно-промышленным комплексом;
- d. Языковая и культурная общность.

2. Дополнительные факторы:

- a. Высокий уровень военных расходов;
- b. Наличие в прошлом зависимых стран как виде колоний, так и непосредственно частей страны:

---

¹¹ Крамник И. Многомиллиардная немощь. И самые крупные военные расходы не всегда гарантируют результат.: lenta.ru/articles/2015/07/06/saudi/?fbclid=IwAR30EFDtgE7LuuBzenHdaQwDauPErtOEpdD6FscjsLxqilvpmrA8HWKzhuA.

¹² Кашин В. Почему раздутый оборонный бюджет не помог саудовской армии стать эффективной. 25.09.2019: profile.ru/military/pochemu-razdutyj-oboronnyj-byudzhel-ne-pomog-saudovskoj-armii-stat-effektivnoj-178173.

- с. Ставка на привлечение иностранных студентов в общей политике образования, при этом страны-метрополии привлекают основное количество студентов из зависимых стран, а у других распределение более равномерное;
- д. Доминирование в регионе.

Выпадение какого-либо из этих условий сразу сказывается на количестве иностранных студентов.

4. РОССИЯ КАК ЦЕНТР ПРИТЯЖЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ИЗ СТРАН СНГ

Россия является центром образовательной миграции для иностранных студентов не только в силу больших расходов на науку и более развитой экономики. Кроме того, есть и другие факторы.

Ниже в таблице № 7 даны отдельные показатели развития постсоветских стран. Анализируя их, можно отметить следующее:

- Россия находится среди на среднем уровне развития среди постсоветских стран по свободе прессы и по демократичности государственного устройства. Однако надо заметить, данные рейтинги не всегда объективны и часто зависят от отношений конкретного государства с организацией, составляющей рейтинг;
- Однако Россия имеет существенные преимущества в политике занятости, в заработной плате, в социальном обеспечении.

Учитывая, что для большинства граждан социальная политика, политика занятости и политика доходов населения важнее, чем свобода прессы или политическое устройство, то Россия безусловно выигрывает у других стран в привлекательности для миграции.

Отметим, что кроме индекса восприятия коррупции Россия превосходит Казахстана по всем параметрам.

---

¹³ Студентов из этих стран в России больше 2 000 человек за 2017–2018 гг. и по которым имеется достоверная статистика

¹⁴ Статистический комитет СНГ. Численность занятого населения (в среднем за год): www.cisstat.com/rus/macro/5-bezrab_chisl_zaniatogo_naselenia.pdf.

¹⁵ Статистический комитет СНГ. Среднемесячная номинальная заработная плата (по среднегодовым курсам национальных валют к российскому рублю, доллару США и евро): www.cisstat.com/rus/macro/zp-2.pdf.

¹⁶ Статистический комитет СНГ. Учреждения здравоохранения и медицинские кадры: www.cisstat.com/rus/macro/1-zdr_med_kadr.pdf.

Таблица 7. Сравнение основных показателей социального развития России и постсоветских стран¹³

Страна	Занятого населения в 2017 г., тыс. чел. ¹⁴	Средняя месячная зарплата в 2017 г., дол. США ¹⁵	Больничных коек на 10 000 населения в 2017 г. ¹⁶	Врачей на 10 000 населения в 2017 г. ¹⁷	Средний размер пенсии за декабрь 2017 г., дол. США ¹⁸	Место страны в индексе человеческого развития за 2017 г. ¹⁹	Индекс восприятия коррупции за 2018 г., место страны ²⁰	Место страны в индексе свободы прессы за 2017 г. ²¹	Место страны в индексе демократии за 2018 г. ²²
Россия	72 142	672	81	48	224,8	49	138	148	144
Казахстан	8 585	463	55	40	162,5	58	124	157	144
Узбекистан	13 520	—	42	26	68,7	105	158	169	156
Украина	16 156	273	73	44	87,6	88	120	102	84
Таджикистан	2 407	134	45	21	30,7	127	152	149	159
Беларусь	4 902	426	84	44	159,3	53	70	153	137
Азербайджан	4 822	307	45	33	122,6	80	152	162	149
Кыргызстан	2 351	228	43	22	115,0	122	132	89	98
Молдова	1 208	302	52	37	89,3	112	117	80	79
Армения	1 012	368	42	44	83,9	83	105	79	103

¹⁷ Статистический комитет СНГ. Учреждения здравоохранения и медицинские кадры: www.cisstat.com/rus/macro/1-zdr_med_kadr.pdf.

¹⁸ Статистический комитет СНГ. Средний размер пенсии: www.cisstat.com/rus/macro/3-pens_razmer_pensii%202000-2017.pdf.

¹⁹ Human Development Indices and Indicators. 2018 Statistical Update: hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf.

²⁰ Corruption Perceptions Index 2018 — Transparency International: www.transparency.org/cpi2018/results.

²¹ 2017 World Press Freedom Index. Reporters Without Borders (2017): rsf.org/en/ranking/2017.

²² Democracy Index 2018: Me too? Political participation, protest and democracy: pages.eiu.com/rs/753-RIQ-438/images/Democracy_Index_2018.pdf.

5. ОТЛИЧИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА ОТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Ниже отмечены те отличия политической системы Казахстана от политической системы России, которые важны для молодежи и поэтому служат причинами сначала образовательной миграции, а потом уже миграции на постоянное место жительства.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

Какое количество партий в Казахстане? В настоящее время в Казахстане действует 6 политических партий, из них 3 парламентские. Максимальное количество партий в Казахстане было до партийной реформы 2002 года — 19. При этом активно действуют только 3 парламентские партии, а остальные фактически полноценно не функционируют.

В России на 15 августа 2019 года было 51 партия, имеющая право участвовать в выборах²³. На начало года было 61 партия, из них 60 имеющих право принимать участие в выборах²⁴.

В Казахстане ценз численности партии составляет 40 000 человек и необходимо на съезде 1 000 делегатов, а вот в России в 2012 году ценз сократился с 40 000 человек до 500, а количество делегатов на учредительном съезде достаточно 10 человек.

Либерализация партийного законодательства привела к тому, что если в 2011 году в России всего было 7 партий, то уже в 2013 году 71 партия, из них имели право участвовать в выборах 54²⁵.

Большее количество партий не только создает партийную конкуренцию, но и дает больше вакансий для специалистов по политическим технологиям, политологам, копирайтерам, социологам, дизайнерам и другим специалистам, работающим на выборах и в рамках текущей деятельности политической партии. Создается целая большая инфраструктура, в которую включаются специали-

---

²³ Политические партии, отвечающие требованиям пункта 2 статьи 36 Федерального закона «О политических партиях», согласно информации, представленной Министерством юстиции Российской Федерации. На 15 августа 2019 года: www.cikrf.ru/politparty/MinUst/last.

²⁴ Справочник «Политические партии в Российской Федерации. 2019 год». Выпуск 8. Москва, 2019 год: www.cikrf.ru/politparty/pol_par8_n_3.pdf.

²⁵ Справочник «Политические партии в Российской Федерации. 2013 год». Выпуск 1. Москва, 2013: www.cikrf.ru/news/relevant/2013/05/29/sprav_pp.pdf.

сты гуманитарных профессий. Ну а траты элиты на выборы позволяют перераспределять доходы в пользу среднего класса.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЛУЖАЩИЕ

Одной из самых престижных форм реализации себя для молодежи в России и Казахстане является государственная служба.

На конец 2018 года в России насчитывалось 2 156,3 тысячи работников государственных органов и органов местного самоуправления²⁶. Туда входят представители законодательной, исполнительной и судебной власти. Из них на в федеральных органах власти работает 1 427,7 тысяч человек, а в региональных органах власти 728,5 тысяч человек. Если по ветвям власти, то в законодательной власти работает 30,6 тысяч человек, в исполнительной власти 1 873,2 тысячи человек, в судебной власти и прокуратуре 228,9 тысяч человек, в других органах власти 21,3 тысячи человек.

Для сравнения, в Казахстане государственных служащих на 1 января 2019 года 90,932 тысячи человек²⁷, кроме того, примерно по 5 тысяч сотрудников судов и прокуратуры, примерно 128 тысяч сотрудников МВД, а также примерно 3600 человек в законодательной власти. Таким образом, примерно в Казахстане всего 233 тысячи человек.

Соотношение примерно больше на 20%. При этом государственные служащие получают заработную плату в России примерно в 2–3 раза больше своих казахстанских аналогов.²⁸

Надо также отметить, что государственная служба в России намного устойчивей казахстанской — там нет постоянных изменений состава и названий министерств, что также является положительным фактором для сотрудников.

---

²⁶ Федеральная служба государственной статистики РФ. Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления по ветвям власти и уровням управления: [www.gks.ru/storage/mediabank/chisl_vetv\(1\).xls](http://www.gks.ru/storage/mediabank/chisl_vetv(1).xls).

²⁷ Агентство по делам государственной службы РК. Мониторинг состояния кадров государственной службы по состоянию на 1 января 2019 года: qyzmet.gov.kz/ru/pages/monitoring-sostoyaniya-kadrov-gosudarstvennoy-služhby-po-sostoyaniyu-na-1-yanvarya-2019-goda.

²⁸ Федеральная служба государственной статистики РФ. Справка о численности и оплате труда гражданских служащих федеральных государственных органов: www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/plat1-18.htm. Сколько получают госслужащие в Казахстане: findhow.org/206-skolko-poluchayut-gossluzhashhie-v-kazhstane.html.

В России²⁹ на начало учебного 2018 года 742 высших учебных заведения, где учится 4 161,7 тысяч бакалавров, магистрантов и др. Было принято 1 147,9 тысяч человек, выпущено 933,2 тысячи человек. Практически половина набора оплачивалась государством в той или иной форме. Кроме того, в России действует 29 национальных исследовательских университетов. В России около 300 тысяч иностранных студентов. Расходы на 2018 год на образование 663,2 миллиарда рублей или 4,01% от расходов федерального бюджета³⁰.

В Казахстане³¹ на начало 2018 учебного года 124 высших учебных заведения, где учится 542,5 тысяч бакалавров, магистрантов и др. Было принято 163,3 тысяч человек, выпущено 130,7 тысяч человек. Примерно треть набора оплачивалась государством в той или иной форме. Кроме того, в Казахстане около 22 тысяч иностранных студентов. Расходы на 2018 год на образование 473,8 миллиарда тенге или 5,39% от расходов республиканского бюджета (надо учесть, что средства разделяются весьма неравномерно)³².

Россия имеет явные преимущества по количеству бюджетных мест — граждане Казахстана и еще некоторых стран СНГ могут поступать на бюджетные места. Общий объем расходов на высшее образование там больше, как и рейтинги вузов.

НАУКА

В России насчитывалось в 2017 году 3 944 организаций, выполняющих научные исследования³³. Из них по типам организаций было следующее разделение:

²⁹ Федеральная служба государственной статистики РФ. Отдельные показатели статистики образования: [www.gks.ru/storage/mediabank/3-5\(1\).doc](http://www.gks.ru/storage/mediabank/3-5(1).doc).

³⁰ Министерство финансов РФ. Бюджет для граждан к Федеральному закону о федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов: www.minfin.ru/common/upload/library/2017/12/main/BDG_2018_FINAL.pdf.

³¹ Комитет по статистике МНЭ РК. Высшие учебные заведения Республики Казахстан на начало 2018/2019 учебного года.

³² Статистический бюллетень Министерства финансов РК на 1 января 2019 года: www.minfin.gov.kz/irj/portal/anonymous?NavigationTarget=ROLES://portal_content/mf/kz.ecc.roles/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonym_budgeting/budgeting/reports_fldr/statistical_bulletin_fldr.

³³ Федеральная служба государственной статистики РФ. Число организаций, выполняющих научные исследования и разработки (по типам организаций; по секторам деятельности): www.gks.ru/storage/mediabank/t_1.xls.

- научно-исследовательские организации — 1 577,
- конструкторские организации — 273,
- проектные и проектно-изыскательские организации — 23,
- опытные заводы — 63,
- образовательные организации высшего образования — 970,
- организации промышленности, имевшие научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения — 380,
- прочие — 658.

Если делить по секторам деятельности научные организации, то они будут распределены так:

- государственный — 1 493,
- предпринимательский — 1 292,
- высшего образования — 1 038,
- некоммерческих организаций — 121.

В 2017 году в России было 347 847 исследователей, из них 25 288 докторов наук и 75 042 кандидатов наук³⁴. Расходы федерального бюджета на науку в 2017 году составили 377,9 миллиардов рублей. Это 2,3% от федерального бюджета или 0,41% от ВВП страны³⁵. Внутренние расходы на научные исследования и разработки составляли 1 019,2 миллиарда рублей или 1,1% от ВВП страны³⁶.

В Казахстане по состоянию на 2017 годы было 386 организаций, осуществлявших научно-исследовательские и конструкторские работы³⁷. Всего в это время численность исследователей было 22 081, из них 1 818 докторов наук, докторов по профилю 354, докторов философии 589, кандидатов наук 4 541.

Внутренние расходы на научно-исследовательские и конструкторские работы составляли 68,884 миллиардов тенге или 0,13% от ВВП страны.

³⁴ Федеральная служба государственной статистики РФ. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками (по категориям; по субъектам Российской Федерации, движение персонала): www.gks.ru/storage/mediabank/t_2.xls.

³⁵ Федеральная служба государственной статистики РФ. Финансирование науки из средств федерального бюджета: www.gks.ru/storage/mediabank/t_4.xls.

³⁶ Федеральная служба государственной статистики РФ. Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по видам затрат (по Российской Федерации; по субъектам Российской Федерации): www.gks.ru/storage/mediabank/t_6.xls.

³⁷ Комитет по науке МНЭ РК. Статистика науки. Основные показатели за 1999–2019 годы: stat.gov.kz/official/industry/24/statistic/7.

В целом объем финансирования науки в России превосходит финансирование в Казахстане по отношению к ВВП страны в 8,5 раз или в 83 раза в абсолютных числах. Количество научных организаций больше в России в 10,2 раз, а количество исследователей больше в 15,8 раза, чем в Казахстане. Это очень существенное преимущество для тех, кто хочет после окончания вуза заниматься наукой, да и на уровне образования в вузах также сказывается.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В России на 31 декабря 2017 года было зарегистрировано 77 583 СМИ, из них³⁸:

- печатные издания — 52 629,
- электронные издания — 12 746,
- информационные агентства — 1 486,
- сетевые издания — 6 038,
- электронные периодические издания — 4 720.

Объем рекламного рынка России составил в 2018 году 469 миллиардов рублей³⁹.

В Казахстане на 12 июня 2019 года зарегистрировано 3 520 СМИ, из которых 2 886 составляют периодические печатные издания, 157 — телеканалы, 72 — радио, 405 — информационные агентства и сетевые издания⁴⁰.

Объем рекламного рынка Казахстана составил в 2018 году 50 миллиардов тенге⁴¹.

Разница между Россией и Казахстаном в количестве СМИ 22 раза, в объеме рекламного рынка в 53 раза. Это также составляет существенную разницу в перспективах для всех специалистов отрасли.

---

³⁸ На начало 2018 года в России количество зарегистрированных СМИ было на 4% меньше, чем годом ранее: joursev.ru/2018/05/01/на-начало-2018-года-в-россии-количество-за.

³⁹ АКАР подвела итоги развития рекламного рынка России за 2018 год. 11.03.2019: finance.rambler.ru/realty/41850645/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

⁴⁰ Министерство информации и общественного развития РК. Отечественные СМИ: qogam.gov.kz/ru/kategorii/smi-3.

⁴¹ Рекламный рынок Казахстана: ТВ лидирует, интернет растет не по дням, а по часам. 21.02.2019: 365info.kz/2019/02/reklamnyj-rynok-kazahstana-tv-lidiruuet-internet-rastet-ne-po-dnyam-a-po-chasam.

6. ВЫВОДЫ

1. Образовательная миграция является мощным мировым процессом, который с каждым годом растет. При этом центры притяжения студентов как правило являются ведущими странами мира, у которых развита как экономика, военно-промышленный комплекс и наука.

2. В нашем регионе ключевым «магнитом» для образовательной миграции является Россия. При этом образовательная миграция превращается в миграцию на постоянное место жительства, что существенно сказывается на человеческом капитале стран эмиграции.

3. Ключевыми политическими факторами образовательной миграции, то есть преимуществами России, являются развитая партийная система и конкурентные выборы, политика по поддержке науки и человеческого капитала, общая поддержка государством людей, которые на него работают, развитый рынок СМИ. Только улучшение ситуации в Казахстане с этими факторами сможет удержать выпускников школ в стране.

4. К сожалению, как показывает сравнение, Россия по многим параметрам превосходит Казахстан и поэтому изменение политики внутри страны может только сократить образовательную миграцию, но все равно она будет оставаться существенной.

Станислав Смагин

Ральф Хартманн. «Честные маклеры». Германская внешняя политика и гражданская война в Югославии. Некоторые итоги. СПб. : Гйоль, 2018

Одним из побочных положительных эффектов начавшейся в 2014 году новой конфронтации с Западом можно считать издание многих давным-давно вышедших и нашумевших, но ранее российскими издателями невостребованных зарубежных книг, из которых можно понять, что «они» там сами о себе, мире и отчасти о нас думают. Это и «Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США» Герфрида Мюнклера¹, в Германии вышедшая в 2005 г., а до нас дошедшая с десятилетним опозданием, и «Анатомия американского национализма» Анатоля Ливена² (разрыв между выходом на английском и на русском — те же десять с лишним лет), и «Муссон» Роберта Каплана³, задержавшийся, правда, «всего» на пять лет (2010–2015), и многое другое. В этом же ряду менее известная, но ничуть не менее примечательная и достойная внимания книга Ральфа Хартманна ««Честные маклеры». Германская внешняя политика и гражданская война в Югославии. Некоторые итоги». Она повествует о важнейшей и при этом крайне неблагоприятной роли Германии в балканской трагедии девяностых. На немецком книга впервые издана в раз-

---

¹ Мюнклер Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. М., 2015.

² Ливен А. Анатомия американского национализма. М., 2015.

³ Каплан Р. Муссон. М., 2015.

гар событий вокруг Косово, закончившихся натовскими бомбардировками Сербии, тогда еще бывшей осколком большой Югославии и носившей ее имя. У нас — появилась лишь год назад.

Впрочем, удовлетворение от выхода этих книг несколько омрачается тем, что они явно предназначены «для узкого круга читателей», причем неуклонно сужающегося еще больше. Массы же по-прежнему ориентируют на информацию тщательно подобранную, предельно или вообще запредельно упрощенную, а главное — не провоцирующую лишних вопросов. Темы, которая затронута в книге Хартманна, несмотря на отсутствие прямой связи с Россией, это тоже касается. Ваш покорный слуга на одной телевизионной политической передаче во время обсуждения положения в Сербии, которое сопровождалось бурными проклятиями в адрес американцев, некогда практически единолично разрушивших Югославию, взял слово и деликатно напомнил, что главную роль в ключевой момент разрушения сыграли немцы. Ведущий с очевидной растерянностью уточнил: «Но американцы же присоединились?». Я подтвердил — да, но со значительным опозданием. Присутствовавший эксперт военно-силового толка буркнул, мол, сейчас в Косово крупнейшая американская база, а кто в итоге выгоду получил — тот все с самого начала и затеял. Зрителям этот фрагмент в итоге не показали, видимо, чтобы не рушить черно-бело-звездно-полосатую картину мира.

Между тем, любой, кто еще не совсем потерял память или, опоздав к началу девяностых с общественно-политической зрелостью, способен и готов восстанавливать тогдашние события по источникам, совершенно очевидно: именно «IV Рейх», только что вбравший в себя ГДР, нанес страшный удар по Югославии признанием Словении и Хорватии, а затем и подзуживанием боснийцев. У ООН, Вашингтона и ключевых европейских контрагентов Германии ее возбужденная активность вызывала весьма неоднозначную реакцию, от молчаливой оторопи до явного неудовольствия. Помощник М. Горбачева по международным делам Анатолий Черняев приводит в своей книге «Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991» слова французского президента Миттерана, сказанные им советскому президенту и генсеку в последние недели существования СССР:

«Я как-то обсуждал югославскую тематику с Мейджором [британским премьером того времени]. Он спросил меня, что будет даль-

ше. Я ему ответил: Хорватия, видимо, обратится за помощью к вооруженным силам Германии, Австрии, Венгрии и Турции. Сербия, в свою очередь, аналогичную просьбу адресует Великобритании, России и Франции. Наши вооруженные силы окажутся таким образом в Югославии, и возникнет ситуация, как в начале первой мировой войны в 1914 году»⁴.

Очевидно, что Миттеран сгущал краски и проецировал реалии XX века на иную, в первую очередь по отношениям внутри Западной Европы, ситуацию. Да и Мейджор, как признался мсье Франсуа, несколько удивился его апокалиптическим настроениям. Но все-таки эти настроения родились не на пустом месте.

Название книги Хартманна недвусмысленно отсылает к словам Отто фон Бисмарка, накануне Берлинского конгресса 1878 года заявившего, что в мирном урегулировании по итогам русско-турецкой войны намерен сыграть роль «честного маклера». Итог, приятный практически для всех заинтересованных сторон, кроме турок и, как ни странно, России, известен. Известны и балканские дела на протяжении последующих почти уже полутора веков. А если что неизвестно или, точнее, подзабыто — Хартманн помогает освежить память.

С истинно немецкой добросовестностью автор начинает рассмотрение корней вопроса с периода того самого Берлинского конгресса. В фокусе его внимания не только Германская империя, но и Австро-Венгрия. Поначалу даже в главной роли — как, впрочем, и было в действительности. При описании перипетий последней трети XIX века Хартманн, увы, грешит тем же, в чем я выше укорил отечественный информационно-пропагандистский цех — упрощением картины, пусть и не в клинической степени. Он пишет о «сербофобии венских правителей, имевшей глубокие корни», но не упоминает, что Сербией до переворота 1903 года правила династия Обреновичей, сделавшая страну не просто союзником Вены, а фактически ее протекторатом. Да, широкие круги патриотической общественности подобное положение дел не устраивало, что и стало причиной свержения Обреновичей, но уделить пару строк немаловажному нюансу стоило бы. Да и в XVII–XVIII веках австрийцы и сербы не раз были союзниками в борьбе против турок, пусть это и было очень на-

---

⁴ Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. М., 2008. С. 1013

пряженное, неровное союзничество, порой из серии «друг хуже врага».

Рассказав о Первой мировой войне и всем известной роли «сербского фактора» в ней, Хартманн достаточно подробно останавливается и на Второй, когда очередной Рейх, уже объединивший Вену и Берлин, противостоял, в свою очередь, не просто Сербии, а объединенной вокруг нее Югославии. Автор подчеркивает, однако, что основная немецкая неприязнь падала именно на сербов. Доказательства — не только голая практика, но и предшествовавшие ей разнообразные «методические пособия», например, «Руководящие указания в отношении вопросов пропаганды против Югославии». Там, в частности, говорилось:

«Так как сербы всегда осуществляли беспощадную диктатуру в отношении несербских этнических групп Югославии, прежде всего в отношении хорватов и македонцев, по отношению к ним надо продемонстрировать, что германский вермахт приходит в страну к хорватам, боснийцам и македонцам не как враг. Напротив, он хочет их уберечь от того, чтобы их перебили ... сербские шовинисты ...».

Ярчайшей «демонстрацией» такого рода стало создание под немецким патронатом усташского «Независимого государства Хорватия», которое превентивно «перебило сербских шовинистов» от мала до велика на своей территории. Вторым полноправным покровителем усташей, о чем говорит и Хартманн, был Ватикан. К сожалению, тема немецко-папистского сотрудничества в деле разрушения Югославии уже на следующем историческом витке раскрыта в книге крайне слабо — буквально несколькими цитатами, типа высказывания миттерановского министра иностранных дел Ролана Дюма:

«Ответственность Германии и Ватикана за эскалацию кризиса в бывшей Югославии, бесспорно, огромна».

Показательный штрих — Хартманн с огорчением пишет, что в Германии до сих пор очень мало знают о трагедии сербского города Крагуевац, где гитлеровцы казнили несколько тысяч гражданских сербов, хотя о чешском Лидице и французском Орадуре знают все. Учитывая, что в СССР упоминания трех этих трагедий

шли в качестве примера преступлений III Рейха одной строкой через запятую, можно заподозрить, что в Германии, даже современной, со всем ее показным чувством «национальной вины», сербы в иерархии жертв и поводов для покаяния идут ниже французов и чехов. Выше или ниже русских — вопрос открытый. Такой подход, отметим, распространяется на обе мировые войны. В 2015 году на русском вышла книга директора Института новейшей истории Сербии Миле Белаяца «Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны»⁵. Белаяц показал, как столетний юбилей сараевского выстрела Гаврилы Принципа тяжеловесы исторической науки Англии, Франции и Германии встретили в состоянии трогательного компромисса, перекрестно сняв или минимизировав вину своих стран в *La Grande Guerre*, а основными поджигателями сделав Сербию и Россию.

Перед тем, как начать основной раздел книги, посвященный событиям девяностых, Хартманн приводит мнение ряда немецких историков, политологов и журналистов о внутренних причинах югославского кошмара, без которых любое внешнее вмешательство, конечно, не привело бы к тем результатам, к которым оно привело. Помимо понятных этнических, религиозных и социально-психологических причин, отметим оригинальную версию о том, что Югославия была... слишком успешна. Югославский социализм и социалистическое общество были успешнее, демократичнее, плюралистичнее, гибче и поэтому крепче, чем в странах Варшавского договора. Поэтому и ломать их пришлось отнюдь не «бархатными» методами. Здесь, правда, возникает вопрос, заданный и Хартманном — кто был субъектом «слома», некие внутренние силы или, опять-таки, внешние.

Наконец, сам основной раздел, отдельные «эксклавы» которого встречаются в книге, структурированной довольно свободно, и раньше. Штрихи яркие, местами ужасающие. Перед нами трогательное единство немецкого политического класса относительно необходимости развала Югославии и признания Хорватии со Словенией, причем социал-демократы едва ли не активнее христианских демократов. Особое мнение, мгновенное клеймимое как «невероятное» и «отвратительное», лишь у наследующей СЕПГ

---

⁵ *Белаяц М. Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. М., 2015.*

Партии демократического социализма да отдельных чиновников вовлеченных ведомств типа МИД. Ведущие издания, то называющие Югославию «*историческим выкидышем, созданным версальским диктатом*», а сербов «*наследниками Чингисхана*» и «*учениками Хусейна*», то изображающие их на карикатурах «*в виде валяющихся свиней, мутантных быков, хищных волков, кровожадных ящеров, змей с раздвоенными языками, стервятников, жрущих падаль, голодных гиен и здоровенных бойцовых собак*» — сохранить хотя бы нейтралитет, опять-таки, смогли немногие.

Вопиющие двойные стандарты — поощрив отделение Словении с Хорватией и намереваясь проделать то же самое с Боснией, немцы, однако, всячески препятствовали встречному желанию самоопределиваться боснийских сербов, ведь Босния «*уникальное мультикультурное общежитие — образец для всей Европы*» и его надо обязательно сохранить, разумеется, с доминированием мусульман. Оторопь международных организаций, европейских и заокеанских союзников — Буш-старший, не стремившийся к безоговорочному «*умножению на ноль*» ни СССР, ни Югославии, прекратил регулярные телефонные разговоры с германским канцлером Коелем, а представитель США в ООН Томас Пикеринг с очевидной яростью провозгласил «*рождение великой державы Германии*». Помощь хорватам и боснийским мусульманам оружием, а затем, когда союзники по НАТО решили «*если безобразия нельзя предотвратить — его надо возглавить*» — наращивание участия в общих интервенционистских действиях. Сначала это участие активнейшее, но вспомогательное, затем, уже после Дейтонских соглашений, бундесвер напрямую вовлечен в их обеспечение, а в 1999 г. последние моральные и юридические препоны сняты — немецкие самолеты в авангарде бомбящих Белград.

Здесь, как ни странно, ближе к концу рецензии, скажем несколько слов об авторе. Он не просто немец, а немец восточный, и не просто восточный немец, а бывший кадровый дипломат ГДР, работавший в Югославии тринадцать лет, из них последние шесть — в качестве посла. Чувствуется, что ему, мягко говоря, крайне неловко за действия своей страны, а к сербам он испытывает нескрываемую симпатию, что даже приводит к некоторым упрощениям концепции, пусть и некритическим. Но и это не все — на еще более глубоком уровне сложно избавиться от ощущения, что объединившаяся путем аншлюса ГДР Германия для Хартманна, в общем-то, и не стопроцентно *своя страна*.

Не такими уж абсурдными были многократно осмеянные слова Эриха Хонеккера о появлении самостоятельной «социалистической немецкой нации», пусть эта нация и покоилась на фундаменте более давних расхождений и несходств между Востоком и Западом Германии. Еще на йоту понятнее становится и феномен «остаальгии», и высокие результаты, получаемые в восточных землях партией «Левые» и правой, но тоже оппонирующей центристской системности «Альтернативы для Германии». Понятнее становится и соцопросы, согласно которым на Востоке Путин едва ли не популярнее Меркель. Кстати, сама фрау канцлер на днях, поздравляя соотечественников с очередной годовщиной объединения, признала, что до конца оно так и не произошло. Не только Хонеккер, выходит, отчасти был прав — еще и Гюнтер Грасс, пытавшийся перекричать шумную эйфорию от падения Берлинской стены предложением вместо поглощения Востока Германии ее Западом создать конфедерацию с многолетним сроком сближения. Вот так «Честные маклеры» позволяют кое-что понять не только о внешней политике современной Германии, но и о внутренней, я бы сказал — о немецком нутре.

Послесловие к книге написал последний министр иностранных дел ГДР Оскар Фишер. Но еще до произнесения им абсолютного верного тезиса «гибель ГДР ускорила кризис в Югославии» я задумался о взаимосвязи и обратном отражении вех и явлений на этом участке карты и истории.

В 1877–1878 гг. Россия очень дорогой ценой, большой кровью купила далеко не полное, но освобождение южных славян, не получив взамен практически ничего. Да, воевали, как считалось, в первую очередь как раз за освобождение, а не за геополитические трофеи, но уж слишком кричащим получилось соотношение потерь и приобретений, хотя просто стоявшим в стороне державам досталось явно больше. В формировании этого кричащего соотношения весьма активно поучаствовала Германия. А спустя сто с небольшим летом Российская империя в новых, хотя к тому моменту уже старых и разодранных советских одеждах дала добро на объединение Германии по самому невыгодному и для России, и для Югославии, и для немалой части немцев сценарию. Можно сказать, что это была не Россия как таковая, а ее едва ли не самое бездарная и предательская за всю историю верхушка («едва ли» — потому что, увы, есть серьезные конкуренты). Это будет важное уточнение, но слабое утешение. Теперь уже косвенно

сербы, да и другие югославыне дорого заплатили по нашим сче-там. А если вспомнить, что предыдущее германское объединение случилось всего за семь лет до Берлинского конгресса, и опять же с одобрения России, сплетение получится еще более замыслова-тым.

Сейчас ведомая Германией Европа и США, в общем русле, но каждый на свой салтык и с мыслью о своих интересах, стремят-ся окончательно закрепить отделение Косово от Сербии, и есть подозрение, что может опять не обойтись без крови. Россия хо-рошо если была бы в этот момент по-горчаковски сосредоточен-ной, но на деле она рассредоточена едва ли не сильнее, чем в пе-рестройку. Остается лишь догадываться, что про текущий момент напишут в книгах тридцать лет спустя, смутно подозревая, что от-вет уже есть в книгах о том, что было тридцать лет назад.

Андрей Тесля

Ю. А. Сафронова. Историческая память: введение. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019

Исследования исторической памяти (*memory studies*) оказываются последние десятилетия в фокусе внимания в том числе и в силу того, что отходит противопоставление, которое было значимо для основоположников этого направления, для Мориса Хальбвакса и Пьера Нора — между памятью и историей. Для Хальбвакса история говорила от лица истины — память изначально была связана с текущим, современным, историк был озабочен действительностью, «как оно было на самом деле», коллективная память была необходимым элементом единства общества — соответственно, распадаясь на память классов, групп и т. п. В последние десятилетия эта дихотомия оказалась снята — так, у Алейды Ассман история — лишь одна из форм памяти, тогда как сама история в первую очередь предстает не как некое «знание», а через институции, носителей, формы закрепления и прочее — все то, что никак не позволяет сохранять прежнюю наивность (правда, ставит другой вопрос — о функциях и значении той прежней ме-

---

¹ *Андрей Тесля* — к. филос. н., с. н. с. Института истории СПбГУ, с. н. с. ИГН БФУ им. И. Канта, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли ИГН БФУ им. И. Канта, me8r81@gmail.com. Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

тодологической наивности историка — и о возможности производить и воспроизводить историческое знание, утратив ее — ведь тогда автономия, дистанцированность научного знания должно обретать иное основание, убедительное как для самого исторического сообщества, так и для тех, к кому оно обращается).

Вводный курс в изучение исторической памяти, написанный Ю. Сафроновой, замечателен не только как учебник, адресованный студентам, но одновременно и как компактный обзор проблематики *memory studies* — от отцов-основателей до споров последних лет. Ценность этого обзора тем более велика, что — как фиксирует и неоднократно напоминает автор — эта область остается достаточно неопределенной в смысле границ, наличия методов и т. п., нет возможности сослаться на общепринятое мнение, говоря о существовании такого рода дисциплины — о том, что входит в ее пределы и что оказывается за ее рамками, в какой мере это часть исторического знания, а в какой принадлежит пространству, например, социологии. Это заметно уже на уровне основных понятий — за которыми стоят зачастую практики употребления, чем отчетливые определения — и выбор которых скорее отсылает к образцам, чем к исследовательским программам.

Собственно, сам взлет исследований исторической памяти отчасти связан не только с «закатом “больших нарративов”», но одновременно и с невозможностью обойтись без них — в силу как того обстоятельства, что история остается именно историей, рассказыванием историй, следовательно, имеет собственную драматургию, так и потому, что ключевыми остаются вопросы, связанные с осмыслением сообществ — своих и чужих — через прошлое, только с изменившимся сюжетом: не через проекцию личного сообщества в глубь времен, а через осмысление того, как выстраивается память этих сообществ, как они не только помещали, но и продолжают помещать себя в прошлое — и почему не могут обойтись без этого, даже если в самом моменте формирования не нуждаются в подобных отсылках.

Впрочем, отсылая к размышлениям Пьера Нора, цитируемым Сафроновой, можно увидеть, как тот же процесс ведет к размышлению «прошлого», «памяти» как предмета, в отношении которого историки имеют если не монополию, то решающее преимущество — в область, от вхождения в которую по умолчанию не исключен никто. Нора увязывает перемены с утратой представлений о телеологии истории во всех трех возможных формах — как

реставрации, прогрессе или революции — из чего наступают неожиданные последствия, а именно — невозможность сказать, что именно надлежит хранить, что подлежит памятованию, а что — не относится к области истории.

Историк прошлого мог, по крайней мере иногда, иметь уверенность в том, что относится к его области, что значимо — а что может быть свободно исключено, как бывшее, разумеется, но не являющееся значимым. Можно вспомнить хотя бы знаменитые и не очень чистки архивов и сдачу десятков тысяч старых дел на макулатуру — то, что сейчас вызывает священный ужас как акт вандализма, зачастую осуществлялось руками самих историков, с формулировкой, что все значимое из дел извлечено, материалы обработаны — и оставшееся интереса не представляет. Здесь можно видеть изменение самого представления о памяти и истории, и в свою очередь можно провести связку с практиками современного государства, качественно изменившимся за последние пару сотен лет уровнем документированности всевозможных процессов и практиками хранения информации. Для Нора это предстает как возобладание памяти над историей — если под последней понимать область смыслов, отбора — и, следовательно, исключения. И одновременного экстенсивного расширения понятия памяти — на сохранение претендует не только то, что утверждает-ся как истинная память о прошлом, но и память сообщества — то, как оно помнило прошлое, как помнят входящие в него в него индивиды и т. д.

Как уже отмечалось — особая ценность работы в обзоре многообразных направлений последних десятилетий, так или иначе связанных с исследованиями исторической памяти, от культурной травмы и проблематики забвения, до связи с исследованиями медиа и формами использования прошлого — исторической политики, политики памяти и публичной истории. При этом форма учебного пособия оказывается в этом плане весьма продуктивной — не отменяя авторской позиции, она представляет направления и подходы в рамках их собственных логик, ориентируя в наличном материале и одновременно ставя критические вопросы к каждому из представленных подходов и направлений.

Следует, представляется нам, остановиться и еще на одном дискуссионном — именно в свете того, что речь идет об учебном пособии — моменте. Говоря о отцах-основателях — Хальббаксе, Нора и, в меньшей степени, о Ренане — Сафронова с некото-

рым неодобрением подчеркивает, что в их работах мы не найдем ни строгих дефиниций, ни ясных исследовательских алгоритмов. Они изъясняются метафорически или используют метонимии, Хальбвакс охотно отсылает к собственному опыту и самонаблюдению, Нора не лишен лиризма в сочетании с (само) иронией — их тексты, не говоря уже о речи Ренана, самые условия жанра которой предполагают подобное, активно используют сложные риторические стратегии, стремясь убедить читателя не только, а иногда и отнюдь не только рациональными аргументами.

Однако примечательно и другое: если все это считать недостатками, для чего вроде бы есть все основания — то именно эти работы оказываются дающими возможность нового видения, открывают новые исследовательские области. Их неточность — не только следствие неразмеченности только что открытого пространства, но вместе с тем и сама возможность это пространство увидеть: ведь там, где есть предельная прозрачность инструментария, скорее всего увиденным окажется лишь то, что и планировалось. Естественно, там, где научная деятельность является массовой — это именно так и должно быть, речь о стандартизированных результатах и экстенсивном расширении знания — и с этой точки зрения основоположники оказываются теми, кто непригоден в качестве руководства, инструкции. Но не менее показательное, что для Яна Ассамана — создающего отчетливую понятийную сетку исследований памяти — именно Хальбвакс оказывается значимым автором, толчком к собственным изысканиям.

Авторская позиция здесь оказывается именно педагогической — одновременно ориентирующей читателя, чего не стоит искать у основоположников и вместе с тем внимательно и тщательно вводящей в понимание их текстов — демонстрируя, что их значимость не в том, чтобы быть образцами для подражания в смысле воспроизведения, но как поиск и нащупывание ответов на собственные исследовательские вопросы — где важны не только тексты, но и биография, академический и культурный контексты — в конце концов, память о тех, кто создал язык, на котором мы теперь говорим о проблемах коллективной, исторической, коммуникативной, культурной и прочих памяти.

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| научное обозрение |

Редакционная коллегия:
*Далибор Денда, Юрий Пуцаев,
Кирилл Шевченко*

Ответственный редактор *Модест Колеров*

Оформление *М. Е. Бороздинского*

Корректор: *А. В. Мартынов*

ISBN 978-5-905040-51-1

9 785905 040511 >

Издатель **Модест Колеров**

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

ИА № ФС 77-55036 от 14.08.2013

Подписано в печать 17.12.2019. Формат 60 × 90 1/16.

Гарнитура Arno1d. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «ЦМИК»

150014, Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2

тел.: (4852) 200-121. www.yarcmtyk.ru

| Содержание |